D 8/395

Д 8
395.

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ РУССКІЙ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ РОССІИ.

Съ 20-ю рисунками.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для школъ сего Министерства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи народнаго журнала «Морской Вѣстникъ»
1875.

Первый Императоръ Русскій Петръ Великій.
Преобразователь Россіи.

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ РУССКІЙ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ РОССІИ.

Съ 20-ю рисунками.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія
для школъ сего Министерства.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи народнаго журнала «Морской Вѣстникъ».
1875.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Ноября 1874 г.

2007059711

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ РУССКІЙ,

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ РОССІИ.

I.

Вѣнчаніе на царство царевичей Ивана и Петра.

Бракосочетаніе Царя Алексѣя Михайловича съ Натальею Кирилловною Нарышкиною. — Рожденіе Петра. — Дѣтство Петра. — Военныя игры Петра съ потѣшными. — Кончина царя Ѳеодора и избраніе на престолъ царевича Петра.—Вѣнчаніе на царство царевичей Ивана и Петра.

Царь Алексѣй Михайловичъ вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, въ молодыхъ лѣтахъ, сочетался бракомъ съ дочерью незнатнаго дворянина Ильи Дани-[illegible]ича Милославскаго, и двадцать одинъ годъ жилъ [illegible]нею въ любви и согласіи. Пять сыновей и 8 до-[illegible]й было у царя отъ его супруги. Первенецъ ихъ, [illegible]итрій, скончался младенцемъ; второй сынъ, Алек-[illegible]й, достигъ совершеннолѣтія, былъ торжественно объ-[illegible]ленъ народу по обычаю, принималъ пословъ, какъ [illegible]слѣдникъ престола, и уже началъ раздѣлять съ от-[illegible]ъ труды правленія, когда государя постигло не-[illegible]іе: въ 1669 году скончалась супруга его; черезъ [illegible]и мѣсяца четырехлѣтній сынъ Симеонъ, а чрезъ пол-[illegible]ода шестнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй.

Царь Алексѣй Михайловичъ, будучи гостемъ у боярина Матвѣева, видитъ первый разъ Наталію Кирилловну.

Царь овдовѣлъ 40 лѣтъ. Грустно смотрѣлъ онъ на двухъ оставшихся у него сыновей, Ѳеодора и Іоанна, больныхъ, хилыхъ, страдавшихъ скорбутомъ или цингою; видѣлъ въ нихъ ненадежныхъ преемниковъ себѣ, и чрезъ два года по кончинѣ царицы, еще крѣпкій силами, далекій отъ преклонной старости, рѣшился вступить во второй бракъ. Объ избраніи имъ второй супруги, матери Петра, сохранилось слѣдующее преданіе:

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ царедворецъ, не знатный ни родомъ, ни саномъ, но знаменитый заслугами, умомъ государственнымъ, стольникъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Царь любилъ его какъ друга, часто бывалъ у него въ домѣ и нерѣдко проводилъ съ нимъ вечера въ умной бесѣдѣ. Однажды государь изъявилъ желаніе откушать вмѣстѣ съ его семействомъ, запросто. Явилась жена Матвѣева, съ малолѣтнимъ сыномъ и жившею въ домѣ ея молодою и красивою дѣвицею; то была Наталія Кирилловна, дочь Тарусскаго помѣщика, стольника и полковника рейтарскаго строя, Кирилла Нарышкина. Царю понравилась скромная дѣвушка, онъ вступилъ съ ней въ разговоръ, на вопросы свои слышалъ весьма умные отвѣты, былъ веселъ, шутилъ и обѣщалъ найти ей хорошаго жениха. Чрезъ нѣсколько времени онъ снова пріѣхалъ къ своему любимцу и сказалъ, что нашелъ жениха для Наталіи, и что женихъ этотъ—самъ царь. Изумленный Матвѣевъ палъ на колѣни и умолялъ царя отказать ему въ этой чести опасаясь зависти и злобы другихъ бояръ. Государь успокоилъ его, далъ ему слово невѣрить никакимъ навѣтамъ. Вскорѣ по

старому обычаю собрано было до 60 благородныхъ дѣвицъ въ царскіе чертоги, для избранія невѣсты государю. Царь избралъ Наталію Кирилловну.

Царь Алексѣй Михайловичъ обвѣнчался съ Наталіею Кирилловною 22 января 1671 года, въ Успенскомъ Соборѣ, съ обычными обрядами и пожаловалъ Матвѣева въ думные дворяне.

Чрезъ шестьнадцать мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, 30 мая 1672 года, въ день преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ первомъ часу по полуночи, молодая царица обрадовала государя рожденіемъ сына, названнаго Петромъ.—Въ этотъ день, рано утромъ, колокольный звонъ на Иванѣ Великомъ и на всѣхъ церквахъ московскихъ возвѣстилъ Москвѣ о рожденіи царевича Петра. Къ 5-ти часамъ утра Митрополитъ, духовенство, бояре, народъ—всѣ спѣшили въ храмы Божіи, чтобы принести благодареніе Господу. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, въ сопровожденіи своего двора, въ 5 часовъ утра поѣхалъ въ московскій Успенскій соборъ, чтобы отслужить благодарственное молебствіе, и передъ Господомъ излить свои чувства за ниспосланную ему семейную радость.

Семейная радость царя, была радостію и всего народа русскаго, всей Руси православной. Колокольный звонъ, пушечная пальба и молебствія въ храмахъ Господнихъ не прекращались цѣлые три дня. Во все это время народъ толпился передъ дворцомъ Кремлевскимъ, и оглашалъ воздухъ радостными кликами. — Вѣщее сердце русское чуяло видѣть въ державномъ младенцѣ будущаго царя Великаго.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня, ново-

рожденный царевичъ Петръ былъ крещенъ въ Чудовомъ монастырѣ патріархомъ Іоакимомъ.

Весело пировалъ, по старинному русскому обычаю Алексѣй Михайловичъ. Въ грановитой палатѣ царь угощалъ до 400 человѣкъ, какъ знатныхъ чиновниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, такъ равно и выборныхъ людей изъ черныхъ сотень и слободъ дворцовыхъ.

Царевичъ Петръ день ото дня возрасталъ и укрѣплялся духомъ на радость отцу и матери своей Наталіи Кирилловнѣ. Здоровье и крѣпкое тѣлосложеніе его еще въ колыбели обнаруживали въ немъ будущую мощную силу; съ первыхъ лѣтъ онъ уже показывалъ умъ не по возрасту и необыкновенную любовь къ воинскимъ занятіямъ.

Въ третье тезоименитство его, одинъ купецъ, между прочими подарками, поднесъ ему маленькую саблю. Царевичъ Петръ такъ былъ восхищенъ этимъ подаркомъ, что не обращая вниманія на прочія игрушки, схвативъ саблю, разцѣловалъ купца, и побѣжалъ къ царю, прося, чтобъ онъ наградилъ купца. Царь исполнилъ желаніе сына, и пожаловалъ купца гостемъ. Вслѣдъ затѣмъ духовникъ царскій прочиталъ молитву; царевича препоясали его мечемъ, и съ того времени сабля сдѣлалась любимѣйшею игрушкою отрока.

Первые годы младенчества, Петръ проводилъ большею частью въ подгородномъ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за рѣкою Яузою. Сюда каждую осень переселялся царь Алексѣй Михайловичъ со всѣмъ семействомъ.

На четвертомъ году царевичъ Петръ лишился отца. Царь Алексѣй Михайловичъ, сраженный внезапнымъ

недугомъ, скончался послѣ кратковременныхъ страданій, благословивъ на царство старшаго своего сына Ѳеодора, юношу «съ умомъ свѣтлымъ, съ душею прекрасною, но здоровьемъ слабаго и болѣзненнаго отъ колыбели». Умирая, царь завѣщалъ ему любить, какъ мать, царицу Наталію Кирилловну и царевича Петра. Тоже завѣщалъ и ближнимъ боярамъ своимъ Кириллу Нарышкину, князю Петру Прозоровскому, Ивану Головину, поручивъ имъ блюсти Петра, «яко зеницу ока своего». Наталія заплакала и упала на колѣни предъ царемъ и супругомъ своимъ. «Что приказываешь ты мнѣ и сыну моему?» говорила она. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ приподнять себя, приказалъ подпести Петра, положилъ ему на голову свою хладѣвшую руку; языкъ его едва могъ произносить слова; слышали только какъ проговорилъ онъ: «Не плачь—ему суждено быть Царемъ».

По кончинѣ Царя Алексѣя Михайловича, страсть молодаго Петра къ воинскимъ играмъ и упражненіямъ обнаружилась еще болѣе. Царица Наталія Кирилловна, любя тишину и уединеніе, избрала мѣстомъ своего жительства загородный потѣшный дворецъ покойнаго супруга своего, въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ царевичъ Петръ, проводя съ избранными ему родителемъ Алексѣемъ Михайловичемъ сверстниками, дѣтьми придворныхъ Государыни, собранными ему *на потѣху*, безпрестанно воевалъ и сражался съ своими ровесниками, давалъ битвы, одерживалъ побѣды.

Эти дѣтскія игры и забавы положили основаніе непобѣдимому воинству Русскому, прославившему оружіе свое въ битвахъ и сраженіяхъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, наслѣдовавшій престолъ Русскій послѣ отца своего Алексѣя Михайловича, доказывалъ всегда, что онъ помнитъ и исполняетъ послѣдній завѣтъ родителя, любитъ и бережетъ младшаго брата своего Петра и чтитъ царицу Наталію, какъ родную мать свою. Посѣщая вдовствующую государыню въ селѣ Преображенскомъ, онъ часто забавлялся бесѣдою съ молодымъ Петромъ и удивлялся быстрому возрастанію его умственныхъ способностей. Царевичъ Петръ радовалъ и веселилъ его удивительною понятливостью, необыкновеннымъ умомъ, пылкимъ нравомъ, красотою лица, воинскими играми и забавами.

Необыкновенныя способности Петра раскрывались болѣе и болѣе. Пять лѣтъ совершилось ему, когда положено было начать учить его грамотѣ. Боярин Соковнинъ указалъ Царю Ѳеодору на отличнаго грамотѣя, дьяка Зотова. Самъ Ѳеодоръ испытывалъ Зотова въ чтеніи и письмѣ и послалъ его потомъ къ царицѣ Наталіи. На другой день пришли въ Потѣшный дворецъ Ѳеодоръ и Патріархъ. Владыка прочиталъ «молитву предъ начатіемъ ученія», и Петра «посадили за букварь». 12 марта 1677 года. Вскорѣ началъ онъ читать хорошо, бѣгло, сдѣлался страстнымъ охотникомъ до чтенія, почти наизусть выучилъ Евангеліе и Псалтырь. Зотовъ удивлялся способностямъ царевича и едва могъ удовлетворить его любопытству. Онъ читалъ съ нимъ духовныя книги и лѣтописи, перебиралъ разные рисунки, и на стѣнахъ учебной комнаты помѣстилъ картину событій Русской исторіи. Въ часы отдыха, онъ указывалъ ученику своему на картинки и повѣствовалъ ему о дѣяніяхъ Русскихъ князей Свя-

тослава, Владиміра, Александра Невскаго, Димитрія Донскаго, двухъ Іоанновъ, дѣда его Михаила Ѳеодоровича и родителя, Царя Алексѣя Михайловича. На картинкахъ изображены были взятіе Казани, Куликовская битва, весь *воинскій артикулъ* ратнаго дѣла, знатнѣйшіе европейскіе города, корабли и воинскія орудія. Скоро недоставало уже познаній Зотова чтобы отвѣчать на всѣ вопросы, какіе предлагалъ ему любознательный царевичъ, желавшій знать все.

Вниманіе царя Ѳеодора къ Наталіи Кирилловнѣ и любовь къ сыну ея царевичу Петру были причиною того, что нѣкоторые злопамѣренные бояре рѣшились удалить царицу Наталію съ дѣтьми ея отъ лица Государева. Боярин Языковъ, подъ предлогомъ тѣсноты въ Кремлѣ, дерзко предложилъ ей переселиться въ отдаленный отъ Кремля, подгородный дворецъ Преображенскій. Царица Наталія почла слова его за изъявленіе воли Царя Ѳеодора и горько заплакала. Юный Петръ вспыхнулъ гнѣвомъ, увидѣвъ слезы матери, и, ничего не говоря ей, поспѣшилъ съ учителемъ своимъ къ Царю. «Государь, братъ мой!» сказалъ онъ, едва удерживая слезы, «жалуюсь тебѣ на Языкова: онъ хочетъ выгнать меня съ матерью изъ твоего дворца. Но гдѣ ты, тамъ и я, или развѣ уже я не сынъ царскій, что мнѣ въ отцовскомъ домѣ угла не даютъ?» Ѳеодоръ нѣжно обнялъ его; самъ пошелъ съ нимъ къ Наталіи; увѣрялъ ее, что онъ ничего не приказывалъ Языкову, и головою выдавалъ ей дерзкаго боярина.

Нарушенное спокойствіе малолѣтняго царевича Петра тотчасъ же возстановилось. Все шло своимъ чередомъ: царевичъ учился подъ руководствомъ Зотова и

преуспѣвалъ все болѣе и болѣе, а въ свободное время продолжалъ по прежнему свои забавы съ *потѣшными*.

Среди такихъ занятій и игръ съ потѣшными, мирно и тихо текла жизнь молодаго царевича, но вдругъ неожиданная скорбь поразила сердце его...

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, слабый тѣломъ и здоровьемъ, лежалъ на смертномъ одрѣ, и, оплакиваемый подданными и семействомъ своимъ, тихо скончался 27-го апрѣля 1682 года.

Въ 5 часовъ по полудни, похоронный звонъ на Иванѣ Великомъ извѣстилъ Москву о кончинѣ Ѳеодора, и всѣ поспѣшили къ Кремлю, чтобы имѣть вѣсть о новомъ царѣ Россіи....

Патріархъ, бояре, военные и гражданскіе сановники присутствовали во дворцѣ. Народъ и войско наполнили Кремль, какъ только Москва услышали о кончинѣ добраго, благочестиваго царя. Всѣ нетерпѣливо ждали извѣщенія Боярской Думы. Патріархъ вышелъ въ переднюю палату, передъ Грановитою Палатою. Здѣсь собралось почетное духовенство и находились ближніе и знатнѣйшіе люди, а на верхнемъ крыльцѣ, подлѣ Спаса за Золотою Рѣшеткою, стояли стольники, стряпчіе, дьяки, жильцы, дворяне, гости. За бездѣтностію Царя Ѳеодора Алексѣевича, престолъ слѣдовалъ второму сыну Алексѣя Михайловича, отъ первой супруги его, Іоанну. — Милославскіе и друзья ихъ, родственники Іоанна, державшіе его сторону и ожидавшіе объявленія владыки о восшествіи на престолъ царевича Іоанна Алексѣевича, были изумлены неожиданнымъ вопросомъ святителя: «Кому быть нынѣ Царемъ Россіи?» Собраніе безмолствовало: одни не смѣли изъявить своего

мѣнія, другіе недоумѣвали что означаетъ такой вопросъ. «Итакъ если вы не возноситe вашихъ голосовъ, да будетъ великое Государское дѣло рѣшено самими наслѣдниками царскаго престола», возгласилъ Патріархъ, — «Богъ да вразумитъ ихъ на благо людей». Оба юные царевича немедленно были введены въ Грановитую Палату. Шестнадцатилѣтній Іоаннъ робко отвѣчалъ, что онъ царемъ быть не желаетъ, «поступается брату наслѣдствомъ, чувствуя свое нездоровье и спротство, когда у брата его Петра Алексѣевича здравствуетъ еще мать его, царица Наталія Кирилловна». Едва произнесены были сіи слова, какъ своды палатные огласились единодушнымъ кликомъ: «Быть Царемъ Петру Алексѣевичу! Да здравствуетъ Царь Петръ Алексѣевичъ!» Нетерпѣливая толпа народа, тѣснившаяся на верхнемъ крыльцѣ, узнавъ о выборѣ, единодушно повторила голоса бояръ и передала радостную вѣсть толпамъ народа и войску, собравшимся вокругъ дворца. Едва только Патріархъ вышелъ послѣ сего спросить у народа и войска: согласны ли православные на желаніе царевича Іоанна уступить престолъ младшему брату?—имя Петра загремѣло снова по Кремлю.

Въ тоже время поставили аналои съ крестами и Евангеліями въ Успенскомъ соборѣ и на площади, и всѣ стали присягать новому Царю Петру Алексѣевичу. Вельможи и царедворцы спѣшили «цѣловать руку» юнаго Царя и поклониться его матери.

Такимъ образомъ юный Петръ, единодушнымъ желаніемъ народнымъ, былъ возведенъ на престолъ на десятомъ году отъ рожденія. Его цвѣтущее здоровье, ростъ не по лѣтамъ, красота и выразительность ли-

ца, при умѣ быстромъ и необыкновенномъ въ его возрастѣ—влекли къ нему сердца многихъ. На него народъ возлагалъ надежды свои, ему — вручалъ власть править государствомъ и устроять счастіе подданныхъ...

Тогда же правительницею государства, на время малолѣтства Петра, объявлена была Царица Наталія Кирилловна Нарышкина, но вслѣдствіе происковъ старшей сестры Іоанна, царевны Софіи Алексѣевны, правленіе государствомъ перешло въ ея руки. Тогда же, съ согласія Петра, царевичъ Іоаннъ принялъ также титулъ Царя и вмѣстѣ съ нимъ былъ вѣнчанъ на царство.

25-го іюня 1682 года толпился народъ въ Москвѣ на широкихъ площадяхъ Кремля. Толпа въ праздничныхъ одеждахъ весело разговаривала о предстоящемъ великомъ торжествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, было чему подивиться народу. Это былъ еще первый случай въ Русской землѣ, что на престолъ вступали *два Царя* самодержца.

Загудѣли колокола, заколыхались несмѣтныя толпы народа: изъ Грановитой Палаты, чрезъ Красное крыльцо вышли царевичи Иванъ и Петръ, въ богатыхъ парчевыхъ одеждахъ, унизанныхъ жемчугомъ и дорогими каменьями, въ высокихъ парчевыхъ шапкахъ, опушенныхъ собольимъ мѣхомъ. На груди царевичей были широкіе кресты, съ частицами святыхъ мощей. Десятилѣтній царевичъ Петръ бодро и весело глядѣлъ на народъ своими черными очами, тогда какъ братъ его, царевичъ Иванъ шелъ медленно, понуря голову. Впереди царевичей шелъ протоіерей, окропляя путь святою водою. Стрѣльцы стояли рядами, по обѣ стороны пути, а за ними толпилось безчисленное множество народа.

Оба царевича вступили въ Успенскій соборъ, и приложились къ святымъ мощамъ и иконамъ. Тогда замолкли пѣвчіе, воспѣвавшіе многолѣтіе нововѣнчаемымъ царямъ, прекратился колокольный звонъ, и глубокая тишина настала въ храмѣ. Царевичи, вставъ съ царскаго мѣста, на которомъ они возсѣдали до того времени, обратились къ патріарху и сказали: «мы желаемъ быть вѣнчаны на царство, по примѣру предковъ нашихъ, и по преданію святой восточной церкви».

— «Какъ вы вѣруете и исповѣдуете Отца и Сына и Святаго Духа?» спросилъ патріархъ.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, оба царевича твердо и явственно произнесли символъ Православной Вѣры, и тогда патріархъ вручилъ имъ знаки царскаго достоинства: вѣнцы, бармы, скипетръ и державу, облекъ ихъ въ царскія одежды, и помазалъ св. муромъ. Растворились царскія врата, и оба нововѣнчанные царя вступили чрезъ нихъ въ алтарь, гдѣ причастились св. животворящихъ Таинъ.

Такъ окончилось вѣнчаніе царевичей на царство, и народъ шумною толпою бросился къ широкимъ папертямъ соборовъ: Успенскаго, Архангельскаго и Благовѣщенскаго глядѣть, какъ будутъ осыпать золотыми монетами двухъ, нововѣнчанныхъ царей. Таковъ былъ старинный обычай, издавна соблюдавшійся въ Россіи при вѣнчаніи на царство.

Нововѣнчанные цари возвратились въ свои покои, а народъ долго еще стоялъ предъ царскимъ теремомъ, и ждалъ, не выдутъ ли цари на крыльцо, къ золотой рѣшеткѣ, не скажутъ ли народу милостивое слово. Между тѣмъ на Ходынскомъ полѣ и у Новодѣвичьяго

монастыря уже гремѣла музыка, раздавались веселыя пѣсни: началось народное празднество.

Долго помнили Москвичи этотъ веселый и торжественный день. Правительница Русскаго царства, царевна Софія Алексѣевна хотѣла вполнѣ выказать народу свою щедрость и радушіе. Она приказала выкатить бочки съ виномъ и крѣпкимъ, хмѣльнымъ медомъ; царскіе слуги угощали всѣхъ, кто приходилъ къ царскому терему. Долго веселился народъ, долго слышались по улицамъ Москвы лихія пѣсни разгулявшагося народа; слышался подъ-часъ и веселый топотъ выплясываемаго трепака. Наконецъ наступила ночь, и понемногу затихло все въ Москвѣ. Только раздавались вокругъ царскихъ теремовъ и у воротъ кремлевскихъ протяжные окликн стрѣльцовъ-часовыхъ.

— «Пресвятая Богородица спаси насъ!» громко и явственно восклицалъ стрѣлецъ-часовой, стараясь, чтобы крикъ его былъ услышанъ другимъ, сосѣднимъ часовымъ.

— «Пресвятые Святители спасите насъ!» отвѣчалъ ему другой часовой.

— «Славенъ городъ Москва!» слышался окликъ третьяго часоваго въ кремлевскихъ воротахъ.

— «Славенъ городъ Кіевъ!—Славенъ городъ Новгородъ!—Славенъ городъ Владиміръ!» слышались поочередно окликн стрѣльцовъ часовыхъ въ воротахъ и на стѣнахъ Кремля, пока наконецъ первый часовой снова возглашалъ свой окликъ: «Пресвятая Богородица спаси насъ!»

Таковъ былъ старинный воинскій окликъ часовыхъ, охранявшихъ Кремль и царскіе терема.

II.

Учрежденіе Потѣшныхъ.

Францъ-Лефортъ и его вліяніе на Петра.—Воинскія упражненія съ потѣшными. — Первые Русскіе полки: Преображенскій и Семеновскій.— Бутырскій полкъ.

Послѣ коронованія своего, юный Царь Петръ Алексѣевичъ не перемѣнялъ прежняго образа жизни, и удалился опять, съ своею матерью, въ село Преображенское, гдѣ онъ еще съ большею настойчивостью сталъ заниматься съ своими потѣшными, чтобы обучить ихъ воинному дѣлу. Онъ рѣдко являлся въ Кремль, и присутствовалъ только при церковныхъ обрядахъ, смотрѣ полковъ и торжественныхъ царскихъ обѣдахъ.

Страсть Петра ко всякому ученію была неутолима; но главнымъ занятіемъ его были по прежнему воинскія *потѣхи*, какъ ихъ тогда называли. Дѣти придворныхъ, собранныя нѣкогда *на потѣху* Петра, подростали, были неразлучными товарищами юнаго Царя, и составили уже отряды воинственныхъ юношей, все еще сохраняя названіе *Потѣшныхъ*.

Въ с. Преображенскомъ при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ находилось нѣсколько образованныхъ иностранцевъ вступившихъ въ службу Россіи. Изъ нихъ наболѣе извѣстны какъ дѣятельные сотрудники Петра: Францъ Лефортъ, уроженецъ Женевскій, полковникъ Нѣмецкаго полка, состоявшаго въ службѣ царской и Джонъ Патрикъ Гордонъ, Шотландецъ, генералъ Нѣмецкихъ полковъ въ Россіи. Съ ними-то преимущественно любилъ бесѣдовать молодой царь Петръ; особенно полюбилъ онъ Лефорта, умнаго, свѣдущаго и опытнаго иностранца,

который бывалъ во многихъ государствахъ и многое могъ поразсказать молодому царю. Петръ и Лефортъ часто прогуливались вдвоемъ по рощамъ села Преображенскаго, и царь Петръ не могъ довольно наслушаться умныхъ рѣчей Лефорта.

— «Я завидую тебѣ Францъ Яковлевичъ,» иногда говаривалъ Петръ; «ты такой ученый, опытный, бывалъ въ разныхъ государствахъ, все видѣлъ».

— «Государь,» отвѣчалъ Лефортъ, «въ вашей волѣ быть еще ученѣе и опытнѣе меня. Учитесь теперь, не теряйте даромъ дорогаго времени, а то не увидите, какъ пройдетъ молодость, а потомъ можетъ быть вы и спохватитесь, да ужъ поздно будетъ!»

Задумчиво слушалъ царь Петръ искреннія слова своего наставника; Лефортъ продолжалъ говорить:

— «Вамъ, какъ царю обширнаго и могущественнаго государства, и подавно должно быть ученѣе, опытнѣе другихъ. Все въ государствѣ зависитъ отъ вашей державной воли. Богъ высоко поставилъ васъ надъ народомъ, и Онъ требуетъ отъ васъ, чтобы вы посвятили всю жизнь свою заботамъ о благѣ ввѣреннаго вамъ народа. Осчастливте его, не уставайте дѣлать добро, и всегда помните, что вы много добра можете сдѣлать для Россіи. Многіе порядки и обычаи въ Россіи уже устарѣли; они вредны и тягостны для народа, и вамъ слѣдуетъ отмѣнить ихъ, замѣнить другими, болѣе разумными порядками.

И Лефортъ продолжалъ разсказывать Петру о европейскихъ государствахъ, о ихъ обычаяхъ и правахъ, о промышленности, ремеслахъ, обширной торговлѣ; говорилъ объ иностранныхъ войскахъ, которыя заслу-

жили себѣ громкую славу своими доблестями и подвигами, о военныхъ и купеческихъ корабляхъ, плавающихъ по моряхъ иностранныхъ державъ, о школахъ и высшихъ училищахъ. «Ничего этого нѣтъ въ Россіи, и Русскимъ слѣдуетъ многому понаучиться отъ иностранцевъ,» такъ говорилъ Лефортъ.

Всѣ эти рѣчи и разсказы сильно занимали пылкаго и любознательнаго царя Петра. Онъ не видѣлъ, какъ проходило время, и безпрестанно разспрашивалъ Лефорта о томъ, что есть особо замѣчательнаго въ Швейцаріи, Франціи, Голландіи и другихъ странахъ.

— «Какъ бы мнѣ хотѣлось все это самому увидѣть», говорилъ царь Петръ; «тогда бы я лучше понялъ, что хорошо и что дурно у насъ, въ Россіи.»

Особенно много распрашивалъ Петръ своего наставника Лефорта объ иностранныхъ войскахъ. Лефортъ долженъ былъ рисовать молодому царю не только форму обмундированія и вооруженія иностранныхъ войскъ, но также планы крѣпостей и порядокъ расположенія войскъ въ различныхъ сраженіяхъ.

— «А есть въ иностранныхъ государствахъ стрѣльцы?» спросилъ однажды царь Петръ.

— «Нѣтъ,» отвѣчалъ Лефортъ; «ни въ одномъ европейскомъ государствѣ нѣтъ такого буйнаго, безначальнаго войска, какъ московскіе стрѣльцы. Войска въ иностранныхъ государствахъ во всемъ повинуются своимъ начальникамъ, въ мирное время постоянно занимаются воинскими упражненіями, чтобы быть готовыми во всякое время выступить въ походъ и отразить враговъ. Иностранные солдаты не грабятъ и не обижаютъ мирныхъ жителей; зато и уважаютъ ихъ

всѣ честные граждане. А московскіе стрѣльцы только заводятъ смуту въ государствѣ».

— «Надобно принять мѣры противъ всѣхъ этихъ безпорядковъ,» въ раздумьѣ говорилъ молодой царь Петръ; «пусть стрѣльцы будутъ во всемъ подобны иностраннымъ войскамъ».

Умный Лефортъ вскорѣ нашелъ случай порадовать Петра и исполнить одно изъ его задушевныхъ желаній.

Какъ-то разъ, раннимъ утромъ молодой царь Петръ услышалъ во дворѣ своего терема звуки барабана. Онъ поспѣшно подбѣжалъ къ окну, и увидѣлъ, что во дворѣ выстроены всѣ его молодые сверстники, или «потѣшные». Потѣшные были на этотъ разъ одѣты по образцу иностранныхъ солдатъ, и самъ Лефортъ, со шпагою въ рукѣ, командовалъ ими.

Петръ торопливо одѣлся, взялъ барабанъ, и выйдя къ потѣшнымъ, просилъ Лефорта записать его барабанщикомъ въ эту, вновь сформированную роту. Съ того времени царь Петръ началъ каждый день изучать съ своими потѣшными воинскія упражненія; онъ хотѣлъ вполнѣ узнать службу, и потому ни въ чемъ не отличалъ себя отъ своихъ товарищей. Петръ стоялъ на часахъ точно также, какъ и всѣ потѣшные, выходилъ на ученье, возилъ въ тачкѣ землю и работалъ при постройкѣ укрѣпленій, терпѣлъ зной и холодъ. Напрасно царица, опасаясь, что сынъ ея заболѣетъ отъ непривычныхъ трудовъ, просила его беречь свое здоровье, оставить эти воинскія потѣхи. Царь Петръ упрашивалъ свою мать не мѣшать ему въ изученіи военной службы; утверждалъ, что онъ вполнѣ здоровъ.

И дѣйствительно: высокій, стройный ростъ, сила не по лѣтамъ, и здоровый, свѣжій цвѣтъ лица доказывали, что воинскія занятія царя Петра укрѣпили и закалили его юношеское здоровье.

Число потѣшныхъ постепенно увеличивалось. Въ эту первую, правильно сформированную, обученную и вооруженную роту вскорѣ зачислены были также лучшіе солдаты изъ другихъ полковъ, и даже изъ нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ сотенъ, такъ что въ селѣ Преображенскомъ уже было мало мѣста для помѣщенія всѣхъ потѣшныхъ. Поэтому часть потѣшной роты была переведена въ другое село—Семеновское. Такъ образовались въ Россіи два первые, правильные (регулярные) полка: Преображенскій и Семеновскій.

Кромѣ этихъ двухъ полковъ, впослѣдствіи названныхъ *гвардейскими*, существовалъ въ Россіи еще одинъ полкъ, правильно устроенный и обученный иностранными офицерами; это былъ Бутырскій полкъ. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ сформировано было нѣсколько конныхъ и пѣшихъ полковъ изъ иноземныхъ наемниковъ, безпомѣстныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Но послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича эти полки, называвшіеся солдатскими, драгунскими и рейтарскими полками, были постепенно распущены, такъ что при Петрѣ Великомъ, отъ всего многочисленнаго, семитысячнаго корпуса остался одинъ только Бутырскій полкъ. Изъ этого то полка Лефортъ и выбиралъ преимущественно солдатъ, для увеличенія числа потѣшнаго войска молодаго царя Петра.

III.

Самодержавіе Петра.

Бракосочетаніе Петра съ Авдотьею Лопухиною. — Преступный замыселъ Шакловитаго.—Утвержденіе единодержавія.

Между тѣмъ время шло, и Петру Алексѣевичу минуло уже 16 лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и мужественъ не по лѣтамъ. Въ 1689 году, по желанію царицы Наталіи Кириловны, царь Петръ на семнадцатомъ году вступилъ въ супружество съ дѣвицею Авдотьей Ѳедоровною Лопухиною, а въ слѣдующемъ году родился отъ этого брака сынъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ.

До этого времени царевна Софья подвергала Петра опалѣ, не допускала его ни къ какимъ дѣламъ государственнымъ и сама властвовала надъ царствомъ Русскимъ. Это не мало огорчало царя Петра Алексѣевича, дѣятельно готовившагося къ самодержавному управленію народомъ Русскимъ. Но когда минуло царю Петру Алексѣевичу 17 лѣтъ и онъ могъ уже самостоятельно править государствомъ, и самъ сознавалъ въ себѣ способности къ этому, то чаще являлся въ Царскую думу, гдѣ, подъ предсѣдательствомъ царевны Софьи, рѣшались всѣ важнѣйшія государственныя дѣла. Царь Петръ не всегда соглашался съ рѣшеніями царевны, оспаривалъ ея мнѣнія и правительница видѣла, что скоро придется ей уступить первенство и власть правленія своему брату Петру, законно избранному и вѣнчанному на царство. Между царемъ и царевною

стали возникать неудовольствія. Тогда Софія задумала преступный замыселъ: она рѣшилась утвердиться на престолѣ и окончательно отстранить отъ правленія своихъ братьевъ, царей Ивана и Петра.

Съ это время при дворѣ царевны возвысился думный дьякъ Шакловитый, человѣкъ незнатнаго рода, но хитрый, предпріимчивый и рѣшительный, незадумывающійся ни предъ какими средствами, чтобы достигнуть своихъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей. Этотъ-то человѣкъ всего болѣе возбуждалъ царевну Софію къ враждѣ съ братомъ, царемъ Петромъ Алексѣевичемъ и даже предлагалъ ей короноваться на царство, обѣщая содѣйствіе въ томъ со стороны буйныхъ стрѣльцовъ, недолюбливавшихъ Петра за его приверженность къ иноземному. Но стрѣльцы не согласились поддерживать Софію, сознавая, что они тѣмъ нарушатъ общенародное русское избраніе. Тогда Шакловитый рѣшился на святотатственное дѣло—онъ возпамѣрился извести царицу Наталью Кирилловну, родительницу Петра и съ этою цѣлью подговаривалъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ, изъ которыхъ только пять человѣкъ согласились на участіе. Но даже и близкіе къ Шакловитому люди ужаснулись злодѣйскаго умысла, а двое изъ числа подговоренныхъ имъ людей рѣшились лучше пожертвовать своею жизнью, но извѣстить обо всемъ царя.

Въ темную, ненастную ночь на 8-е августа 1689 года, по дорогѣ изъ Москвы въ село Преображенское ѣхали двое стрѣльцовъ. Видно было, что они торопились исполнить какое-то важное порученіе, или хотѣли сообщить необходимую вѣсть. Кони ихъ всѣ были въ пѣнѣ и тяжело дышали, измученные быстрой ѣздой.

Стрѣльцы поминутно съ нетерпѣніемъ вглядывались вдаль: не видятся ли вдалекѣ огни села Преображенскаго.

Темный лѣсъ, тянувшійся по обѣ стороны дороги, становился все гуще и непроходимѣе. Лошади стрѣльцовъ поминутно спотыкались о корни деревьевъ, выступавшіе изъ земли.

— «Да ты не сбился ли съ дороги?» спросилъ наконецъ одинъ стрѣлецъ у своего товарища; «вишь вѣдь темень какая. Въ двухъ шагахъ ничего не видно».

— «Не бойся, не собьюсь съ пути,» отвѣчалъ ему другой стрѣлецъ.

— «Ужь кажись, давно бы пора намъ пріѣхать въ Преображенское; слышишь — ужъ пѣтухи кричатъ... Ну, какъ—оборони Господи—опоздаемъ!»

Въ эту минуту позади стрѣльцовъ послышался вдалекѣ какой-то неясный шумъ. Оба стрѣльца остановились и притаивъ дыханіе, начали прислушиваться.

— «Слышишь Мельновъ?» съ безпокойствомъ спросилъ одинъ изъ нихъ; «что это такое?»

— «Не знаю... Ужъ не наши ли это?.. Господь спаси и помилуй!..

— «Словно бы стукъ отъ копытъ,» продолжалъ первый стрѣлецъ; «постой, я еще послушаю...»

И стрѣлецъ, сойдя съ коня, припалъ,ухомъ къ землѣ; чрезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ и сказалъ своему товарищу болѣе спокойнымъ голосомъ:

— «Нѣтъ, это не наши; должно быть это телега крестьянская, или что нибудь другое. А все таки время терять нечего! Поѣдемъ-ка съ Богомъ, чтобы поспѣть въ село до зари.

Оба стрѣльца сѣли на коней, и снова начали пробираться по узкой лѣсной тропинкѣ.

Эти стрѣльцы были: Михайло Ѳеоктистовъ и Дмитрій Мельновъ. Прибывъ въ Преображенское, они извѣстили царя и царицу о грозившей имъ опасности. Ѳеоктистовъ и Мельновъ на колѣняхъ умоляли царя Петра принять всѣ мѣры предосторожности.

Царь Петръ обнялъ честныхъ и преданныхъ стрѣльцовъ и немедленно выѣхалъ вмѣстѣ съ своею супругою, царицею-матерью и приближенными лицами въ Троицо-Сергіевскую Лавру—монастырь, обнесенный стѣнами, за которыми, при случаѣ легче было оборонятьсяся противъ злоумышленниковъ.

Никто въ Преображенскомъ не зналъ, почему царскій дворъ такъ внезапно оставилъ свое постоянное мѣстопребываніе. Не многіе знали также, куда уѣхалъ царь Петръ. Жители села въ недоумѣніи толпились у околицы, и толковали о внезапномъ отъѣздѣ царя и царицы.

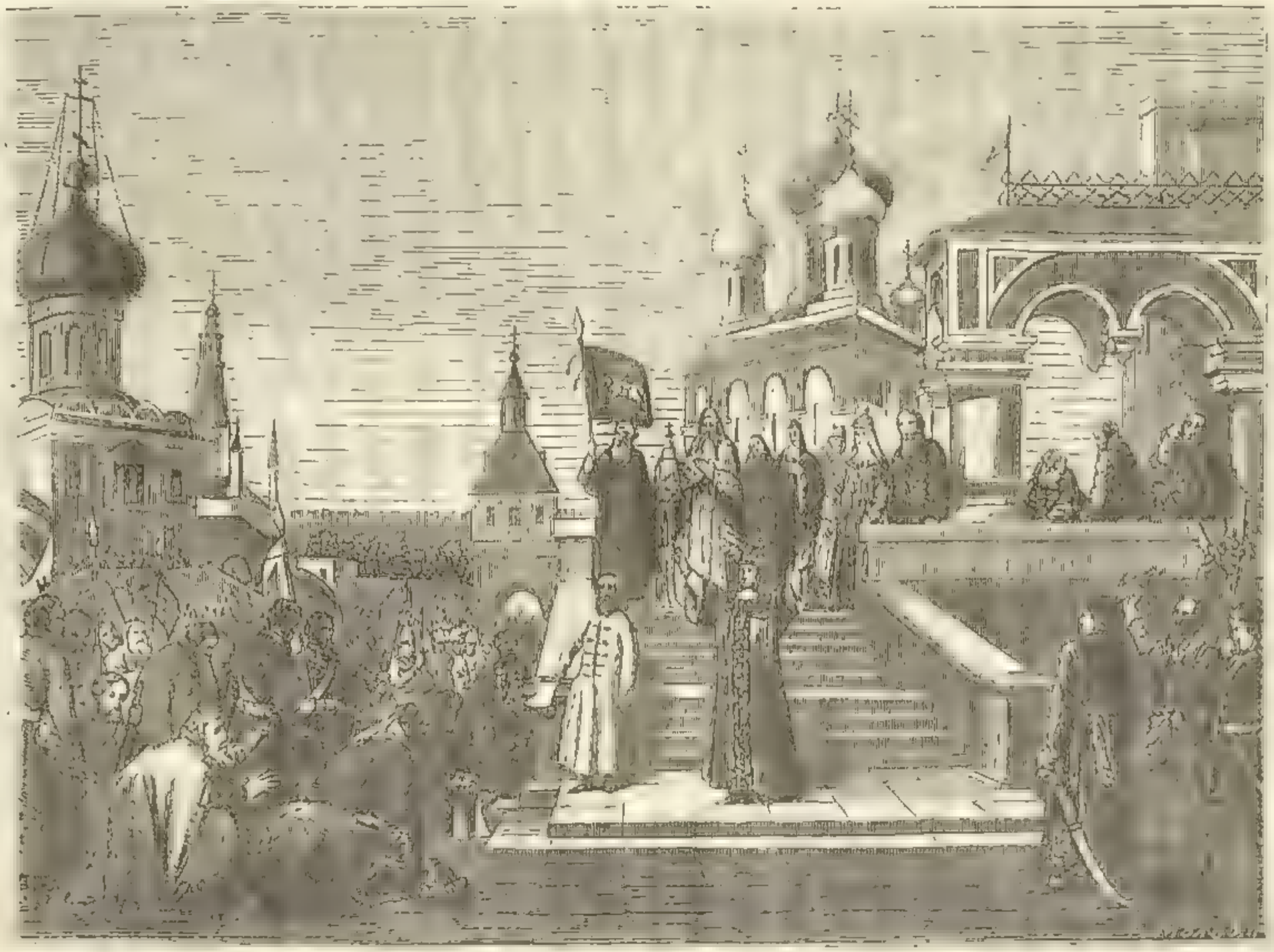
Начало разсвѣтать, загорѣлась заря на ясномъ лѣтнемъ небѣ. Въ это время по лѣснымъ тропинкамъ близъ села Преображенскаго и по большой дорогѣ послышались крики, стукъ оружія... Стрѣльцы со всѣхъ сторонъ окружили Преображенское, и Шакловитый съ нѣсколькими изъ злодѣевъ смѣло вошелъ въ царскія покои. Но въ царскомъ теремѣ уже все было тихо и безлюдно. Злодѣи обыскали всѣ углы, и наконецъ убѣдились, что ихъ замыселъ открытъ, и что царь Петръ счастливо избѣгнулъ грозившей ему опасности.

Мрачно возвращались стрѣльцы въ Москву, въ свои слободы; а въ это время подъ стѣнами Троицкой Лавры

располагались станомъ вѣрные Петру полки: Преображенскій, Семеновскій, стрѣлецкій Сухарева и нѣкоторые другіе. Патріархъ и многіе знатные чиновники, узнавъ о преступномъ замыслѣ Шакловитаго, также поспѣшили въ Троицкую Лавру, чтобы и одного дня не оставаться съ мятежниками въ городѣ. Вся Москва съ трепетомъ ожидала, что предприметъ царь Петръ, какая кара обрушится на головы мятежниковъ.

Начался розыскъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, къ крайнему прискорбію своему извѣстился, что виною всѣмъ смутамъ и неурядицамъ—властолюбивая сестра его царевна Софья; онъ сознавалъ, что необходимо положить конецъ этимъ смутамъ и успокоить народъ, а потому потребовалъ, чтобы царевна Софья сложила съ себя власть и удалилась въ монастырь. Въ то же время, желая разслѣдовать дѣло о возмущеніи стрѣльцовъ, онъ грамотою потребовалъ къ себѣ въ Лавру всѣхъ полковниковъ и урядниковъ съ десятью рядовыми стрѣльцами отъ каждаго полка, а изъ сотенъ и слободъ всѣхъ старостъ и выборныхъ съ десятью тяглецами отъ каждой слободы и сотни. Въ грамотѣ приказывалось явиться «безъ мотчанья и оплошки, не дожидаясь новаго указа; если же кто не явится, тому быть въ смертной казни». По полученіи этихъ грамотъ, стрѣлецкіе полковники: Нечаевъ, Спиридоповъ, Нормацкій, Дуровъ, Сергѣевъ и болѣе 500 урядниковъ, со многими рядовыми стрѣльцами, немедленно отправились къ Лаврѣ.

Царь велѣлъ впустить ихъ въ монастырь, къ царскимъ чертогамъ, торжественно сошелъ къ нимъ съ матерью и патріархомъ на нижній рундукъ и, объявивъ о злодѣйскомъ умыслѣ Шакловитаго, приказалъ



Стрѣлецкіе полковники, урядники и рядовые стрѣльцы изъявляютъ совершенную свою покорность Царю Петру Алексѣевичу.

дьяку прочесть выписку изъ распросныхъ рѣчей и стрѣлецкихъ извѣтовъ. По окончаніи чтенія выписки, патріархъ поучалъ стрѣльцовъ примѣрами изъ Священнаго Писанія, чтобы для полнаго раскрытія такого страшнаго дѣла, они объявили все, что знаютъ, по сущей правдѣ; если же кто станетъ извѣщать несправедливо, ради чести и прибытка, надъ тѣмъ не будетъ его архіерейскаго благословенія. Всѣ урядники и рядовые «возопили слезнымъ воплемъ», что они Ѳедькина (имя Шакловитаго) злаго умысла не знаютъ и не вѣдаютъ, великимъ государямъ служатъ и работаютъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ; воровъ же и измѣнниковъ ловить рады и во всемъ волю государскую исполнять готовы.

Между тѣмъ царевна Софья, раскаиваясь въ довѣріи къ Шакловитому, изъявила желаніе мириться съ братомъ и сама поѣхала къ Троицѣ, но была возвращена съ дороги, послѣ чего явились въ Москву посланные отъ Петра захватить Шакловитаго, Медвѣдева и сообщниковъ ихъ. Шакловитый былъ выданъ посланнымъ Петра и всенародно казненъ у Троицы вмѣстѣ съ своими сообщниками. Царевна Софья принуждена была удалиться въ Новодѣвичій монастырь.

Со смертію Шакловитаго и его сообщниковъ смуты прекратились и весь народъ, даже стрѣльцы, для блага государства желали Единодержавія; всѣ сознавали, что только при единодержавномъ правленіи, государство можетъ преуспѣвать и пользоваться внутреннимъ и внѣшнимъ благополучіемъ. И потому объявленіе царя Петра о своемъ единодержавіи, начавшемся съ 12 сентября 1689 года, встрѣчено было по всей Россіи съ

большою радостію. Хотя имя брата царя Ивана Алексѣевича по прежнему упоминалось во всѣхъ грамотахъ государственныхъ, по прежнему при торжественныхъ случаяхъ являлся онъ народу въ полномъ царскомъ облаченіи, по прежнему имѣлъ полный царскій дворъ, но не принималъ никакого участія въ правленіи, такъ какъ онъ, по слабости своего здоровья, добровольно отказался отъ дѣлъ и заботъ правленія и только по настоятельной просьбѣ Петра, онъ продолжалъ именоваться царемъ.

Петръ чтилъ Іоанна какъ отца, оставилъ ему титулъ и всѣ права Царя, былъ Самодержцемъ, но Россія управлялась отъ имени *Іоанна* и *Петра*, и оба брата равно засѣдали въ Царской Думѣ.

IV.

Начало кораблестроительства.

Ботикъ въ с. Измайловѣ.—Первыя плаванія Петра на ботикѣ и наименованіе ботика «Дѣдушкою Русскаго флота».—Основаніе корабельной верфи въ Переяславлѣ. — Учрежденіе корабельной верфи въ Архангельскѣ.—Петръ изучаетъ морскую корабельную службу.

Принявъ Самодержавіе, Петръ не приступалъ еще ни къ какимъ измѣненіямъ въ порядкѣ управленія и въ устройствѣ государственномъ, но подготовлялъ себѣ дѣятельныхъ помощниковъ для исполненія своихъ предначертаній.

Вниманіе его всего болѣе обращено было на устройство войскъ и на исправленіе военнаго устава, который онъ признавалъ недостаточнымъ и не полнымъ.

— Война—дѣло Царя и сановниковъ его, говорилъ Петръ; я хочу быть воиномъ и къ войнѣ пріучаю также другихъ! Поэтому въ теченіе 1690 и 1692 года Царь все время проводилъ въ ученьи войскъ военному искуству.

Начало 1691 года ознаменовалось новымъ занятіемъ Царя. Проходя въ селѣ Измайловѣ мимо кладовой гдѣ хранились разныя старыя вещи, Царь замѣтилъ ветхую лодку необыкновеннаго вида. На вопросъ его: что это за лодка? ему отвѣчали, что это англійскій морской ботикъ. Царь велѣлъ немедленно спустить его на воду, но ботикъ былъ такъ ветхъ, что безъ поправки невозможно было въ немъ плавать. Тогда объявили Царю, что въ Москвѣ проживаетъ тотъ корабельный мастеръ Карстенъ Брандтъ, который строилъ этотъ ботикъ.

По приказанію царя немедленно былъ отысканъ старикъ Брандтъ. Онъ починилъ ботикъ, оснастилъ его, спустилъ его на рѣку Яузу и началъ на немъ плаваніе.

Царь оставался въ это время на берегу, но видя искусные повороты и плаваніе ботика, не вытерпѣлъ, самъ бросился въ него, схватилъ руль, началъ править имъ, и долго плавалъ по Яузѣ. Послѣ того онъ велѣлъ перетащить ботикъ на обширный Просяной прудъ, въ садахъ Измайловскихъ, гдѣ для плаванія было больше простора. Когда же Петръ ознакомился вполнѣ съ управленіемъ рулемъ и парусами, то приказалъ перевести ботикъ на озеро Плещеево въ Переяславлѣ. Озеро Плещеево въ десять верстъ длины и восемь ширины — показалось Петру моремъ и онъ пожелалъ строить на этомъ озерѣ нѣсколько небольшихъ судовъ. Въ душѣ Петра запала мысль о Русскомъ флотѣ; въ радостной

надеждѣ, Петръ назвалъ ветхій ботикъ Измайловскій *Дѣдушкою Русскаго флота.*

Этотъ достопамятный ботикъ, по давшій Петру первую мысль о созданіи флота, сохраняется и до нынѣ, какъ драгоцѣнность. Петръ приказалъ тщательно хранить ботикъ и перевезъ его потомъ въ свою новую столицу, въ С.-Петербургъ, и «Дѣдушка Русскаго флота» хранится нынѣ въ Петербургской крѣпости Св. Петра и Павла, гдѣ благоговѣйно приходятъ смотрѣть на него даже иностранные моряки.

Желаніе Петра имѣть скорѣе свою флотилію было причиною того, что онъ приказалъ Брандту немедленно основать въ Переяславлѣ небольшую корабельную верфь и построить фрегатъ и еще нѣсколько судовъ; но вскорѣ Петръ самъ отправился помогать Брандту, и здѣсь на Плещеевѣ озерѣ онъ занимался постройкою судовъ. Подавая примѣръ трудолюбія, онъ самъ работалъ и работа кипѣла въ его рукахъ.

Царица мать его, Наталія Кирилловна и супруга Евдокія Ѳеодоровна, слыша и жалѣя, что Петръ ведетъ такую трудовую жизнь, убѣдительно просили его возвратиться въ Москву. «Матушка Государыня! отписывалъ державный плотникъ: недостойный сынишка твой *Петрушка* челомъ бьетъ.—Къ Москвѣ я быть готовъ; только, ей, ей! дѣло есть.—Наипокорственно предаюсь въ волю вашу». Онъ продолжалъ свое великое дѣло—основаніе Русскаго флота, и писалъ все болѣе о своемъ судостроеніи: «Благослови сынишку твоего *Петрушку*, въ работѣ пребывающаго... За канатами стало: вели прислать ихъ изъ Пушкарскаго Приказа по семи сотъ сажень, не мѣшкавъ. Иначе, житье мое здѣсь продолжит-

ся». И царица, желая, чтобы скорѣе возвратился державный сынъ ея, высылала ему канаты и разныя снасти, которыя онъ просилъ. А Петръ все-таки не возвращался въ Москву и продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ: работалъ безъ устали и безстрашно плавалъ на изготовленныхъ судахъ,—и дѣло кипѣло не днями, а часами. Лишь изрѣдка, и то не надолго съѣздитъ онъ въ Москву, и опять ѣдетъ въ Переяславль и опять работаетъ. Дѣло подвигалось къ концу, и это радовало Петра. Мысль, что Россія скоро будетъ имѣть флотъ, будетъ морскою державою, доставляла ему невыразимое удовольствіе, и онъ работалъ еще усерднѣе.

Наконецъ 1 мая фрегатъ *Петра плотника* былъ готовъ и спущенъ на воду. Собранное на берегу регулярное русское войско привѣтствовало пушечною и ружейною пальбою первый русскій корабль. Петръ самъ плавалъ на немъ и правилъ рулемъ.

Безпрерывно трудясь на переяславльской верфи и занимаясь въ то же время другими работами, ученіемъ, плаваніемъ по озеру, учрежденіемъ войска, не жалѣя себя въ трудахъ и заботахъ, Петръ до того изнурился, что его крѣпкое здоровье, въ скоромъ времени, разстроилось. Онъ сдѣлался опасно боленъ; отчаявались даже за его жизнь, и едва уговорили его провести осень въ Москвѣ и успокоиться, пока не поправится его здоровье.

Но и въ самой болѣзни Царь не отдыхалъ. Онъ призвалъ къ себѣ Брандта и приказалъ ему отправиться въ Архангельскъ, чтобы тамъ «распорядить строеніемъ корабля на Бѣломъ морѣ, въ Архангельскѣ.»

Уже и въ эти отдаленныя области, устремлялся мыслью

Петръ, жаждая увидѣть обширность моря, ознакомиться съ его бурями, посмотрѣть иностранные корабли, узнать иноземныхъ моряковъ, говорить, бесѣдовать съ ними.

— Да на что вамъ, Государь, корабли? спросилъ его Гордонъ, вѣдь у васъ нѣтъ морей!

— Только были бы у меня корабли, а моря я найду! отвѣчалъ ему Царь.

Іюля 4-го 1693 года, Петръ отправился въ Архангельскъ. Начиная съ Вологды, онъ поплылъ по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ на приготовленныхъ для него стругахъ, и іюля 30-го колокольнымъ звономъ и пальбою былъ привѣтствованъ уже въ Архангельскѣ.

Широкая, какъ морской заливъ, Двина, иностранные корабли, обращеніе съ иноземными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и наконецъ видъ безконечнаго моря,—все это такъ увлекло и запяло Царя, что онъ остался въ Архангельскѣ до осени. Ничто не укрылось здѣсь отъ его любопытнаго взора.

Въ платьѣ Голландскаго морехода, осматривалъ Царь иностранные корабли, долго оставался на нихъ, знакомился со всѣми шкиперами и, въ сопровожденіи многихъ иностранныхъ кораблей, три раза пускался въ море на яхтѣ, построенной къ пріѣзду его и названной *Св. Петръ*. Во время пребыванія въ Архангельскѣ Петръ завелъ на островѣ Соломбалѣ корабельную верфь и собственноручно заложилъ на ней большой корабль, и въ то же время заказалъ въ Голландіи фрегатъ.

Царь выѣхалъ изъ Архангельска 1-го сентября, приказавъ Архангельскому воеводѣ, Апраксину, нагрузить товарами корабль св. Петра и отправить въ Голландію съ надежнымъ человѣкомъ.

Въ началѣ 1694 года тяжкая скорбь постигла Петра: скончалась добродѣтельная мать его, Царица Наталія Кирилловна.

«Не могу извѣщать подробно, но глухо объявляю скорбь мою,» писалъ онъ Апраксину. «Вспоминаю слова Апостола Павла: *не скорбѣть объ умершихъ*, и слова Ездры, что *минувшаго не возвратить*. Роптать не смѣю, покоряясь тайнѣ непостижимой, и предаю все волѣ Божіей. Будемъ думать о живыхъ, оставя умершихъ, хотя скорбь моя и требовала бы и времени и отдыха».

При наступленіи весны Царь поѣхалъ опять въ Архангельскъ. Туда явился къ нему Архіепископъ Афанасій, которому Царь предложилъ отправиться, вмѣстѣ съ нимъ, въ Соловецкій монастырь.

Къ ужасу спутниковъ Царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, поднялась страшная буря. Тщетно Царь ободрялъ бывшихъ съ нимъ. Всѣ отъ страха не знали что дѣлать, молились, плакали, прощались другъ съ другомъ. Не унывалъ только Петръ—душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею!

По счастію на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимофѣевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, Царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ что осталось одно средство спастись отъ гибели—направить корабль къ ближайшей гавани, Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ, и самъ началъ вмѣшиваться въ распоряженія.

— Поди прочь! закричалъ разсерженный Антипъ, я

знаю, что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?

Смиренно отошелъ отъ него Царь. Антипъ искусно

Деревянный крестъ работы Петра I.
(Въ соборномъ храмѣ въ Архангельскѣ).

направилъ судно къ берегу и благополучно провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, которыми усѣянъ входъ въ Унскую гавань.

— Помнишь-ли пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ? смѣясь спросилъ Петръ у Антипа, когда всѣ вышли на берегъ.

Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его.

— Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ вмѣшиваясь не въ свое дѣло. — Царь поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое, дорожное платье. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ навсегда уволить Антипа отъ работъ и пожаловать ему 25 рублей и 5 рублей на одежду. Въ воспоминаніе своего избавленія, Петръ собственноручно сдѣлалъ деревянный крестъ, въ сажень вышиною, съ надписью: «сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694 года. Самъ Петръ, на своихъ могучихъ плечахъ, отнесъ этотъ крестъ къ тому мѣсту, гдѣ вышелъ на берегъ, и водрузилъ въ землю, на память потомству *).

Черезъ три дня буря утихла, и Царь пустился дальше въ Соловецкій монастырь, гдѣ, раздѣляя скудную пищу братіи, провелъ недѣлю.

Возвратясь въ Архангельскъ и ожидая прихода корабля, купленнаго по его заказу въ Голландіи, Царь рѣшился испытать всю морскую службу такъ, какъ испыталъ всю службу сухопутную, и выбралъ въ свои учители искуснаго шкипера, Голландца Виллемсона.

Учитель царя добродушный голландецъ полагалъ сначала, что съ нимъ шутятъ.

— Если хочешь учиться, начинай съ должности цвиббера (каютнаго мальчика), и потомъ будь каютъ-вахтеромъ и матросомъ, — сказалъ Виллемсонъ Царю, смѣясь.

*) Крестъ этотъ находится нынѣ въ Архангельскѣ, въ соборѣ.

— А какая цвиббера должность?—спрашивалъ Царь.

— Онъ исполняетъ приказанія старшихъ, и вообще прислуживаетъ имъ. Надобно прежде учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать.

— Хорошо, такъ я послужу теперь у тебя матросомъ, сказалъ Царь. Приказывай!

Виллемсонъ, полагая, что Государь шутитъ, велѣлъ ему развязать на верху мачты веревку.

Петръ отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Виллемсонъ, смотря на государя, въ ужасѣ и страхѣ кричалъ ему: «довольно, довольно, хорошо царь Питеръ, полѣзай внизъ!» Въ то время дулъ сильный вѣтеръ и Виллемсонъ опасался, чтобъ государь неупалъ съ мачты при сильномъ порывѣ вѣтра.

Государь, исполнивъ приказаніе, спустился внизъ благополучно и, увидя испуганнаго Виллемсона, спросилъ:

— Чего ты испугался? что я оборвусь, погибну? Небойся! Я люблю море, такъ оно меня не поглотитъ.

Послѣ того Виллемсонъ, успокоясь, сталъ веселѣе, велѣлъ государю раскурить себѣ трубку табаку, налить пуншъ и, словомъ сказать, исполнять и всѣ прочія обязанности простаго корабельщика. Петръ смиренно исполнялъ всѣ его приказанія и говорилъ, что всякій долженъ исполнять приказанія старшаго.

Такъ Царь Петръ, подъ началомъ Виллемсона, прошелъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

Наконецъ прибылъ ожидаемый Петромъ изъ Голландіи корабль. Августа 1-го Царь пустился на немъ въ море, сопровождаемый иностранными судами. Всею эскадрою начальствовалъ англійскій шкиперъ Іольсенъ. Царь находился безотлучно при немъ, стоя на вахтѣ, и изу-

чалъ подробности управленія кораблемъ. Плаваніе простиралось до Св. Носа, или устья Бѣлаго моря, и продолжалось десять дней.

На прощаньи съ моряками, Царь роскошно угостилъ ихъ на своемъ кораблѣ, и когда всѣ были въ веселомъ разгулѣ, взялъ съ нихъ слово исполнить то, что онъ самъ сдѣлаетъ. Получивъ общее обѣщаніе, Царь, плавая ловко и безстрашно, бросился съ корабля въ море. Собесѣдники принуждены были послѣдовать его примѣру, не смотря на щегольское платье, въ которое нѣкоторые изъ нихъ нарядились на царскій пиръ.

Съ восторгомъ разсказывали потомъ иностранные шкипера объ юномъ, умномъ, веселомъ и отважномъ Русскомъ Царѣ!...

V.

Азовскіе походы и взятіе Петромъ Турецкой крѣпости Азова.

Учебные маневры подъ Кожуховымъ и селомъ Коломенскимъ.—Возобновленіе войны съ Турками и первый Азовскій походъ.—Неудача подъ Азовомъ. — Основаніе корабельной верфи и строеніе судовъ въ Воронежѣ.—Второй Азовскій походъ и взятіе Азова.

По возвращеніи царя изъ Архангельска, начались въ Москвѣ маневры. Тамъ сооружена была обширная крѣпость, недалеко отъ Симонова монастыря и берега Москвы рѣки, на Коломенской дорогѣ. Осаждать и защищать ее собраны были войска изъ городовъ; къ нимъ присоединены были Потѣшные, Нѣмецкіе полки, Стрѣльцы, подъячіе изъ приказовъ и придворные служители.

По имени деревни Кожуховой, близъ которой устроена была крѣпость, маневры названы были Кожуховскимъ походомъ. Самъ Царь участвовалъ въ этихъ маневрахъ, какъ капитанъ бомбардирской роты Преображенскаго полка.

Двѣ недѣли продолжалась примѣрная война (маневры); сражались бумажными гранатами и деревянными штыками. Битвы были упорныя. Крѣпость осаждали по всѣмъ воинскимъ правиламъ, нападали въ открытомъ полѣ, придумывали засады, различныя хитрости, сражались иногда такъ запальчиво, что многіе бывали ранены. Дѣло кончилось шуткою: крѣпость затопили водою изъ ручныхъ трубъ.

Послѣ краткаго отдыха, были вновь произведены маневры подъ селомъ Коломенскимъ. Тамъ построена была также земляная крѣпость, но уже не было ничего шуточнаго. Правильнымъ боемъ Лефортъ бралъ, а Гордонъ защищалъ крѣпость, причемъ предводительствовали одинъ Потѣшными, а другой Стрѣльцами.

Побѣда Лефорта едва недосталась ему слишкомъ дорого. Увлеченный горячимъ характеромъ своимъ, онъ бросался въ огонь, и бумажною гранатою былъ опаленъ въ лицо такъ, что нѣсколько дней опасались даже за его зрѣніе.

Тогда Царь невольно выказалъ теплую привязанность и любовь къ Лефорту. Царь жилъ безвыѣздно у своего любимца, самъ подавалъ ему лекарства, своими руками дѣлалъ примочки, заботился объ немъ какъ о родномъ отцѣ, и когда выздоровѣлъ Лефортъ, на радости произвелъ его въ полные генералы.

Въ скоромъ времени, при возобновленіи непріязнен-

ныхъ дѣйствій Турокъ, Русскимъ войскамъ представился случай доказать свою храбрость на дѣлѣ.

Царь, предположивъ завоевать у Турокъ Азовъ, нашелъ необходимымъ построить большія суда для осады Азова, и спустить ихъ по Дону. Съ этою цѣлію въ Воронежѣ была заложена большая корабельная верфь, для постройки же мелкихъ судовъ избранъ былъ Брянскъ, откуда эти суда могли идти къ Азову по Днѣпру. Но пока строили суда Петръ рѣшился испытать храбрость своего войска и свое счастіе въ ратномъ дѣлѣ, взять Азовъ безъ пособія флота.

Весною, Царь торжественно повелъ войска свои по Москвѣ, черезъ Кремль. Подлѣ прежнихъ нестройныхъ воинскихъ дружинъ и Стрѣльцовъ шли *Преображенскій и Семеновскій* полки. Въ первомъ полку велъ свою бомбардирскую роту *капитанъ Петръ Алексѣевичъ* или *Петръ Михайловъ*, какъ еще называлъ себя Царь (по имени дѣда своего, Царя Михаила Ѳеодоровича).

Послѣ молебствія, совершеннаго въ Успенскомъ соборѣ, Патріархомъ Адріаномъ, Царь Іоаннъ, со слезами, облобызалъ своего доблестнаго брата; съ крестами и иконами проводили его потомъ до струговъ, и Петръ отправился на нихъ по Москвѣ-рѣкѣ, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Народъ благословлялъ юнаго Царя, шедшаго на первый бранный подвигъ.

Весело, радостно спѣшилъ на битвы юный Царь, жаждавшій сразиться съ непріятелемъ!

«Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ, хоть истинно при той потѣхѣ и въ головѣ не было, что она превратится въ настоящее дѣло», писалъ Царь Апраксину.

Шереметевъ, начальствовавшій русскими войсками на Днѣпрѣ, не замедлилъ порадовать Царя успѣхами, и въ скоромъ времени взялъ Кизи-Кермень и три другія крѣпости.

Между тѣмъ Царь, со своимъ войскомъ, явился у Азова. Эта крѣпость считалась твердынею непобѣдимою. Составляя неправильный четыреугольникъ, Азовъ, обнесенъ былъ высокими каменными стѣнами, окруженными глубокимъ рвомъ съ земляным валомъ. Выше Азова, на обоихъ берегахъ Дона, построены были небольшія каменныя крѣпости или каланчи съ земляными валами. Донъ между ними перегороженъ былъ желѣзными цѣпями.

Азовцы встрѣтили Русскихъ смѣлою вылазкою, но Гордонъ отбилъ непріятеля, и Русскія войска окружили Азовъ. Лефортъ, съ 700-ми Преображенцами, взялъ приступомъ одну каланчу; другую начали бомбардировать, и такъ устрашили ея защитниковъ, что они бѣжали почью, не смотря на упорство стараго и опытнаго комендапта.

Въ то же время, по Азову производилась безпрерывная пальба, и бомбы русскія причиняли пожары въ городѣ. Вылазки непріятелей были храбро отбиваемы, но Азовцы еще не сдавались.

«Мы близко подошли къ гнѣзду, и шмѣлей такъ раздразнили, что они крѣпко кусаются; но и гнѣздо ихъ по маленьку сыплется», писалъ Царь, увѣренный въ побѣдѣ.

Но гнѣздо не разсыпалось!

«Умоляю тебя, милый братъ, ходить опасно и беречь себя!» писалъ къ доблестному брату своему Царь Іоаннъ.

Но не опасно ходилъ Петръ; онъ первый былъ въ битвахъ, послѣдній при отступленіи; самъ работалъ на батареяхъ, дѣлилъ труды, опасности, непогоду, недостатки съ другими.

Неуспѣшно, медленно шли осадныя работы по пенскуству инженеровъ. Наступила осень, и Царь положилъ отступить, предположивъ на будущій годъ возобновить непріязненныя дѣйствія, и для того увеличить необходимыя средства.

Въ концѣ ноября, Царь былъ уже въ Москвѣ и самъ вступилъ съ своими потѣшными въ Кремль и привелъ ихъ въ Преображенское. Царь Іоаннъ встрѣчая плакалъ отъ радости и обнимая Петра, говорилъ:

— Слава Богу, что ты возвратился—теперь умру я спокойно!

Здоровье добродѣтельнаго Іоанна ослабѣвало видимо. Іоаннъ и безъ того больной безнадежно, онъ простудился еще на Іордани, 6-го января, страдалъ три недѣли и тихо скончался 29-го января.

Горестно рыдалъ Петръ, опуская гробъ Іоанна въ могилу, въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ гробницы Царя Ѳеодора. Свято почитая память брата, Петръ во всю жизнь свою уважалъ, чтилъ царицу, супругу его, и не отличалъ дѣтей его отъ своихъ родныхъ.

Съ наступленіемъ весны въ Москвѣ закипѣла опять воинская дѣятельность; вездѣ дѣлали приготовленія къ выступленію въ походъ подъ Азовъ, вездѣ готовили оружіе и запасы. Въ Воронежѣ также спѣшили строеніемъ кораблей, и для того перевезены были туда корабельные мастера изъ Архангельска. Оттуда же приглашены были на службу царскую иностранные мат-

росы и офицеры, и къ маю мѣсяцу два большіе 44-хъ пушечные прама или плоскодонные корабля, 2 галеаса, 43 галеры и 4 брандера красовались уже на Дону, готовые, по первому приказанію, двинуться на непріятеля.

Войска собирались въ Малороссіи подъ начальствомъ Шереметева, а Шеинъ назначался воеводою подъ Азовъ. Лефортъ какъ Адмиралъ, именованъ былъ начальникомъ флота. Къ нему на суда опредѣлено было 29 ротъ солдатъ, составлявшихъ 4,000 человѣкъ, и одною изъ этихъ ротъ начальствовалъ самъ Царь — *Капитанъ Петръ Алексѣевичъ*.

Въ началѣ мая, Русскій флотъ двинулся въ походъ, и самъ Царь поплылъ по Дону, вмѣстѣ со всѣми судами.

Русскій флотъ появился, въ скоромъ времени, у Азова и, укрывшись въ устьѣ Дона, смѣлымъ и неожиданнымъ нападеніемъ на Турецкіе корабли, обратилъ непріятеля въ бѣгство.

Два непріятельскіе корабля, 12 галеръ, 10 большихъ сасъ и 6 тумбасовъ были сожжены и потоплены. Остальной флотъ турецкій поспѣшно снялся съ якоря и удалился въ море.

Между тѣмъ, сухопутныя наши войска, подойдя къ Азову, начали осадныя работы. Самъ Царь размѣривалъ мѣста подъ батареи и шанцы, презирая пальбу непріятельскую и когда Петра просили беречь драгоцѣнную жизнь свою, то онъ отвѣчалъ:

— «Аще Богъ по насъ, то кто на ны? — Я долженъ подавать примѣръ моимъ добрымъ товарищамъ; могу ли я посылать ихъ въ битвы, если самъ буду прятаться?»

Въ скоромъ времени осадныя работы были кончены, и первую бомбу въ Азовъ пустилъ самъ Царь. Вслѣдъ за нею загремѣли Русскія пушки и мортиры, и завязалась сильная перестрѣлка.

Но не сдавался еще Азовъ! Не смотря на голодъ, который томилъ осажденныхъ, и на русскія бомбы, которыя сыпались въ крѣпость и поражали защитниковъ ея, уничтожали жилища ихъ, — губили и разрушали все, Турки защищались упорно, хотя и предвидѣли неминуемую свою гибель, но упорство ихъ было уже отъ отчаянія.

Іюля 17-го назначено было на разсвѣтѣ зажечь подкопъ и идти на приступъ, и войско съ вечера изготовилось и ждало сигнальной ракеты. Вдругъ по лагерю раздался радостный крикъ!...

Донскіе казаки, находясь въ числѣ другихъ осаждающихъ войскъ, не дожидались сигнала, бросились на земляной валъ, овладѣли имъ въ одномъ мѣстѣ, кинулись въ самый городъ, и послали донести о томъ Царю, прося помощи.

Въ то же время, на стѣнахъ явился Азовскій комендантъ; махая шапкою, онъ давалъ знать, что Азовъ сдается.

Черезъ два дня, комендантъ сопровождаемый знатнѣйшими турецкими сановниками, вышелъ изъ Азовской крѣпости на встрѣчу Русскому главнокомандующему и у городскихъ воротъ, ставъ на колѣни, поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ ключи отъ города.

Такъ Азовъ палъ, и Русскіе, войдя въ городъ, поспѣшили принести благодареніе Господу. При громѣ пушекъ воспѣто было: «Тебе Бога хвалимъ!» а въ

день Преображенія,—храмовой праздникъ Преображенскаго полка,—совершенъ былъ крестный ходъ по Азовскому валу. Двѣ мечети обращены были въ Православныя церкви, и въ нихъ возглашены многолѣтія Царю Русскому и его храброму воинству, и вѣчная память падшимъ въ битвѣ.

«Нынѣ возглашу вамъ; радуйтесь, и паки реку радуйтесь!» писалъ Петръ въ Москву. «Богъ благословилъ двухлѣтніе труды и кровь нашу — Азовъ покорился намъ!»

Москва сомнительно ждала побѣдной вѣсти, и потому тѣмъ живѣе была общая радость общее веселіе. Кремль огласился радостными кликами, и по всему государству разнеслась вѣсть о побѣдѣ Царя, который торжественно праздновалъ взятіе Азова.

VI.

Распоряженіе Петра къ болѣе успѣшному судостроенію и путешествіе его за границею.

Строеніе судовъ «кумпанствами». — Посылка за границу дворянъ для обученія кораблестроительству. — Желаніе Петра самому изучить корабельное дѣло за границей.—Объявленіе о томъ боярамъ.—Снаряженіе великаго посольства и путешествіе Петра за границу. — Пребываніе Петра въ Саардамѣ подъ именемъ плотника Петра Михайлова.—Обученіе Петра кораблестроенію на верфяхъ въ Саардамѣ и Амстердамѣ.—Пребываніе въ Англіи и наемъ мастеровыхъ и художниковъ.—Неустрашимость Петра на морѣ.

Чтобы утвердиться на берегахъ Азовскаго моря, царь опредѣлилъ приступить къ сооруженію большаго флота «кумпанствами»: земледѣльцевъ, духовныхъ и свѣт-

скихъ, по одному кораблю съ 8,000—10,000 крестьянскихъ дворовъ, почему вотчинники должны были явиться въ Москву для соглашенія кому съ кѣмъ складываться строить корабли, галеры и прочія суда. Но, дабы искусство кораблестроенія вѣчно утвердилось въ Россіи, Государь послалъ многихъ дворянъ въ Голландію и иныя государства «учиться строенію и управленію корабельнымъ». Съ этою цѣлью, на первый разъ, Петръ назначилъ отправить 50 комнатныхъ стольниковъ; изъ нихъ 23 въ Италію, преимущественно въ Венецію, и 22 въ Англію и Голландію. Всѣ они принадлежали къ знатнѣйшимъ въ то время фамиліямъ, и многіе впослѣдствіи прославились на службѣ отечеству.

Но царь, отправивъ своихъ царедворцевъ за границу, не вполнѣ однакожъ довѣрялъ успѣху ихъ въ дѣлѣ великомъ, для нихъ новомъ, требовавшемъ навыка и охоты, которой они не всегда оказывали. Поэтому-то царь, всегда первый труженикъ для пользы народной, нетерпѣливо желая ввести въ Россію морское дѣло и разлить по всюду въ государствѣ просвѣщеніе, задумалъ самъ отправиться съ болѣе надежными людьми, съ Преображенскими бомбардирами, въ чужія земли, гдѣ наиболѣе процвѣтало мореходство. Царь съ товарищами своихъ трудовъ по работамъ, желалъ изучить основательно кораблестроеніе на верфяхъ Итальянскихъ, Голландскихъ и Англійскихъ, подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ. По природѣ своей, жаждущей знанія и дѣятельности,—дѣятельности физической (тѣлесной), столько же, сколько и духовной, Петръ хотѣлъ самъ все видѣть, все узнать, все сработать; онъ не могъ

спокойно дожидаться въ Москвѣ, пока посланные за границу возвратятся обученные корабельному мастерству. Мысль изучить всякую науку самому, такъ глубоко заняла умъ царя, что онъ положилъ самолично отправиться въ иноземныя государства и объ этомъ объявилъ боярамъ и по всему государству.

— Я самъ ѣду съ вашими дѣтьми—говорилъ Петръ боярамъ, я самъ покажу имъ, чему должно учиться, что должно и чего не должно перенимать!

Въ то же время Царю Петру Алексѣевичу исполнилось двадцать четыре года. При необыкновенныхъ душевныхъ способностяхъ, онъ былъ одаренъ и тѣлесными качествами необыкновенными. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли тогда на Русскаго Царя, высокаго, статнаго, мужественнаго, съ горящими черными глазами, орлинымъ взоромъ, живостью, быстротою во всѣхъ движеніяхъ. Царь, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, былъ ростомъ двухъ аршинъ четырнадцати вершковъ. Смуглое, но правильное, оживленное умомъ, лицо его оттѣнялось густыми, черными, волнистыми волосами, небрежно заброшенными за уши. Небольшіе усы придавали ему видъ воинственный. Голосъ у него былъ чистый, ясный, громкій; рѣчь смѣлая, порывистая; походка величественная, хотя и скорая. Его тѣлесная сила была изумительна; онъ разгибалъ лошадиную подкову и свертывалъ въ трубку серебряную тарелку.

Такъ повѣствуютъ, что однажды Царь Петръ Алексѣевичъ бывъ въ городкѣ Биржѣ, ужиналъ съ польскимъ королемъ Августомъ, который также обладалъ необыкновенною силою. Во время ужина Августъ замѣтилъ, что поданная ему серебряная тарелка была не-

чиста, согнулъ ее рукою въ трубку и бросилъ въ сторону. Петръ, полагая, что король хвастаетъ передъ нимъ силою, согнулъ также свою тарелку и положилъ передъ собой. Оба сильные государя начали вертѣть по двѣ тарелки и перепортили бы всю посуду, потому что уже сплющили между ладонями двѣ большія чаши, если бы шутку эту не кончилъ Петръ слѣдующею рѣчью: «братъ Августъ, мы гнемъ серебро изрядно, только надобно бы потрудиться, какъ бы согнуть намъ шведское желѣзо».—Въ другой разъ оба монарха были въ городѣ Торнѣ, гдѣ представлено было зрѣлище битвы буйволовъ. Въ то время, какъ разсвирѣпѣвшій буйволъ упрямился идти, Августъ подскочивъ къ быку, схватилъ его за рогъ и однимъ взмахомъ саблею отсѣкъ ему голову. «Постой, братъ Августъ», сказалъ ему Петръ: «я не хочу являть силы своей надъ животнымъ, прикажи подать свертокъ сукна!» Когда принесенъ былъ свертокъ, царь взялъ его одной рукой, кинулъ его вверхъ, а другою рукою выхватилъ кортикъ свой, и ударилъ на-лету по свертку сукна столь сильно, что раскроилъ его на двѣ части. Августъ сколько потомъ ни старался сдѣлать тоже, но не былъ въ состояніи.

Такова была тѣлесная сила Императора Петра I.

Но не менѣе изумительны были и его нравственныя качества. Стремясь постоянно къ пріобрѣтенію познаній и къ просвѣщенію, Царь, въ короткое время своего царствованія, успѣлъ уже обозрѣть два крайніе предѣла своего царства, югъ и сѣверъ Россіи, жилъ въ лагерѣ съ солдатами, былъ на кораблѣ съ матросами, и сблизился со всѣми званіями, отъ боярина до

ремесленника, отъ министра до купца, отъ патріарха до сельскаго дьячка. Онъ постигъ всю силу царской воли въ Россіи, узналъ народъ, и на что способенъ Русскій, и — рѣшился наконецъ образовать его и разлить просвѣщеніе на всѣхъ своихъ подданныхъ. Убѣдясь, что военная сила государства есть вѣрное ручательство за его крѣпость, а просвѣщеніе — необходимое условіе его благосостоянія, онъ положилъ создать сухопутныя и морскія силы, соотвѣтствующія громадности Россіи, а науку и просвѣщеніе перенести въ свое отечество изъ другихъ государствъ.

Для этого-то и рѣшился царь лично обозрѣть Европу. Тогда паряжено было великое посольство изъ полномочныхъ пословъ-генераловъ: Лефорта и Головина и думнаго дьяка Возницына, ко дворамъ Цесарскому, Англійскому, Датскому, Римскому, Бранденбургскому, въ Голландію и Венецію. Свита посольская состояла изъ дворянъ и волонтеровъ: въ числѣ послѣднихъ находился самъ царь, подъ именемъ «Преображенскаго полка урядника Петра Михайлова». Царь назвался такъ потому, что желалъ избѣжать церемоній и любопытства толпы, и хотѣлъ быть свободнымъ въ дѣйствіяхъ. Царь не имѣлъ въ виду уклоняться отъ знакомства съ Европейскими государями, но предпочиталъ видѣться съ ними за-просто, предоставивъ всѣ почести пріема посламъ своимъ.

Царь не медлилъ отъѣздомъ, и марта 9-го 1697 года, послѣ напутственнаго молебствія въ Успенскомъ соборѣ, отправился въ далекій путь.

Съ грустью смотрѣлъ собравшійся въ Кремлѣ народъ, на удаляющійся дорожный экипажъ Русскаго Царя; на-

конецъ экипажъ скрылся изъ виду, и всѣ съ поникшей головой, и съ стѣсненнымъ сердцемъ, разошлись по домамъ....

Царь посѣтилъ Курляндію, Пруссію, Бранденбургъ, Голандію, Англію, Саксонію и Австрію. Вездѣ высматривалъ онъ и изучалъ все, что достойно было вниманія; вездѣ онъ нанималъ и посылалъ въ Россію офицеровъ, моряковъ, ученыхъ, посѣщалъ заводы, фабрики и разныя мастерскія, покупалъ машины, модели и корабли.

Петръ былъ столь любознателенъ, что не оставлялъ ничего безъ вниманія.

Однажды, прогуливаясь въ Кенигсбергѣ, онъ остановилъ на улицѣ одну знатную госпожу, примѣтивъ у ней замѣчательные по отдѣлкѣ часы, и просилъ позволенія разсмотрѣть ея часы; подержавъ нѣсколько времени часы, онъ вѣжливо возвратилъ ихъ, прося извиненія, что часы ея возбудили его любопытство.

Въ Голландіи Петръ рѣшился продолжать уроки навигаціи и кораблестроенія, начатые въ Переяславлѣ и которые онъ до того продолжалъ въ Архангельскѣ и въ Воронежѣ.

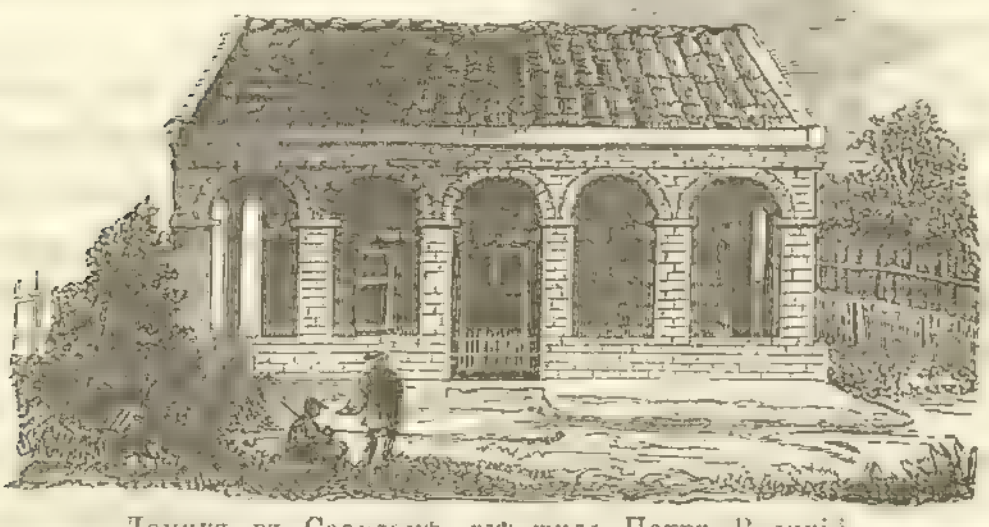
Онъ спѣшилъ въ находящійся недалеко отъ Амстердама небольшой городокъ Саардамъ, родину многихъ мастеровъ, которыхъ зналъ онъ въ Россіи.

Саардамъ лежитъ въ двухъ миляхъ (14 верстахъ) отъ Амстердама, главнаго города Голландіи. Въ Саардамѣ и въ настоящее время немного жителей, а въ то время, когда Петръ Великій рѣшился осмотрѣть все достопримѣчательное въ Европѣ,—въ то время населеніе Саардама было еще незначительнѣе. Но Саардамцы

были дѣятельный и трудолюбивый народъ; они славились своимъ искусствомъ въ кораблестроеніи, и на ихъ верфяхъ постоянно можно было видѣть множество начатыхъ и строющихся судовъ.

Подплывая къ Саардаму, Петръ увидѣлъ Голландца, ловившаго рыбу и узналъ въ немъ Геріета Киста, кузнеца бывшаго у него въ Москвѣ.

Онъ кликнулъ его по имени.



Домикъ въ Саардамѣ, гдѣ жилъ Петръ Великій.

— Ты-ли это, Царь московскій! — воскликнулъ Кистъ, невѣря глазамъ своимъ, при видѣ человѣка въ красной байковой куртке, холстинныхъ брюкахъ и большой круглой шляпѣ.

Но Царь велѣлъ ему молчать, избралъ его руководителемъ своимъ въ Саардамѣ, и прежде всего позаботился о своемъ помѣщеніи.

По счастію нашелся маленькій отдѣльный домикъ у самаго Киста, и Царь рѣшился нанять его.

Тамъ, живя въ уединеніи, онъ самъ посилъ себѣ

дрова на кухню, топилъ печку и готовилъ себѣ кушанье. Своими руками онъ сдѣлалъ для себя тесовую кровать и простой столъ, и съ утра до вечера, съ топоромъ въ рукѣ, работалъ на корабельной верфи.

Онъ скрывалъ свое званіе, и обращался со всѣми Голландцами просто и радушно.

Однажды обѣдалъ онъ у жены корабельнаго мастера, находившагося въ Россіи.

— Почему знаешь ты моего мужа? — спросила его жена мастера, отъ котораго Петръ привезъ ей поклонъ изъ Россіи.

— Мы работали съ нимъ вмѣстѣ у московскаго царя,—отвѣчалъ Петръ.

– Но кто же ты самъ? — спросила любопытная Голландка.

— Я плотникъ,—отвѣчалъ Царь.

– Должно быть, ты очень хорошій плотникъ, сказала голландка, поглядывая на сильныя руки Петра. Эта похвала доставила Петру видимое удовольствіе.

У одного саардамца Петръ купилъ за 40 гульденовъ ботъ,—при чемъ долго торговался,— и тутъ же продавецъ и покупщикъ дружески выпили пива на счетъ покупщика—Петра.

Работая отлично на корабельной верфи, Петръ принятъ былъ въ общество корабельныхъ строителей и записанъ подъ именемъ Петра Михайлова; но ему гораздо было пріятнѣе, когда друзья называли его саардамскимъ корабельщикомъ или мастеромъ Петромъ.

Однажды, когда Амстердамское адмиралтейство посѣтилъ какой-то лордъ, Петръ прилегъ отдохнуть. Въ

Царь Петръ плотникомъ на корабельной верфи въ Саардамѣ.

то время рабочіе проходя мимо него, несли тяжелое бревно.

— Эй, плотникъ Петръ! что же ты не помогаешь намъ? крикнулъ главный мастеръ. Царь молча поднялся съ своего мѣста и покорно подставилъ свое могучее плечо подъ бревно.

Но какъ ни старался Петръ скрывать себя, въ Амстердамѣ скоро узнали, что Русскій Царь живетъ въ Саардамѣ и находится простымъ работникомъ на верфи. Толпы народа кинулись смотрѣть его. Многіе спорили между собою и даже бились объ закладъ: одни говорили, что точно въ Саардамѣ живетъ Русскій Царь, другіе не хотѣли вѣрить этому. Чтобъ рѣшить споръ, два купца, лично извѣстные царю, нарочно пріѣзжали въ Саардамъ и съ удивленіемъ спрашивали Петра: неужели это вы - - Царь? Государь, улыбаясь, отвѣчалъ имъ: «вы видите!»

Вскорѣ число любопытныхъ, приходившихъ посмотрѣть на Царя, возросло до того, что ему работать было уже невозможно, и Петръ, получивъ званіе корабельнаго мастера въ Саардамѣ, тайно уѣхалъ въ Амстердамъ. Тамъ царь работалъ 4 мѣсяца на верфи Остъ-Индской компаніи и также хорошо ознакомился съ кораблестроительствомъ. Изъ Амстердама царь отправился въ Англію, на яхтѣ, нарочно присланной за нимъ Англійскимъ королемъ Вильгельмомъ.

Великолѣпный домъ назначенъ былъ Царю въ Лондонѣ, но онъ отказался отъ него и поселился въ небольшомъ домикѣ въ Дептфортѣ, гдѣ находилось тогда главное англійское адмиралтейство.

Здѣсь прожилъ Царь четыре мѣсяца. Неусыпно рабо-

талъ онъ на верфи, и въ то же время, какъ и въ Голландіи, ничего не оставилъ безъ обозрѣнія. Онъ осматривалъ заводы, фабрики, мастерскія, все записывалъ, всюду работалъ самъ, накупилъ множество машинъ, моделей, орудій, и нанялъ болѣе 300 мастеровыхъ и художниковъ и отправилъ ихъ въ Россію.

Царь былъ весьма доволенъ праздникомъ, даннымъ ему, по приказанію короля, въ Портсмутѣ.

При громѣ пушекъ съ крѣпости, нѣсколько линейныхъ кораблей и множество другихъ судовъ выступили изъ гавани, и, послѣ трехдневной прогулки по морю, представили примѣрную морскую битву, продолжавшуюся цѣлый день.

Царь находился на кораблѣ адмирала, командовавшаго эскадрою, и до того былъ восхищенъ искуствомъ движеній, ловкостью морскихъ командъ и распоряженіями начальниковъ, что въ восторгѣ воскликнулъ:

— Если бы я не былъ Русскимъ царемъ, то желалъ бы быть англійскимъ адмираломъ.

На прощаньи, король Вильгельмъ подарилъ Петру модель 120-ти пушечнаго корабля и великолѣпную яхту, на которой онъ и отправился изъ Англіи въ Голандію.

Во время пребыванія въ Англіи, Петръ посѣтилъ парламентъ, гдѣ сидѣли: король на тронѣ и всѣ вельможи королевства вкругъ него на скамьяхъ. Выслушавъ произносимыя нѣкоторыми судьями рѣчи, которые переводчики, переводили Петру, онъ обратясь къ бывшимъ тутъ-же Русскимъ, сказалъ: «Весело слышать когда сыны отечества говорятъ королю явно правду, сему у Англичанъ учиться должно».

На площади воксала, въ Лондонѣ, случилось Петру

видѣть англійскихъ бойцовъ, сражавшихся другъ съ другомъ лбами, изъ которыхъ одинъ побивалъ другаго. Возвратясь къ себѣ въ домъ, Петръ разсказывалъ объ этомъ боѣ своимъ Русскимъ; тогда одинъ изъ гвардейскихъ гренадеръ, находившихся при свитѣ, пожелалъ побиться съ лондонскимъ силачемъ, такъ какъ бывалъ прежде часто на кулачныхъ бояхъ въ Москвѣ, и надѣялся на себя, но просилъ государя, чтобъ дозволено было ему сперва посмотрѣть такую битву; что и было ему дозволено. Гренадеръ, замѣтивъ всѣ ухватки бойцовъ, увѣрялъ, что онъ перваго и славнаго бойца англичанина сразитъ разомъ такъ, что впередъ биться съ русскимъ не пожелаетъ. Петръ, улыбнувшись сказалъ:

— Полно, такъ-ли? Я буду держать закладъ, не постыди насъ...

— Изволь, государь, смѣло держать,—надѣяться, я не только этого удальца, да и всѣхъ съ нимъ его товарищей вмѣстѣ, однимъ кулакомъ размѣчу; вѣдь я, царь государь, за Сухаревою башнею противъ кулачной стѣны хаживалъ. Я зубы съ челюстьми и ребра англичанину высажу.

Спустя нѣсколько дней, Царь, во время обѣда у герцога Леедса, завелъ рѣчь о бойцахъ, которыхъ онъ видѣлъ, и сказалъ ему, что гренадеръ его побѣдитъ перваго ихъ витязя. Прочіе лорды, увѣренные въ силѣ и мастерствѣ англійскаго бойца, противъ котораго никто не могъ стоять, предложили государю держать закладъ, что англичанъ одержитъ верхъ.

— А сколько? спросилъ Петръ.

— Пять сотъ гиней!

— Пять сотъ гиней! добро.— Но вѣдайте, господа,

что мой боецъ лбомъ не бьется, а кулакомъ обороняется.

Къ бою назначенъ былъ садъ сына Леедса. Царь прибылъ туда съ многими своими; пришли также и лорды. Явились два бойца: Англичанинъ богатырскимъ своимъ видомъ, при первомъ взглядѣ на соперника, увѣрялъ каждаго, что онъ будетъ побѣдителемъ. Всѣ полагали, что гренадеръ не устоитъ. Англичанинъ вызывалъ своего соперника, но гренадеръ, поджавъ руки, стоялъ прямо, не спускалъ съ ратоборца глазъ и ожидалъ его къ себѣ. Зрители смотрѣли со вниманіемъ. Англичанинъ, нагнувъ шею, устремилъ твердый лобъ свой противъ груди гренадерской и шелъ сразить его. Въ ту минуту когда ожидали удара лбомъ въ грудь гренадера, какъ вдругъ всѣ увидѣли, что гренадеръ не допустивъ бойца до себя, вмигъ кулакомъ ударилъ его по нагнутой шеѣ столь сильно, мѣтко и проворно, что шотландскій гигантъ палъ на землю и растянулся. Зрители вскричали: гусс, гусс, ударили въ ладоши, поклонились государю и заплатили закладъ. Государь оборотясь къ своимъ, сказалъ:

— Русскій кулакъ стоитъ англійскаго лба, я думаю онъ безъ шеи.

Тотчасъ сраженному бойцу пущена была кровь, полагали что умретъ, но онъ очнулся. Царь Петръ много старался о томъ, чтобы, бойца вылѣчили; подозвавъ врача, онъ далъ ему двадцать гиней, приказавъ ходить за больнымъ. Изъ выиграннаго заклада, Царь пожертвовалъ побѣдившему гренадеру двадцать гиней, англичанину бойцу такъ же двадцать гиней, бывшихъ съ нимъ гренадерамъ тридцать гиней, народу, бывшему

около мѣста боя, пятьдесятъ гиней, а остальные послалъ въ инвалидный домъ. Потомъ государь приказалъ тутъ же всѣмъ своимъ гренадерамъ сначала бороться, а потомъ сдѣлать между собою кулачный бой, чтобы показать лордамъ проворство, силу и ухватки русскихъ богатырей. Лорды, видя въ первый разъ такой бой, весьма дивились силѣ и ловкости гренадеръ, потому что всѣ находившіеся при Петрѣ въ путешествіи гренадеры были видные, рослые и сильные, и прямо похожи были на древнихъ богатырей.

На пути изъ Англіи въ Голландію, жестокая буря встрѣтила Царя и продолжалась четыре дня. Сами моряки заявляли ему опасеніе, и съ трепетомъ ожидали своей погибели; одинъ Петръ не терялъ присутствія духа, и весело говорилъ имъ;

— Что вы боитесь? сбыточное ли дѣло, чтобы Царь Русскій утопулъ въ Нѣмецкомъ морѣ?

Изъ Амстердама Петръ поѣхалъ черезъ Дрезденъ прямо въ Вѣну, а оттуда, вмѣсто Италіи, куда онъ располагалъ отправиться, рѣшился возвратиться въ бѣлокаменную столицу свою.

Неожиданныя событія въ Москвѣ призывали Царя Русскаго въ предѣлы его отечества!... Князь Ромадановскій доносилъ царю о новомъ стрѣлецкомъ возмущеніи въ Москвѣ.

VII.

Петръ Преобразователь.

Возвращеніе Петра въ Москву изъ за границы.—Стрѣлецкій розыскъ и уничтоженіе стрѣлецкаго войска.—Бритье бородъ.—Внутреннія преобразованія въ Россіи.—Усиленіе военныхъ силъ. — Искорененіе роскоши бояръ. — Изданіе Своднаго Уложенія Законовъ; Учрежденіе училищъ; Чеканка мелкой монеты.—Преобразованія въ духовномъ управленіи. — Уничтоженіе званія бояръ и проч. — Обязательность для дворянъ военной службы.—Устройство фабрикъ и заводовъ.

Прискорбно было Петру услышать о неповиновеніи и непокорности въ своемъ народѣ, въ то время, когда онъ не жалѣлъ трудовъ своихъ, здоровья, самой жизни для блага подданныхъ своихъ. Большинство, не понимая пользы нововведеній Петра, не оцѣнили благодѣяній своего Царя, отвергали ихъ, старались поколебать внутреннее спокойствіе, покушались даже на жизнь Царя!...

Петру все было извѣстно, онъ вмѣстѣ съ Лефортомъ, Головинымъ и Меньшиковымъ поскакалъ изъ Вѣны на почтовыхъ, безъ отдыха, и 26-го Августа, 1698 года, былъ онъ уже въ Москвѣ.

Немедленно началось изслѣдованіе о происшедшихъ безпорядкахъ. Злодѣи, тревожили Великаго Царя среди его подвиговъ и пользовались каждымъ случаемъ, чтобы возстать противъ воли мудраго помазанника Божія, они недостойны были никакого милосердія, никакого помилованія.

Три тысячи стрѣльцовъ и заговорщиковъ было казнено, многіе сосланы въ отдаленныя мѣста Сибири, Астрахани и Азова. Казненные заговорщики висѣли

на площади по нѣскольку дней для внушенія страха и въ примѣръ другимъ. Патріархъ, желая умилостивить Царя, пошелъ къ нему съ крестнымъ ходомъ, неся образъ Богоматери. Государь, увидѣвъ шедшаго къ нему Патріарха, воздалъ должное поклоненіе иконѣ Богоматери и съ гнѣвомъ сказалъ ему:

— «Всуе употребляешь святыню сію, зачѣмъ пришелъ сюда? возвратись, и отнеси образъ святый туда, гдѣ онъ стоялъ —Знай, что я разумѣю страхъ Божій и почитаю Святую Дѣву столько же, какъ и ты. — Но вѣдай при томъ и то, что долгъ велитъ мнѣ спасать подданныхъ, и по правосудію наказывать злодѣевъ; того требуетъ законъ, требуетъ и народъ».

Такимъ изрѣченіемъ Царь показалъ, какъ самодержавная власть должна быть правосудна. Правосудія Петрова неизбѣгла и честолюбивая сестра его, царевна Софія, постоянно подстрекавшая стрѣльцовъ къ буйству и неповиновенію. Она, по приказанію Петра, была пострижена въ инокини, и въ схимѣ приняла имя Сусанны. Въ то же время пострижена была также и другая сестра Петра Великаго, царевна Марфа Алексѣевна, и супруга Петра Великаго, царица Авдотья Ѳеодоровна.

Уничтоженіе стрѣлецкаго войска, и удаленіе всѣхъ приверженцевъ старыхъ обычаевъ и порядковъ, было началомъ знаменитыхъ государственныхъ преобразованій, возвеличившихъ Россію, и прославившихъ имя Петра Великаго.

Усмиривъ преступныхъ стрѣльцовъ и уничтоживъ всѣ стрѣлецкіе полки, Петръ началъ, какъ бы шутя, свои преобразованія. По пріѣздѣ царя въ Москву, вель-

можи, царедворцы, люди знатные и незнатные явились въ Преображенскій дворецъ поклониться государю. Онъ ласково привѣтствовалъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, многихъ обнималъ, цѣловалъ, говорилъ о своемъ путешествіи, и между тѣмъ къ неописанному изумленію представлявшихся, то тому, то другому собственною рукою обрѣзывалъ бороды; сначала остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ кесаря Ромадановскаго, послѣ того и прочихъ вельможъ. Подобное же повторилось дней черезъ пять на пиру у Шеина, по случаю празднованія новолѣтія. Гостей было множество. Бояре, царедворцы, офицеры, даже матросы, наполняли обширныя палаты радушнаго хозяина. Многіе явились безъ бороды; но еще не мало было и бородачей. Царь ласково разговаривалъ со всѣми, жаловалъ по старому обычаю изъ собственныхъ рукъ яблоками, шутилъ, смѣялся, и предлагалъ заздравные тосты. Среди общаго веселія, царскій шутъ, съ ножницами въ рукахъ, обрѣзывалъ бороды то у того, то у другаго, при громкомъ хохотѣ пирующихъ, которые утѣшали себя чужимъ горемъ. Послѣ обрѣзанія бородъ, всякое нововведеніе Петра по примѣру заграничному, казалось уже не столь страннымъ, тягостнымъ для Русскихъ.

Какъ ни тяжко было многимъ лишиться бороды, но противиться царю не смѣли и въ большинствѣ случаевъ покорились безпрекословно. Дабы узаконить свои распоряженія, Петръ издалъ указъ, что кто не хочетъ отказаться отъ бороды, тотъ долженъ платить пошлину. Нежелающимъ остричь бороды выдавался мѣдный знакъ, величиною въ двугривенный, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ знака: усовъ и бороды, подъ словами:

деньги взяты. Бородачи должны были носить знаки при себѣ и возобновлять ихъ ежегодно, платя отъ 30 до 100 рублей. Съ крестьянъ при въѣздѣ въ городъ и при выѣздѣ за городъ, велѣно взыскивать у воротъ каждый разъ по 2 деньги.

Осенью того же года (1698) царь отправился въ Воронежъ, посмотрѣть работы на тамошней корабельной верфи и, къ величайшему своему удовольствію, онъ нашелъ строеніе кораблей въ надлежащемъ порядкѣ: грозныя морскія силы готовы были двинуться изъ Воронежа по Дону въ Азовское и оттуда въ Черное моря.

Между тѣмъ, начались переговоры о мирѣ съ Турками, и наконецъ, въ Декабрѣ 1698 года, заключено было перемиріе на два года.

Хотя Азовъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, но турецкій султанъ не терялъ надежды возвратить его себѣ, и заключенное перемиріе было ненадежно. Это вынудило Петра готовиться къ войнѣ, на всякій случай, если бы султанъ возымѣлъ намѣреніе снова завладѣть Азовомъ; поэтому весною 1699 года Петръ въ Воронежѣ лично спаряжалъ флотъ и войско.

Въ Воронежѣ Царь получилъ извѣстіе о смерти Лефорта, скончавшагося 12-го Марта 1699 года. Царь очень жалѣлъ Лефорта и говорилъ:

— «Я потерялъ лучшаго друга моего въ то время, когда онъ мнѣ наиболѣе надобенъ!»

Петръ немедленно возвратился въ столицу, и 21-го марта, Москва увидѣла торжественныя похороны перваго русскаго адмирала, совершонныя по европейски. Царь, иностранные послы, бояре и войско въ траурѣ,

траурныя кареты, печальная музыка во время шествія, пушечная пальба при опущеніи гроба въ могилу—изумляли москвитянъ. Царь былъ неутѣшенъ, велѣлъ еще разъ открыть гробъ друга своего на могилѣ, и еще разъ простился съ нимъ до свиданія въ другомъ, лучшемъ мірѣ. Окружавшимъ Царя людямъ, при погребеніи Лефорта, онъ сказалъ:

— Вѣрность Франца Яковлевича пребудетъ въ сердцѣ моемъ, доколѣ я живъ, и по смерти понесу ее съ собою въ гробъ!

Послѣ погребенія Лефорта, Царь возвратился въ Воронежъ, куда слѣдовали за нимъ бояре и многіе приближенные.

«Трудимся, по слову Божію къ Адаму, и снѣдаемъ хлѣбъ въ потѣ лица», писалъ оттуда Царь Патріарху.

Тогда же онъ заложилъ въ Воронежѣ огромный корабль, который и назвалъ *Предопредѣленіе*, и работалъ надъ нимъ самъ, управляя въ тоже время всѣми другими работами.

Въ Воронежѣ бесѣда съ святымъ архипастыремъ, епископомъ Митрофаномъ, услаждала немногіе часы досуга царскаго. Благочестивый Митрофанъ душею преданъ былъ Царю; постигалъ мудрость дѣлъ его, и жертвовалъ ему деньгами, какія получалъ по своему сану; самъ же жилъ, какъ инокъ и постникъ.

Св. Митрофанъ скончался въ 1703 году. Находясь тогда въ Воронежѣ, Царь присутствовалъ при его погребеніи, несъ гробъ его самъ, вмѣстѣ съ другими. Мощи св. Митрофана обрѣтены нетлѣнными черезъ 130 лѣтъ, и просіяли чудесами.

Петръ, желая скорѣе кончить споры съ султаномъ

и обезпечить себя прочнымъ миромъ, назначилъ въ Царьградъ посла, думнаго дьяка Украинцова, для окончательныхъ переговоровъ о мирѣ, и самъ отправился въ Азовъ, куда пришли тогда по Дону новопостроенныя имъ суда. Царскій флотъ, состоявшій изъ 10 кораблей и многихъ фрегатовъ, галеръ и мелкихъ судовъ, производилъ въ Азовскомъ морѣ нѣсколько дней морскіе маневры, и потомъ сопровождалъ до Керченскаго пролива сорока-пушечный фрегатъ *Ластка*, на которомъ находился посолъ Украинцовъ, съ большою свитою и съ 200 солдатъ Преображенскаго полка.

Начальствовавшій у Керчи турецкимъ флотомъ турецкій паша, съ почестью встрѣтилъ Царя и пословъ, и отрядилъ четыре корабля провожать пословъ находившихся на фрегатѣ Ластка до Царьграда.

Съ громомъ пушечныхъ выстрѣловъ приблизился тогда въ первый разъ русскій корабль къ стѣнамъ бывшей столицы греческихъ императоровъ, черезъ семь столѣтій послѣ того времени, когда имя Руссовъ заставляло здѣсь трепетать императоровъ византійскихъ.

Поручивъ Украинцову вести переговоры съ турецкимъ султаномъ о мирѣ, Петръ возвратился въ Москву, чтобы заняться устройствомъ внутренняго благосостоянія Россіи. Здѣсь въ Декабрѣ 1699 года скончался товарищъ Лефорта, полезный сотрудникъ Петра, *Гордонъ*, посвятивъ русской службѣ около сорока лѣтъ, которые онъ провелъ въ безпрерывныхъ походахъ и трудахъ. Петръ искренно жалѣлъ своего любимца.

Вскорѣ мѣсто прежнихъ сотрудниковъ и сподвижниковъ Петра, заступили Б. П. Шереметевъ и А. Д. Меншиковъ.

Царь Петръ испытываетъ самъ въ познаніяхъ возвратившихся изъ
за границы молодыхъ дворянъ.

При содѣйствіи этихъ-то сотрудниковъ Петръ и занялся устройствомъ внутренняго благосостоянія Россіи. Онъ рѣшилъ, устроивъ государство внутри, предпринять военныя дѣйствія противъ Шведовъ. Уже въ это время проницательный Петръ обратилъ вниманіе на Балтійское море и рѣшилъ овладѣть его прибрежьями. Но для этого ему нужно было устроить Россію внутри, образовать большое и хорошее войско и вынудить миръ у Турокъ.

Преобразованія и распоряженія Петра, касательно внутренняго устройства Россіи быстро слѣдовали одно за другимъ. Незначительныя рѣчки обращались въ судоходные каналы, воздвигались крѣпости, —всюду кипѣла дѣятельность, и все являлось по слову царскому не годами, а мѣсяцами и недѣлями.

Петръ спѣшилъ,—ему надобно было спѣшить, потому что работы и труда было много, а между тѣмъ, ему предстояла задуманная имъ новая война съ могучимъ непріятелемъ, во власти котораго было Балтійское море —ближайшій путь въ Европу.

Чтобы наиболѣе усилить военныя силы Россіи, и показать примѣръ боярамъ, Петръ назначилъ въ военную службу царедворцевъ а также и состоявшихъ при его дворѣ, всю лишнюю прислугу, а нѣкоторыхъ изъ дворянъ послалъ учиться за границу, и по возвращеніи ихъ оттуда испытывалъ ихъ самъ въ познаніяхъ, пріобрѣтенныхъ ими. Лицамъ, посылаемымъ заграницу, велись особые списки, которые хранились въ кабинетѣ Государя; по возвращеніи этихъ лицъ изъ за границы, царь назначалъ наиболѣе успѣвшихъ въ

наукахъ, на разныя государственныя должности, смотря по способностямъ каждаго.

До временъ Петра Великаго, русскіе богатые бояре жили весьма роскошно; они сами, ихъ жены и дочери одѣвались въ дорогіе парчевыя, штофныя и бархатныя одежды, вышитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя драгоцѣнными камнями. Русскій боярин въ прежнія времена никогда почти не выходилъ изъ дома пѣшій; онъ выѣзжалъ въ богатой колымагѣ, и его поѣздъ медленно подвигался по улицамъ, въ сопровожденіи множества холопей и наемныхъ слугъ, въ числѣ которыхъ нерѣдко находились и бѣдные дворяне. Избѣгая царской службы, эти небогатые дворяне проживали при дворѣ богатаго боярина, который ихъ кормилъ и одѣвалъ, и назывались обыкновенно *знакомцами*. Вся обязанность этихъ знакомцевъ состояла въ томъ, чтобы въ торжественныхъ случаяхъ пѣшкомъ, съ непокрытою головою, въ нарядныхъ кафтанахъ сопровождать поѣздъ боярина. Петръ Великій старался искоренить эту безмѣрную роскошь, и самъ подавалъ примѣръ трудолюбія и бережливости. Онъ разъѣзжалъ по городу въ простой, крашеной одноколкѣ, безъ свиты, съ однимъ только *деньщикомъ* посилъ одежду изъ простаго, толстаго сукна, и прикаждомъ случаѣ повторялъ свою любимую поговорку: «кто не бережетъ денежки, тотъ самъ не стоитъ рубля.»

Отмѣняя старинные обряды, Петръ въ 1701 году издалъ указъ: «не писать и не называть уменьшительными именами, вмѣсто полнаго имени: Дмитрія не называть Митькою, Ивана Ивашкою и проч., не падать предъ Царемъ на колѣни, и зимою, когда морозно, не

снимать шляпъ и шапокъ съ головы, проходя мимо дворца, гдѣ живетъ государь». Царь Петръ говорилъ при этомъ:

— «Какое различіе между Богомъ и Царемъ, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе: колѣнопреклоненное моленіе принадлежитъ единому Творцу за тѣ благости, какими онъ насъ наградилъ: уничижать званіе, безобразить достоинство человѣческое, а въ жестокіе морозы почесть дѣлать дому моему безплодную, съ обнаженною главою, значитъ вредить здоровью своему, которое милѣе и надобнѣе мнѣ въ каждомъ подданомъ паче всякихъ безполезныхъ поклоновъ. Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству; сія-то почесть свойственна Царю».

Всѣми дѣлами и распоряженіями по военному вѣдомству завѣдывалъ до Петра «Разрядъ» или «Разрядный приказъ». Петръ для этой же цѣли учредилъ «Приказъ военныхъ дѣлъ.» подъ главнымъ вѣденіемъ дѣятельнаго сподвижника своего, князя Я. Ѳ. Долгорукова. Для розысковъ надъ государственными преступниками учрежденъ былъ «Преображенскій приказъ». Кромѣ того «Семеновскій приказъ» завѣдывалъ разными мелкими государственными сборами, а приказъ «Рудокопныхъ дѣлъ» завѣдывалъ всѣми горными промыслами въ Россіи.

Обративъ вниманіе на государственное устройство, Петръ приказалъ напечатать «Сводное Уложеніе законовъ», учредилъ училище для обученія математики и навигаціи, подъ названіемъ Навигаторскаго, и велѣлъ чеканить мѣдную монету, для обращенія въ народѣ при мелкихъ расчетахъ.

Въ 1700 году въ церковномъ управленіи послѣдовало нѣсколько весьма важныхъ перемѣнъ. Бывшій «Патріаршій разрядъ» былъ раздѣленъ на два отдѣльные приказа: «Патріаршій-духовный» и Монастырскій».

До Петра Великаго многіе монастыри владѣли огромными помѣстьями и вотчинами, тогда какъ другіе, небогатые монастыри поддерживались только денежными вспоможеніями отъ казны. Петръ Великій, особымъ указомъ, обратилъ всѣ доходы съ монастырскихъ имѣній въ государственную казну, а монахамъ, въ замѣнъ того, назначилъ ежегодное жалованье: по 10 рублей денегъ, и по 10 четвертей хлѣба, каждому монаху. Въ тоже время, узнавъ что въ монастыряхъ нерѣдко скрывались люди праздные, уклонявшіеся отъ царской службы, Петръ Великій постановилъ строгія правила, касательно постриженія въ иноки, повелѣлъ оставить въ монастыряхъ только самое малое число служекъ, всѣхъ же лишнихъ исключить, и строго запретилъ міранамъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, проживать въ монастыряхъ.

Тогда же Царь уничтожилъ званія бояръ, окольничихъ, стольниковъ, думныхъ дворянъ, и замѣнилъ ихъ новыми названіями и отличіями.

Для награды заслугъ, по примѣру другихъ государствъ, вмѣсто медалей и награжденій кафтанами и кубками, Царь учредилъ первый въ Россіи *орденъ Св. Апостола Андрея.*

Число регулярныхъ полковъ было увеличено. Чтобы основать правильное и постоянное русское войско, Царь опредѣлилъ набирать людей въ военную службу изъ крестьянъ помѣщичьихъ, духовныхъ и казенныхъ.

Всему новому войску Царь назначилъ одинаковую форму платья или мундировъ: у пѣшихъ они были зеленые, у конныхъ синіе, съ красными отворотами и обшлагами. Всѣ помѣщики обязаны были поступать въ военную службу, и должны были служить всю жизнь, пока силы и здоровье позволяютъ.

Тогда же Царь приказалъ, чтобы, по примѣру всѣхъ другихъ христіанскихъ государствъ, считать годы не отъ сотворенія мира, но отъ Рождества Христова, и съ окончаніемъ XVII-го столѣтія, начинать годъ съ 1-го Января.

Петръ Великій заботился также о распространеніи народной промышленности, объ устройствѣ фабрикъ и заводовъ: суконныхъ, оружейныхъ, парусныхъ, и другихъ. Государь искренно радовался первымъ успѣхамъ русской фабричной промышленности. Въ 1705 году Петръ Великій писалъ къ Меньшикову: «сукна уже дѣлаютъ и умножается сіе дѣло зѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный.

Такъ-то, преобразованія Петра коснулись всѣхъ частей государственнаго состава, и всей жизни Русскаго народа, какъ общественной, такъ и частной—семейной. Но среди всеобщаго перестроя, неприкосновенными остались *Православная Вѣра*, *народность*, *и Русскій языкъ*. Цѣль Петра была не уничтожить, но возвысить, облагородить все Русское, и, отбросивъ только все гурбое, азіатское, образовать Россію по образцу Европейскому.

VIII.

Первые успѣхи Петра въ войнѣ съ Шведами.

Замыселъ Петра отвоевать у Шведовъ старинныя Русскія земли и овладѣть Балтійскимъ моремъ. — Заключеніе мира съ Турками и начало войны съ Шведами.—Неудача подъ Нарвою. — Мѣры къ огражденію границъ Россіи.—Недостатокъ въ оружіи и въ деньгахъ. — Великая услуга князя Ромодановскаго. — Нападеніе Шведовъ на Архангельскъ и подвигъ Рябова и Горожанина.—Дѣйствія Шереметева противъ Шведовъ и побѣды при Эрестферѣ. — Завоеваніе Лифляндіи. — Замѣчательный переходъ Петра по льдамъ Кемегямы и Повѣнецкимъ.— Осада и взятіе Нотебурга.

Для наилучшаго сближенія съ Европою Царь Петръ Алексѣевичъ признавалъ необходимымъ отвоевать отъ Шведовъ захваченныя ими у Россіи земли по берегамъ Финскаго Залива, завоеванныя Великимъ Княземъ Александромъ Невскимъ и извѣстныя тогда подъ общимъ названіемъ Ингріи (нынѣ С.-Петербургская губерн.). Съ возвращеніемъ Ингріи, Царь надѣялся утвердиться въ ней и пользоваться Балтійскимъ моремъ, какъ самымъ удобнымъ и ближайшимъ въ то время путемъ въ Европу. Царь Петръ Алексѣевичъ дѣятельно сталъ готовиться къ войнѣ съ Швеціею и, для вѣрнѣйшаго успѣха ея, вступилъ въ союзъ съ Даніею и Польшею; но до начала войны Петръ желалъ сперва обезопасить Россію со стороны Турціи и потому съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія дьяка Украинцова, посланнаго въ Турцію, для переговоровъ.

Среди преобразованій и занятій, внутри государства, Царь велъ переговоры съ Даніею, Польшею и Пруссіею о войнѣ противъ Шведовъ, объявилъ шведскимъ посламъ о желаніи своемъ, чтобы шведы уступили ему

Нарву, или крѣпость въ устьѣ Невы и обпадежили русскихъ въ свободной торговлѣ по Балтійскому морю, а послѣ того Царь отправился въ Воронежъ, гдѣ къ великой радости своей получилъ отъ Украинцова достовѣрное извѣстіе изъ Царьграда о заключенномъ съ турками мирѣ.

Августа 14-го, Петръ праздновалъ въ Москвѣ заключеніе этого мира а 19-го августа, торжественнымъ чтеніемъ манифеста царскаго въ Успенскомъ соборѣ, объявлена война шведскому королю.

Въ это время на шведскій престолъ вступилъ юный король Карлъ XII. Рано развились его тѣлесныя силы, при занятіяхъ трудныхъ и страстной охотѣ къ военному искусству. Первою забавою его были: охота за медвѣдями, верховая ѣзда, обученіе солдатъ. Часто одинъ, съ рогатиною и ножемъ, онъ пускался на дикаго медвѣдя, чтобы добыть его живаго.

Суровой и угрюмый, Карлъ XII не терпѣлъ пышности, не любилъ великолѣпія. Скудный обѣдъ, короткій сонъ, грубую солдатскую одежду, житье подъ патромъ, перенесеніе голода и всевозможныхъ трудовъ, съ ранней юности, были его правилами жизни. Опасности казались ему утѣхою, трудности — наслажденіемъ.

При этомъ жажда славы была его безпрерывною мечтою. Никогда не отмѣнялъ онъ своего слова. Чтобы достигнуть предположеннаго имъ, онъ не щадилъ ничего; таково было его неизмѣнное правило.

Восемнадцать лѣтъ едва только исполнилось Карлу XII-му, а уже все окрестъ него трепетало его воли, войско любило его, народъ обожалъ своего властителя.

Никогда Швеція не являлась столь опасною Россіи;

никогда прежде она не была столь сильна и могущественна! Населенная народомъ крѣпкимъ, мужественнымъ, умѣреннымъ въ жизни и вполнѣ преданнымъ отечеству, она имѣла сильный флотъ и 60,000 готоваго, испытаннаго въ бояхъ, войска; но, въ случаѣ надобности, при первомъ призывѣ Короля, Швеція могла поставить вдвое больше. Съ такимъ-то сильнымъ противникомъ Петръ вступалъ въ борьбу.

Когда въ Москвѣ только еще недоумѣвали будетъ ли война съ Швеціею?—эта грозная война уже началась. Датчане первые взялись за оружіе противъ Шведовъ и вошли въ Голштинію, а король польскій Августъ, съ саксонцами, вступилъ въ Лифляндію. Въ тоже время и русскій Царь выступилъ изъ Москвы съ тремя полками, Преображенскимъ, Семеновскимъ и Бутырскимъ, направивъ путь свой къ Новгороду.

Карлъ XII былъ весьма доволенъ вѣстью о войнѣ, съ Даніей, и велѣлъ немедленно готовиться войску къ выступленію. Вскорѣ и польскій король объявилъ войну Карлу XII-му. Не смотря на то, король шведскій былъ увѣренъ, что онъ восторжествуетъ надъ врагами, но совѣтники короля опасались и на предложеніе ихъ войти въ переговоры, мириться и уступить, Карлъ XII отвѣтилъ имъ:

— Никогда! Беру мечъ мой, и не положу его, пока не заставлю всѣхъ враговъ моихъ просить у меня мира!

Ему представляли, что у него нѣтъ союзниковъ.

— Богъ, мечь мой и любовь народа—мои союзники! отвѣчалъ онъ. Я иду самъ въ Данію, разобью сперва датчанъ, потомъ пойду на поляковъ и русскихъ, и

пока я буду бить однихъ, другіе ничего не успѣютъ сдѣлать!

Собравъ поспѣшно 20,000 войска, онъ принялъ надъ нимъ главное начальство и перевезъ его на 42 корабляхъ прямо къ берегамъ Даніи.

Между тѣмъ, русскія войска вступили въ шведскіе предѣлы и, занявъ небольшіе города Ямъ, Сыренскъ и Копорье, приблизились къ Нарвѣ.

Число всего русскаго войска подъ Нарвою простиралось до 40,000, въ томъ числѣ было 10,000 конницы и до 30,000 пѣхоты; конницу почти всю составляли казаки и нерегулярныя войска.

Октября 20-го началась осада Нарвы. Въ продолженіе двухъ недѣль русскіе обстрѣливали эту крѣпость изъ 80 пушекъ, но привсемъ томъ, первыя военныя дѣйствія противъ Шведовъ не были удачны: Русскія войска подъ Нарвою потерпѣли значительно пораженіе, 19-го ноября 1700 г. Потери Русскихъ были огромны. Они лишились: всей артиллеріи, состоявшей изъ 145 пушекъ и 28 мортиръ; также 153 знаменъ и всего обоза, лагеря, всѣхъ генераловъ взятыхъ въ плѣнъ, кромѣ Шереметева, и отосланныхъ въ Швецію, большой части полковниковъ и другихъ офицеровъ, а также до 7000 ч. рядовыхъ, убитыхъ, утонувшихъ или погибшихъ отъ стужи и голода, при отступленіи. Русскіе послѣ того весьма пріупыли, упали духомъ и простой народъ, приписывая пораженіе чародѣйству Шведовъ, съ безпокойствомъ ждалъ новыхъ бѣдствій.

Среди общаго уныпія, неунывалъ въ Россіи одинъ только великій человѣкъ—Царь Петръ. Онъ съ необы-

кновенною твердостью духа выслушалъ извѣстіе о пораженіи и сказалъ: «Какое удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такимъ неискуснымъ сыскать викторію? (побѣду). Или единымъ словомъ сказать, все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. . Я знаю, что Шведы могутъ еще разъ—другой побить насъ, но наконецъ и мы научимся ихъ побѣждать». –Твердость духа и увѣренность Царя, воскресили упавшій духъ войска и народа.

Первою заботою Царя, послѣ неудачи подъ Нарвою, было защитить границы Россіи отъ внезапныхъ вторженій непріятеля зимою. Съ этою цѣлью до 23 тысячъ войска было выставлено у Пскова, а нѣсколько новонабранныхъ полковъ оставлены были для обороны Новгорода со стороны Ингріи и Эстляндіи. Для охраненія границъ со стороны Лифляндіи выставлены были у монастыря Печоры казаки; въ городахъ: Лугѣ, Гдовѣ и Ладогѣ также стояли сильные гарнизоны.

Вскорѣ однако-жъ Царь сообразилъ и убѣдился, что для непріятеля походъ въ Россію зимою, съ малымъ войскомъ, былъ бы не возможенъ. Узнавъ кромѣ того, что шведы выступили изъ Нарвы съ королемъ своимъ, и остановились зимовать въ Дерптѣ, Царь, совершенно успокоенный, поспѣшилъ въ Москву, гдѣ явился смѣлымъ и бодрымъ среди унылыхъ царедворцевъ и бояръ.

Цѣлая зима оставалась ему на изготовленіе новыхъ средствъ защиты, и — русскіе увѣренные въ своемъ Царѣ ожили, дѣятельность удвоилась, тысячи рукъ работали, новые полки набирались и учились. Душевно

радовался Царь, видя какъ его распоряженія быстро и успѣшно приводятся въ исполненіе.

Одно только затрудняло Петра: въ Нарвскомъ пораженіи войска потеряли всю артиллерію, а для приготовленія новыхъ пушекъ не доставало у него мѣди.

Забота Царя сдѣлалась извѣстна народу. Однажды сидѣлъ Петръ въ адмиралтействѣ угрюмый, и думалъ свою крѣпкую думушку. Адмиралы, бояре, корабельные мастера молча занимались своимъ дѣломъ, боясь чѣмъ нибудь потревожить Царя. Вдругъ, въ это время, подошелъ къ Царю какой-то литейщикъ - матросъ, и сказалъ, что мѣдь онъ можетъ ему доставить.

Изумленный Царь посмотрѣлъ на него сурово и велѣлъ ему объясниться.

— Прикажи, Государь, сперва дать водки— съ похмѣлья смертно голова болитъ! отвѣчалъ умный пьяница; а какъ опохмѣлился онъ, то указалъ Царю на множество колоколовъ въ Москвѣ и по городамъ. —Возьми ихъ и перелей въ пушки, говорилъ онъ, а когда, Господь дастъ, побѣдишь ты врага, такъ изъ его пушекъ можешь надѣлать колоколовъ вдвое больше.

- «Камень, его же не брегоша зиждущій, той бысть во главу угла», отвѣчалъ Петръ, мгновенно повеселѣвъ; и какъ это мнѣ самому не пришло на мысль!»

Петръ обнялъ и поцѣловалъ матроса. «Спасибо; чѣмъ наградить тебя?»

— А ничѣмъ, Государь! гляди свѣтло, да не кручинься вотъ вся наша награда, твоихъ подданныхъ.

Но для продолженія войны нужны были и деньги, а ихъ въ казнѣ также небыло. Въ такой крайности Петръ намѣренъ былъ уже заимствовать изъ сокровищъ

монастырей, и размышляя объ этомъ, Петръ не велѣлъ никого впускать къ себѣ. Князь Ромадановскій, котораго Государь любилъ больше всѣхъ, узнавъ о заботѣ Государя, отважился идти къ нему, чтобы разсѣять его задумчивость и посовѣтоваться съ нимъ, какимъ-бы способомъ помочь великому горю Царя. Часовой, стоявшій у дверей чертоговъ царскихъ, зная какимъ довѣріемъ и любовію пользовался у Государя князь Ромадановскій, не смѣлъ остановить его и пропустилъ къ Государю. Князь Ромадановскій войдя въ комнату, увидѣлъ Государя, ходящаго изъ одного конца въ другой; князь остановился смотря на Государя, но Государь не замѣчалъ его. Тогда князь рѣшился идти къ нему на встрѣчу, и столкнулся съ нимъ. Государь, удивившись приходу князя, взглянулъ на него сурово и сказалъ:

— «Какъ ты, дядя, (такъ Государь называлъ иногда князя) вошелъ сюда? Развѣ часовой не объявилъ тебѣ, что никого не велѣлъ я пускать къ себѣ?»

— Другихъ, можетъ-быть, а не меня, отвѣчалъ Ромадановскій. Меня и родитель твой Царь Алексѣй Михайловичъ безъ доклада къ себѣ пускалъ; вѣдомо тѣбѣ, что при кончинѣ своей онъ мнѣ ввѣрилъ тебя: —кто-жъ въ невзгодѣ печься будетъ о тебѣ, какъ не я? Полно крушиться, скажи, о чемъ цѣлыя сутки думаешь? Царь, отецъ твой, и Царица, мать твоя, наказывали совѣта моего слушать. Размыкивать горе подобаетъ вмѣстѣ, а не одному!

— «Полно дядя, пустое молоть, сказалъ Государь; какой совѣтъ, когда въ казнѣ денегъ нѣтъ, когда

войско ничемъ не снабжено и артиллеріи нѣтъ, а это нужно немедленно».

Сказавъ это, Государь снова началъ ходить по комнатѣ и предался размышленіямъ.

Князь Ромадановскій, видя заботу Царя, снова остановилъ его и сказалъ сердито:

— Долгая дума, большая скорбь, полно крушиться, открой думу свою, какой къ тому находишь способъ, авось либо вѣрный твой слуга промыслитъ полезное.

Царь Петръ зная преданность Ромадановскаго, сказалъ ему:

— «Чтобы имѣть артиллерію, для которой нѣтъ мѣди, думаю я по необходимости взять лишніе колокола; переливъ ихъ въ пушки, загремлю ими противъ шведовъ полезнымъ отечеству звукомъ. Объ этомъ дано уже распоряженіе—ты знаешь».

— Добро мнишь, Петръ Алексѣевичъ, а о деньгахъ какъ-же?

— «Такъ, чтобъ въ монастыряхъ и церквахъ хранящееся сокровище въ золотѣ и серебрѣ позаимствовать и патиснить изъ него денегъ».

— На сіе нѣтъ моего совѣта; народъ и духовенство станутъ роптать и почтутъ грабежемъ святыни.

— «О народѣ я такъ не мню, для того, что я не разоряю налогами подданныхъ, и защищаю отечество отъ врага; а прочимъ зажму ротъ болтать, лучше пожертвовать суетнымъ богатствомъ, нежели подвергнуться игу иноплеменниковъ».

— Не всѣ такъ здраво думаютъ, Петръ Алексѣевичъ, сіе дѣло щекотно, должно придумать иное.

— «Вѣдь деньги, дядя, съ неба не упадутъ, какъ

машна, а безъ нихъ войско съ холоду и голоду умретъ! Теперь инова средства нѣтъ».

— А я такъ знаю, что есть и что Богъ тебѣ пошлетъ; только, сколько надобно?

— «На первый случай около двухъ милліоновъ рублей, пока не получу больше».

— Не можно ли поменьше, сказалъ Ромадановскій, такъ я тебѣ промыслю.

— Государь, услыхавъ такой отвѣтъ князя, сразу повеселѣлъ и началъ убѣждать Ромадановскаго, чтобъ онъ скорѣе открылъ ему свою тайну, потому что зналъ, что князь лгать не любилъ.

— Не скажу, а услужу, успокойся, довольно того, что я помощь государству въ такой крайности учинить долженъ.

Когда наступила ночь, князь Ромадановскій хотѣлъ было уѣхать отъ Государя; но Государь обнявъ его, убѣждалъ открыть ему тайну, сказать, когда онъ получитъ деньги и не опускалъ его отъ себя.

Князь, видя, что ему никакъ отдѣлаться не возможно, сказалъ государю:

— Жаль мнѣ тебя, Петръ Алексѣевичъ, быть такъ, поѣдемъ теперь, но не бери съ собою никого.

Обрадованный Государь тотчасъ поѣхалъ съ нимъ изъ Преображенска въ Кремль; прибыли они въ Тайный Приказъ, надъ которымъ князь Ромадановскій былъ поставленъ начальникомъ, и вошли въ присутственную палату, въ которой никого кромѣ сторожа не было. Князь приказалъ сторожу отодвинуть стоявшій у стѣны шкапъ, въ которомъ находились книги Приказа. Дряхлый и престарѣлый сторожъ усиливался но напрасно.

Государь, замѣтя это, сталъ помогать ему, и когда шкапъ былъ отодвинутъ, показались желѣзныя двери. Государь удивился тому. Ромадановскій, подойдя къ двери, осмотрѣлъ висящую восковую печать, сличилъ ее съ перстнемъ, который былъ на его рукѣ и которымъ входъ былъ запечатанъ; при этомъ Государь держалъ свѣчу и свѣтилъ князю. Ромадановскій, вынулъ изъ кармана ключъ, и началъ отпирать онымъ дверь, но дверь не отпиралась, потому что замокъ заржавѣлъ. (Лѣтъ двадцать дверь эта не отпиралась и никто не зналъ о существованіи этой двери кромѣ сторожа, который полагалъ, что въ комнатѣ за дверями хранятся дѣла Приказа). Государь пытался самъ отворить дверь, но не могъ; почему послалъ сторожа отыскать и принести ломъ или топоръ. Когда принесенъ былъ ломъ, Государь самъ отшибъ имъ дверь. При входѣ въ первую палату, которая была со сводомъ, къ несказанному удивленію Государя, онъ увидѣлъ наваленныя груды серебряной и позолоченной посуды и сбруи, мелкихъ серебряныхъ денегъ и голландскихъ ефимковъ, которыми торговцы чужестранные платили таможенный сборъ, и на которыхъ въ срединѣ находилось начеканенное московское клеймо для того, чтобы они имѣли обращеніе въ Россіи вмѣсто серебряныхъ рублей: кромѣ того Государь увидѣлъ множество соболей, прочей мягкой рухляди, бархатовъ и шелковыхъ матерій.

«Дядя, вѣдь это все сгнило! сказалъ Государь, пожимая плечами».

— Да не пропало, отвѣчалъ князь.

Петръ I-й хотѣлъ идти и въ другую палату, чтобы

поосмотрѣть, что тамъ находится, но князь преградивъ ему путь, сказалъ:

— Петръ Алексѣевичъ! довольно съ тебя теперь и этого; будетъ время, такъ отдамъ и остальное. Возьми это, и не трогая монастырскаго, вели паковать себѣ денегъ.

Государь разцѣловалъ почтеннаго и вѣрнаго старика, благодарилъ за сохраненіе сокровища и спрашивалъ: какимъ образомъ безъ свѣдѣнія братей и сестры его Софіи, сохранились по сію пору эти сокровища?

— Вотъ видишь-ли, Петръ Алексѣевичъ, отвѣчалъ Ромадановскій, когда родитель твой Царь Алексѣй Михайловичъ въ разныя времена отъѣзжалъ въ походы, то, по довѣренности ко мнѣ, лишнія деньги и сокровища отдавалъ на сохраненіе мнѣ. При концѣ жизни своей, призвавъ меня къ себѣ, завѣщалъ, чтобъ я никому сего изъ наслѣдниковъ не отдавалъ до тѣхъ поръ, развѣ воспослѣдуетъ въ деньгахъ при войнѣ крайняя нужда. Сіе его повелѣніе наблюдая свято и видя нынѣ твою нужду, вручаю столько, сколько тебѣ надобно, а впредь все твое.

— «Зѣло благодаренъ тебѣ, дядя! Я вѣрности твоей никогда не забуду».

Такъ князь Ромадановскій выручилъ отечество въ тяжкую годину его. Начеканенными изъ серебряной посуды деньгами можно было снабдить войска на весьма продолжительное время, и Петръ смѣло велъ войну съ шведами. Изъ колоколовъ снятыхъ съ церквей и монастырей отлиты были въ теченіи зимы 243 пушки, 12. мортиръ и 13 гоубицъ, которые и были отправлены въ Новгородъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, приготовляясь

съ такою дѣятельностію къ продолженію войны, не уклонялся отъ примиренія съ Шведами, на выгодныхъ для Россіи условіяхъ, но Шведскій король, Карлъ XII, гордый своими побѣдами, не хотѣлъ и слышать о примиреніи. Онъ полагалъ возможнымъ уничтожить своихъ противниковъ и предписать имъ унизительныя для нихъ условія мира. Карлъ XII-й оставилъ въ Ингріи отряды подъ предводительствомъ Кроніорта и Шлиппенбаха (числомъ не много болѣе 8,000 челов.) для охраненія только границъ, а самъ обратился со всѣми своими силами противъ польскаго короля Августа II, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ лишить его польскаго престола.

Пока Карлъ XII-й воевалъ съ польскимъ королемъ, Царь Петръ Алексѣевичъ, пользуясь тѣмъ временемъ, готовился къ защитѣ Россіи, отраженію воинственнаго шведскаго короля. Укрѣпляя города Новгородъ, Псковъ, монастырь Печоры, умножая безпрерывно войска новыми наборами, Царь подвигалъ къ военной границѣ многочисленныя толпы разноплеменныхъ обитателей Россіи: Татаръ, Калмыковъ, Башкирцовъ. Петръ самъ надзиралъ за всѣмъ, быстро переносился онъ изъ края въ край своего государства, внезапно являлся въ Новгородѣ, Псковѣ, Печорахъ, въ Москвѣ, въ Воронежѣ, въ Архангельскѣ,—появлялся вездѣ гдѣ только было необходимо его присутствіе. Его дѣятельность была изумительна.

Между тѣмъ, лѣтомъ 1701 года, шведы съ семью кораблями сдѣлали нападеніе на Архангельскъ. Захвативъ русскаго рыбака Ивана Рябкова и мѣщанина Дмитрія Горожанина, они заставили указать имъ путь среди опасныхъ Двинскихъ мелей; но Рябовъ и Горожанинъ, жертвуя жизнью, посадили шведскія суда на

мель. Горожанинъ былъ убитъ, а Рябовъ, раненый шведами, успѣлъ спастись; бросившись въ воду, онъ благополучно достигъ берега и во время увѣдомилъ войска о нападеніи шведовъ.

Русскія войска тотчасъ же, сѣвъ на мелкія суда: на ботахъ и шлюпкахъ, окружили шведовъ, и отбили у нихъ два фрегата. Остальныя суда непріятельскія едва спаслись бѣгствомъ.

Эта побѣда еще болѣе оживила духъ русскаго войска, и съ того времени, оно уже смѣло шло на непріятелей, получивъ большую увѣренность къ своимъ силамъ и къ своему искусству.

Въ то-же время фельдмаршалъ Шереметевъ распоряжался всѣми военными дѣйствіями и съ величайшимъ искуствомъ выполнялъ мудрыя предначертанія Петра Великаго. Шереметевъ избѣгалъ большихъ сраженій, не нападалъ на значительные города и крѣпости, а велъ лишь малую войну противъ Шведовъ въ Ингерманландіи и Лифляндіи. Не подвергая своего, еще неопытнаго войска опасности понесть пораженіе, онъ пріучалъ его къ бою постепенно, въ частныхъ поискахъ противъ непріятеля. Такіе набѣги оканчивались по большей части весьма успѣшно, поддерживали бодрость въ Русскихъ войскахъ, и утомляя непріятеля, наносили ему значительный вредъ. Такъ 1701 года 30-го декабря, Шереметьевъ съ 8-ми-тысячнымъ кавалерійскимъ отрядомъ потревожилъ генерала Шлиппенбаха на зимнихъ его квартирахъ, у селенія Эррестфера (въ 7 миляхъ отъ Дерпта), принудилъ вступить въ сраженіе и разбилъ его; причемъ Шлиппенбахъ потерялъ почти половину своего 8-ми тысячнаго корпуса. Эта первая значительная побѣда

Русскихъ чрезвычайно обрадовала Петра, сознававшаго всю ея важность для Русскаго войска въ нравственномъ отношеніи. «Слава Богу,» воскликнулъ Петръ, «мы уже до того дошли, что Шведовъ побѣждать можемъ.» Всѣ офицеры получили за эту побѣду золотыя медали, солдаты по серебряному рублю, а Шереметевъ знаки Ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Лѣтомъ слѣдующаго (1702 г.) года фельдмаршалъ Шереметевъ съ неменьшимъ успѣхомъ производилъ свои поиски противъ Шлиппенбаха въ Лифляндіи и (18 іюля 1702 г.) одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду при Гуммельсгофѣ. Шведская пѣхота, окруженная многочисленными отрядами Русскихъ, почти вся пала въ битвѣ и Шлиппенбахъ только съ слабыми остатками конницы успѣлъ укрыться въ стѣнахъ крѣпости Перпова. Вслѣдъ затѣмъ, кромѣ многихъ замковъ и мѣстечекъ, взяты были Русскими города: Вольмаръ и Маріенбургъ.

Послѣ пораженія Шлиппенбаха, Шведскіе отряды уже не смѣли показываться въ полѣ, и вся Лифляндія осталась во власти Русскихъ.

Эти успѣхи Русскихъ въ Лифляндіи показали Петру, что его армія уже пріобрѣла нѣкоторую опытность въ войнѣ и что съ такою арміею можно уже отважиться на значительную битву съ врагомъ. Время и обстоятельства благопріятствовали намѣреніямъ Государя: Шведскіе отряды въ Ингріи и Лифляндіи были почти уничтожены; Карлъ XII-ый, преслѣдуя Польскаго короля, самонадѣянный, не считалъ опаснымъ для себя Русскаго Царя; Царь же Петръ Алексѣевичъ, осторожный и внимательный ко всему, не теряя *сего Богомъ дарованнаго*

(какъ писалъ онъ изъ Архангельска) *времени*, рѣшился воспользоваться оплошностію Карла XII, и оружіемъ утвердиться при Финскомъ заливѣ.

Это было лѣтомъ (1702 г.); царь находился въ Архангельскѣ, куда онъ отправился получивъ извѣстіе о намѣреніи Шведовъ идти въ Бѣлое море, осадить приморской городъ Архангельскъ и уничтожить только что зарождавшуюся морскую въ немъ торговлю Русскихъ. Петръ дѣятельно готовился къ отраженію Шведовъ, самъ работалъ на верфи (въ Соломбалѣ) и что ни день, то спускалъ съ нея новыя суда.

Когда слухи о нападеніи Шведовъ оказались ложными, то Петръ, чтобы обезопасить на будущее время сѣверныя границы Россіи съ моря отъ Шведовъ, поспѣшно заложилъ крѣпость, извѣстную подъ именемъ Новодвинской, при себѣ довершилъ укрѣпленія и воздвигъ среди ихъ церковь, которая въ тоже лѣто и освящена была въ его присутствіи.

Исполнивъ это важное дѣло, Петръ поспѣшилъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій, въ Ингрію; онъ поѣхалъ не на Москву, а предпринялъ небывалый, чисто сказочный походъ чрезъ непроходимые, дѣвственные лѣса Кемскіе и Повѣнецкіе (въ Олонецкомъ краѣ), съ четырехтысячнымъ войскомъ и двумя яхтами, которыя приходилось перетаскивать по сухому пути народомъ и солдатами. Сержанту Преображенскаго полка Щепотеву приказано было съ преображенцами рубить просѣку, и работа закипѣла. Вершины вѣковыхъ сосенъ и елей первобытнаго лѣса валились подъ ударами топоровъ преображенцовъ и крестьянъ, помогавшихъ имъ; хвой, ловно инеемъ засыпалъ работниковъ. По предъ желѣз-

ною волею Петра какъ-бы трепетала сама природа, и первобытный лѣсъ раздвинулся: 170 верстъ просѣки доселѣ свидѣтельствуютъ о необыкновенной волѣ царя-работника. Дорога по просѣкѣ стлалась какъ бы сама собою для перехода царя съ войскомъ и судами; толпы народа съ пѣснями тащили за нимъ двѣ яхты: одну, за годъ передъ тѣмъ отнятую у Шведовъ, а другую, подаренную ему англійскимъ королемъ, въ бытность Государя въ Лондонѣ. Для роздыха устраивались деревянныя палатки въ видѣ сараевъ. Въ походѣ самъ царь помогалъ рабочимъ. Такъ, когда имъ трудно было вытащить одну яхту на берегъ, Петръ ухватился за канатъ и звучнымъ голосомъ сталъ подтягивать пѣсню. Яхта при громкихъ крикахъ ура вскорѣ очутилась на берегу.

Отъ береговъ Бѣлаго моря до мѣста нынѣшняго Повенца, Петръ прошелъ съ войскомъ днемъ и ночью въ 10 сутокъ. 5-го сентября Царь былъ уже въ Александровской Свирской пристани, а черезъ десять дней соединился съ главными силами Русскихъ войскъ въ Ингріи, куда онѣ собраны были изъ Пскова и Новгорода для похода противъ Шведовъ.

Цѣлью похода была крѣпость Нотебургъ или Орѣшекъ, лежащая на островѣ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго Озера. 27 сентября, на лѣвомъ берегу Невы, предъ Нотебургомъ раскинулся Русскій лагерь. По недостатку въ лошадяхъ, воины тянули артиллерію на себѣ. Чтобы заградить Шведамъ путь въ крѣпость Нотебургъ съ моря по Невѣ, Петръ приказалъ перетащить изъ Ладожскаго озера въ Неву, чрезъ лѣса и болота, 50 судовъ. Непріятельскій редутъ, находившійся

Взятіе Петромъ Нотебурга.
(11-го октября 1702 года).

на противоположномъ берегу Невы, былъ взятъ безъ затрудненія нѣсколькими сотнями гвардейцевъ и крѣпость обложена со всѣхъ сторонъ. Петръ, въ качествѣ бомбардиръ-капитана Преображенскаго полка, самъ дѣйствовалъ на батареяхъ и, съ 1 октября, открылъ сильный огонь по крѣпости, которая два дня выдерживала сильную осаду и комендантъ ея не сдавался.

На третій день къ Царю, когда онъ, въ качествѣ капитана, былъ на батареяхъ, явился барабанщикъ съ письмомъ къ фельдмаршалу отъ комендантши, которая именемъ всѣхъ дамъ, находившихся въ крѣпости, просила дозволенія оставить осажденный городъ. Царь-капитанъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ надобности доносить о просьбѣ дамъ фельдмаршалу, но знаетъ навѣрное, что фельдмаршалъ не захочетъ опечалить дамъ разлукою съ ихъ супругами, и если имъ будетъ угодно выѣхать, такъ благоволили бы взять съ собою и своихъ любезныхъ супруговъ.

Такой отвѣтъ не понравился осажденнымъ, и они продолжали защищаться съ великимъ упорствомъ. Но укрѣпленія ихъ мало по малу были разрушены, въ стѣнахъ были сдѣланы проломы (бреши) и Петръ вызвалъ охотниковъ на приступъ. Утромъ, 11 окт., подполковникъ князь Михаило Голицынъ, съ храбрѣйшими изъ двухъ полковъ гвардіи, переправился на островъ и приступили къ крѣпости. Къ несчастію, штурмовыя лѣстницы оказались недостаточной длины и Русскій отрядъ, находясь, въ продолженіи 24 часовъ, подъ самыми стѣнами, поражаемый сверху картечью, гранатами и камнями, подвергался очевидной опасности совершеннаго истребленія. Петръ, видя это, далъ уже приказаніе

отступить, но таже гибель предстояла имъ и при отступленіи. «Скажи Государю, отвѣчалъ храбрый Голицынъ посланному, «что теперь я принадлежу не ему а Богу» и, приказавъ оттолкнуть лодки отъ берега, Голицынъ бросился съ отрядомъ своимъ на крѣпостную стѣну. Изумленные столь отчаяннымъ мужествомъ Русскихъ, осажденные оробѣли и, послѣ незначительнаго сопротивленія, 450 человѣкъ гарнизона положили оружіе, причемъ взято было пушекъ и мортиръ до 150, и огромное количество воинскихъ припасовъ. Потери Русскихъ тоже были значительны; убиты и отъ ранъ померли 2 маіора, 23 офицера, 484 сержантовъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; ранено 22 офицера и 913 чел. нижнихъ чиновъ.

Петръ, 4 октября, войдя съ своими войсками въ крѣпость, назвалъ ее Шлюссель-бургомъ, т. е. Ключемъ городомъ, въ томъ убѣжденіи, что крѣпость эта должна открыть для Русскихъ путь къ Балтійскому морю. Петръ былъ въ восторгѣ и писалъ къ Виніусу, надзирателю артиллеріи, бывшему тогда въ Сибири: «Правда, что зѣло жестокъ сей Орѣхъ былъ, однакожъ слава Богу счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудно дѣло свое исправляла». Бомбардиръ-поручикъ Меньшиковъ былъ назначенъ Шлюссельбургскимъ губернаторомъ, войско отправлено на зимнія квартиры во Псковъ и Ладогу, а Царь отправился въ Москву и 6 декабря, вступивъ торжественно въ нее, проходилъ тремя тріумфальными воротами. Столь же торжественно праздновалъ Царь свою побѣду надъ Шведами и взятіе Нотебурга, такъ какъ взятіемъ Нотебурга положено было прочное начало утвержденію русской власти въ Ингріи,

а также и Шведы убѣдились, что они имѣютъ дѣло съ противникомъ сильнымъ и уже опытнымъ.

IX.

Основаніе Петербурга.

Завоеваніе Ніеншанца.—Основаніе Петербурга.—Построеніе крѣпости (Петропавловской).—Сооруженіе крѣпости Кронштота близъ острова Котлина.—Взятіе Дерпта и Нарвы и утвержденіе власти на берегахъ Балтійскаго моря.—Сооруженіе флота и верфи въ Петербургѣ.—Успѣхъ войны Петра съ Шведами съ 1705 по 1709 г.—Человѣколюбіе Петра.

Послѣ взятія крѣпости Нотебурга царь Петръ Алексѣевичъ, довольный побѣдами своими надъ Шведскимъ королемъ Карломъ XII-мъ, сталъ дѣйствовать еще болѣе рѣшительно. Въ апрѣлѣ (1703 г.) онъ двинулъ войска свои отъ Нотебургской крѣпости по правому берегу Невы. Войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, шли лѣсами большими и малыми, и завидѣли, при устьѣ Охты въ Неву, маленькій земляной городокъ, занимавшій не болѣе десятины земли: то были Канцы или Ніеншанцъ, сторожившій устье Невы. Противъ городка за Охтою былъ расположенъ посадъ изъ 400 деревянныхъ домиковъ.

Русскія войска 24 апрѣля, не доходя до земляного городка, заняли мѣсто и къ вечеру пресѣкли непріятелю всякое сообщеніе съ окрестностью. На слѣдующій день пріѣхалъ къ войску бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ, т. е. самъ царь, и тотчасъ же отправился въ сопровожденіи 60-ти лодокъ осмотрѣть Невское устье. Проѣзжая мимо Ніеншанца, царь замѣтилъ, что «эта

крѣпость больше чѣмъ сказывали, однако не будетъ съ Шлиссельбургъ. Про новый валъ говорили, что онъ низокъ, а онъ выше самаго города и выведенъ изрядною фортификаціею. Стрѣльба зѣло рѣдка».

Съ 28-го по 30-е апрѣля прошло въ приготовленіяхъ къ осадѣ; наконецъ 30-го апрѣля, когда на предложеніе царя сдать крѣпость Ніеншанцъ, Шведы отвѣчали отказомъ, тогда вечеромъ этого-же дня открыта была бомбардировка изъ всѣхъ орудій, которая и длилась всю ночь, безпрерывно. 1-го мая на разсвѣтѣ, перепуганные Шведы выставили на валу крѣпости бѣлое знамя; тогда пальба была тотчасъ же прекращена и крѣпость сдалась Русскимъ. Царь съ Преображенцами вошелъ въ крѣпость и наименовалъ ее Шлотбургъ, а на другой день, 2-го мая, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ за овладѣніе крѣпостью.

Вечеромъ этого дня караульные донесли, что на взморьѣ показались непріятельскіе корабли. Дѣйствительно 3-го мая усмотрѣно было два Шведскихъ судна, шнява и большой ботъ; они подходили къ устью Невы. Тогда бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ съ поручикомъ Меньшиковымъ, пользуясь темнотою и ненастьемъ, незамѣтно подплыли на 30-ти лодкахъ съ двумя гвардейскими полками къ непріятельскимъ судамъ и устроили засаду. Съ разсвѣтомъ, Русскіе стремительно ударили изъ засады на изумленныхъ непріятелей съ двухъ сторонъ, окружили суда и взяли ихъ, не смотря на то, что у Шведовъ были пушки, а у Русскихъ ихъ не было. Людей на обоихъ Шведскихъ судахъ было около 80, но въ живыхъ осталось не болѣе 13 челов. Царь Петръ Алексѣевичъ такъ

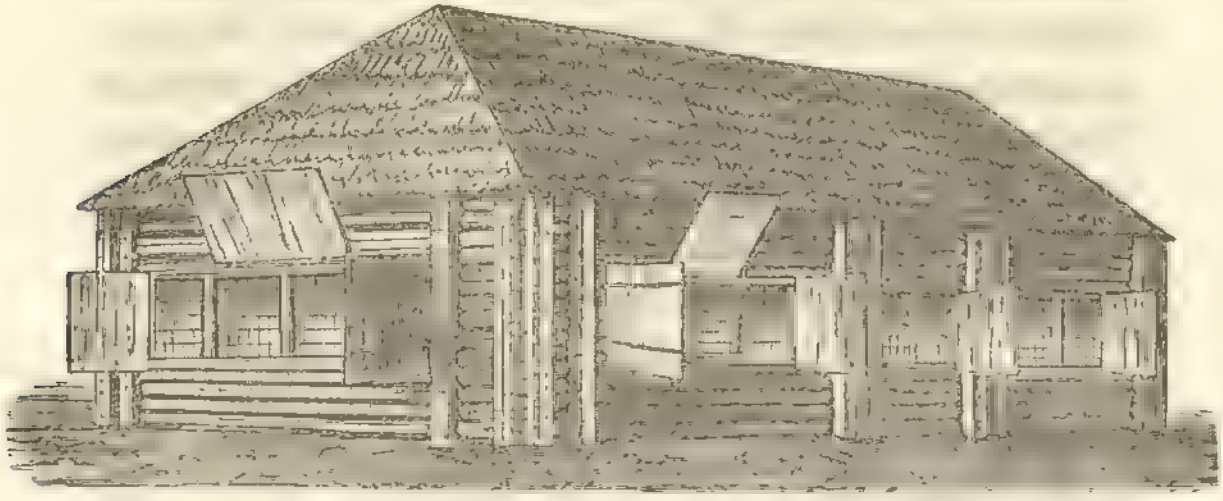
объяснялъ объ этомъ въ письмѣ къ Апраксину: «понеже непріятели пардонъ зѣло поздно закричали, того для солдатъ унять трудно было, которые, ворвався едва не всѣхъ покололи, только осталось 13 живыхъ. Смѣю и то писать, что истинно съ восемъ лодокъ только въ самомъ дѣлѣ было. И сею, никогда бываемою викторіею (побѣдою) вашу милость поздравляю».

За эту побѣду бомбардирскаго капитана Петра Михайлова и поручика Меньшикова пожаловали Андреевскими кавалерами. Надзиратель артиллеріи Виніусъ, находившійся въ Сибири, поздравляя царя со взятіемъ Нієншанца или Шлотбурга, писалъ ему, что «этимъ городомъ отверзошася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ».

Дѣйствительно Петръ стоялъ у моря, оставалось только наложить крѣпкую руку и Балтійское море было въ его власти. Эти-то мысли и занимали тогда болѣе всего царя. Осматривая отвоеванные у Шведовъ Невскіе берега, дикіе, малонаселенные, сплошь покрытые дремучимъ лѣсомъ, Петръ рѣшилъ построить немедленно обширный городъ и крѣпость ближе къ Невскому устью, привлечь торговлю, учредить въ городѣ большую корабельную верфь, и крѣпко оградить его съ моря. И вотъ въ Троицынъ день, 16-го мая 1703 года, на берегахъ р. Невы, на одномъ изъ островковъ Невскаго устья положено было основаніе *С.-Петербурга*. Тогда застучали топоры и глухая дотолѣ мѣстность огласилась звукомъ сѣкиръ и пѣснями Русскихъ рабочихъ. То рубили деревянный городокъ *), названный царемъ *Питербурхъ*.

*) Что нынѣ составляетъ Петербургскую сторону.

Одновременно съ тѣмъ царь велѣлъ строить и крѣпостцу (Петропавловскую). Трудно было исполнять всѣ распоряженія царя, но при всемъ томъ, настоятельное требованіе его было исполнено: крѣпостца окончена постройкою къ осени и вооружена 300 орудіями. Спѣшно строился и новый городокъ. Въ немъ на берегу Невы построенъ былъ въ числѣ прочихъ зданій, небольшой деревянный домикъ, по образцу голландскихъ домиковъ.



Наружный видъ домика Петра Великаго. (Въ С.-Петербургѣ).

То былъ домъ царя Петра Алексѣевича, привыкшаго къ небольшимъ домикамъ во время пребыванія въ Голландіи. Просто и нероскошно было это первое жилище Великаго Монарха! Его дворецъ состоялъ всего только изъ двухъ комнатъ, небольшихъ сѣней и кухни. Стѣны этихъ покоевъ внутри были обиты холстомъ и окрашены бѣлою краскою; столы, стулья и прочая мебель была самая простая. Въ настоящее время въ домикѣ Петра Великаго поставленъ свято чтимый нерукотворенный образъ Христа Спасителя, сопутствовавшій Петру Великому во всѣхъ его походахъ, и множество

богомольцевъ ежедневно стекаются на поклоненіе этой мѣстной святынѣ столицы Русскаго царства. Небольшой, одноэтажный домикъ Петра I, болѣе похожій на обыкновенную избу, чѣмъ на дворецъ могущественнаго Монарха, и понынѣ сохраняется, какъ драгоцѣнный памятникъ народный; даже убранство комнатъ домика осталось неизмѣннымъ.

Строившійся городъ — Петербургъ Петръ предназначалъ сдѣлать морскимъ пристанищемъ для иностранныхъ и русскихъ судовъ. Но строитель-царь не хотѣлъ, чтобъ его городъ похожъ былъ на старый Архангельскъ, гдѣ видѣлись только иностранные корабли: онъ желалъ видѣть въ своемъ городѣ русскіе корабли — военные и торговые, и вотъ по слову царя, на берегахъ р. Свири закипѣла спѣшная работа; въ непролазныхъ до того лѣсахъ валили громадныя деревья и на новой верфи, въ Лодейномъ полѣ, строили морскія военныя суда русскія.

Близъ верфи (Олонецкой) неподалеку отъ Лодейнопольской церкви находился дворецъ Петра, построенный тогда для временнаго пребыванія царя *).

Шведы, устрашенные успѣхами русскихъ войскъ, хотя и знали о спѣшной постройкѣ города и крѣпости, но препятствовать Петру не рѣшались, а все лѣто 1703 года 9 шведскихъ кораблей простояли только въ виду строющагося города. Шведскій генералъ Кронгіортъ съ 12-ти тысячнымъ войскомъ пытался было произвести нападеніе на строившійся Петербургъ, но потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ удалиться съ большимъ

*) Въ 1832 году заботливостію Петрозаводскаго уроженца, Петербургскаго купца 2-й гильдіи Мирона Софронова сооруженъ памятникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ.

Памятникъ Петру I въ Лодейномъ полѣ.

уропомъ. Царь имѣя въ виду, что Шведы навѣрное будутъ пытаться возвратить себѣ отвоеванныя у нихъ земли, признавалъ необходимымъ обезопасить себя со стороны моря, т. е. преградить доступъ къ Петербургу непріятельскимъ судамъ, и потому самъ осматривали Финскіе берега. Въ 30-ть верстахъ отъ Петербурга царь осматривалъ островъ Котлинъ, собственноручно дѣлалъ вокругъ острова промѣры морской глубины и рѣшилъ построить у острова сильное укрѣпленіе, оборону Петербургу, о чемъ сообщилъ Меньшикову и поручилъ ему построеніе крѣпости, обѣщавъ прислать для того модель.

Въ то время, какъ Петръ строилъ новый городъ, войска его съ бою отбирали отъ Шведовъ старинные русскіе города, которыми они завладѣли.

Въ концѣ мая фельдмаршалъ Шереметевъ началъ обстрѣливать Копорье, и крѣпость вскорѣ сдалась: «Музыка твоя, писалъ Шереметевъ Царю, хорошо играетъ: Шведы гораздо танцовать и фортеціи отдавать; а если бы не бомбы, Богъ знаетъ, чтобы дѣлать!» Сдались и Ямы или Ямбургъ, и Царь велѣлъ укрѣпить его. «Птакъ, съ помощію Божіею, Ингрія въ рукахъ. Дай Боже доброе окончаніе!» писалъ Петръ. Побывавъ не долго въ Москвѣ, Царь зимою того же года отправился въ Воронежъ осмотрѣть Азовскій флотъ, который долженъ былъ сдерживать Турокъ. Въ то же время Меньшиковъ, оставшійся въ Петербургѣ, какъ губернаторъ, получилъ отъ Царя модель крѣпости, которую должно было соорудить на морѣ, близъ Котлина, дабы она была стражемъ Невскихъ устьевъ. Меньшиковъ, получивъ чертежъ, поспѣшилъ исполнить волю Монарха и совершилъ дѣло, которому едва ли найдется подобное. Онъ въ одно лѣто соорудилъ огромное укрѣпленіе, которое Царь, по прибытіи въ Петербургъ, самъ вооружилъ артиллеріею и наименовалъ *Кронштотомъ* (Вѣнецъ-крѣпость; близъ Кронштадта.)

Едва только Царь обезопасилъ свой городъ со стороны моря, какъ призналъ необходимымъ очистить отъ непріятелей Эстляндію, и для этого онъ рѣшился взять двѣ крѣпости: Дерптъ и Нарву. Утвердиться въ этихъ крѣпостяхъ было важно для Россіи на случай, если бы Король Шведскій Карлъ XII-й обратилъ противъ Россіи свои главныя силы. Петръ говорилъ, что «надобно снѣшить покореніемъ ихъ, пока Шведъ увязъ въ Польшѣ». 30 апрѣля Шереметевъ получилъ приказаніе отъ Царя двинуться для осады Дерпта. Такъ какъ путь къ Дерп-

Осада Нарвы (9-го Августа 1704 г.)

ту заграждали Шведскія суда, стоявшія на Чудскомъ озерѣ, то генералъ фонъ-Верденъ въ теченіе мая очистилъ озеро отъ судовъ, взялъ на рѣкѣ Эмбахѣ 8-мь шведскихъ яхтъ и 5 бригантинъ. Послѣ чего Шереметевъ въ началѣ іюня подошелъ къ Дерпту и началъ осадныя работы. Осада длилась уже цѣлый мѣсяцъ. Для ускоренія дѣла, прибылъ 2 іюля подъ Дерптъ самъ Царь и, спѣшно сдѣлавъ необходимыя приготовленія, онъ ночью на 13-е іюля повелъ войска на приступъ. Всю ночь продолжалась упорная битва, происходившая у палисада крѣпости и когда Русскіе воины, раздраженные сопротивленіемъ, уже готовы были ворваться въ городъ, комендантъ крѣпости затрубилъ къ сдачѣ. Тотчасъ же войска заняли городъ и жители его, какъ старинаго русскаго города, основаннаго нѣкогда Русскими подъ именемъ Юрьева, приведены были къ присягѣ на подданство Россіи. Царь радовался побѣдѣ и въ тоже время увѣдомлялъ о взятіи Дерпта: «Итакъ, съ Божіею помощію, симъ печаемымъ случаемъ, сей славный отечественный градъ паки полученъ».

Въ то время, какъ происходила осада Дерпта, часть Русскаго войска стояла у Нарвы, подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви. Черезъ 4 дня по взятіи Дерпта Царь былъ уже подъ Нарвой. Осадный его корпусъ простирался до 45,000 челов. 30-го іюля (1704 г.) открыта была сильная канонада, которая продолжалась безпрерывно до 9-го августа. Метаніе бомбъ не прекращались даже и ночью, и укрѣпленія во многихъ мѣстахъ были разрушены, орудія сбиты со стѣнъ, и многія зданія въ городѣ превращены были въ развалины, а старый комендантъ Горнъ продолжалъ защищаться упор-

Петръ въ Нарвѣ (9 Августа 1704 г.)

но и не сдавался Тогда Царь назначилъ штурмъ. Въ полдень 9-го числа Русскіе, по данному знаку, устремились съ трехъ сторонъ къ проломамъ. Не взирая на упорное сопротивленіе Шведскаго гарнизона, Русскіе, менѣе чѣмъ черезъ часъ битвы, не на животъ, а на смерть, ворвались въ городъ и произвели въ немъ страшную рѣзню безъ пощады женщинамъ и дѣтямъ. Царь, чтобъ остановить напрасное кровопролитіе и неистовство солдатъ, вынужденъ былъ оказать, надъ нѣкоторыми, невнимавшими его приказу, примѣръ строгости, и тѣмъ возстановить порядокъ.

Съ окровавленною шпагою въ рукѣ, Петръ вошелъ тогда въ Нарвскую ратушу, куда укрылись испуганные бургомистры съ своими семействами, и гдѣ находился самъ комендантъ Горнъ.

Бросивъ шпагу на столъ, Царь гнѣвно вскричалъ, обратившись къ Горну:

— Ты одинъ причиною напрасно пролитой крови! Безъ всякой надежды на помощь, безъ средствъ къ спасенію города, зачѣмъ погубилъ ты упрямствомъ своимъ столько невинныхъ? Ты долженъ былъ знать, что если солдаты силою ворвутся въ городъ, то спасенія не будетъ! По возстановленіи порядка и спокойствія въ завоеванномъ городѣ, Царь торжественно принесъ благодареніе Всевышнему, даровавшему славную побѣду тамъ, гдѣ за 4 года передъ тѣмъ, повергъ Онъ Русскихъ тяжкому испытанію. Царь, смиряясь духомъ передъ Господомъ, съ торжествомъ проходилъ всѣ улицы и, сопровождаемый хоромъ пѣвчихъ, онъ воспѣвалъ вмѣстѣ съ ними громогласно: *Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему!*

Съ завоеваніемъ Дерпта и Нарвы власть Русскихъ прочно утвердилась на берегахъ Балтійскаго моря.

Таковы были первые успѣхи Петра въ войнѣ съ Шведами; въ эти четыре года войны, войска пріобрѣли на столько опытности въ военномъ дѣлѣ, что Петръ уже не опасался болѣе Шведовъ и надѣялся отбиться отъ нихъ, если бы они вздумали продолжать войну. Надежды Петра сбылись, и во всѣхъ послѣдующихъ битвахъ съ Шведами, Русскіе остались побѣдителями, попытки Карла XII отторгнуть отъ Россіи коренныя Русскія земли (Ингрію) остались тщетными, и наше отечество обязано единственно первому военному успѣху Петра съ Шведами, что оно прочно владѣетъ и въ настоящее царствованіе Балтійскимъ моремъ и его прибрежьями.

Послѣ взятія Нарвы Царь Петръ Алексѣевичъ отправился въ Олонецъ,—поторопить постройку судовъ на верфи, чтобы имѣть на всякій случай болѣе сильный военный флотъ. На лодейнопольской верфи, съ конца іюня, начался уже спускъ судовъ и когда, въ сентябрѣ, туда пріѣхалъ Петръ—то спустили его шнау «Мункеръ» и стали готовить флотилію къ отплытію, которую самъ государь повелъ въ Петербургъ. Суда вошли въ Ладожское озеро (4-го октября), при полномъ безвѣтріи, но вскорѣ началась страшная буря, задержавшая флотилію четыре дня на мѣстѣ. Петръ могъ продолжать плаваніе только съ 9-го октября, но, не доходя 40 верстъ до Шлиссельбурга, начался вновь штормъ (буря), такъ что суда флотиліи вступили въ Петербургъ только 18-го октября. Въ продолженіи этого времени, однажды штормъ былъ такъ силенъ, что

Петръ, обходя на ботѣ бѣдствующія суда флотиліи, неожиданно самъ лишился мачты, но это не устрашило его: онъ взялся за руль, а двумъ гребцамъ приказалъ управиться со сломанною мачтою и оборванными парусами. Ботъ, повинуясь рулю, управляемому сильной державной рукою Петра, благополучно присталъ къ берегу.

По прибытіи Петра въ Петербургъ, онъ съ слѣдующаго же дня отправился на осмотръ и выборъ мѣста для верфи. Петръ взялъ съ собою Меньшикова, и, въ теченіи шести дней, осмотрѣлъ всѣ мѣста около Шлиссельбурга и по теченію Невы, былъ даже и на Котлинѣ. 5-го ноября, Петръ заложилъ адмиралтейскій домъ, при этомъ сотрудникамъ своимъ по сооруженію флота, Петръ далъ обѣдъ въ домѣ нѣмца Іогана Фельтена. Спустя четыре дня послѣ этого, Государь оставилъ Петербургъ и отправился къ завоеванной Нарвѣ, принимать турецкаго посла, скучавшаго долгою задержкою. Чтобы повеселить угрюмаго Турка, Царь устроилъ для него, въ день именинъ Меньшикова, иллюминацію съ трансперантами; на утро же принималъ посла и, обласкавъ его, отпустилъ совершенно довольнымъ радушнымъ пріемомъ Царя. Тогда же и положеніе дѣлъ Россіи съ Турціею улучшилось. Успокоенный Царь оставилъ Нарву 2-го декабря, и проѣхалъ черезъ Новгородъ въ Москву, гдѣ, 19-го октября, устроилъ тріумфальное вступленіе войскъ въ древнюю столицу, заключивъ этимъ торжествомъ свои труды и подвиги въ 1704 году.

Встрѣтивъ въ Москвѣ новый 1705 годъ, Петръ отправился въ Воронежъ. Во время этого перехода,

Петръ Великій на Ладожскомъ Озерѣ.

ночью, Петръ былъ застигнутъ ненастной погодой, почему и заѣхалъ ночевать въ деревушку къ одному вдовому дворянину, который не былъ тогда дома а остался по дѣламъ своимъ въ городѣ. Такъ какъ Государь ѣхалъ просто, съ малымъ числомъ людей, то и сочли Государя за проѣзжаго офицера. Въ деревушкѣ, кромѣ одного крестьянина, двухъ старушекъ и одной дѣвушки никого не находилось. — Государь, войдя въ домъ встрѣченъ былъ восемнадцати-лѣтнею дѣвушкою, дочерью того дворянина.

— Ваша милость кто такой?—спросила простодушная дѣвушка.

— Я проѣзжій офицеръ, заѣхалъ къ отцу твоему переночевать,—отвѣчалъ Петръ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Петромъ!—отвѣчалъ Монархъ.

— Много есть Петровъ, продолжала дѣвушка, скажи свое прозваніе.

— Михайловъ! голубушка.

— Петръ Михайловъ! повторяла дѣвушка съ нѣкоторымъ видомъ удивленія и радости. Ахъ! если бы ты былъ тотъ Петръ Михайловъ, который ѣздитъ въ Воронежъ строить корабли, однимъ словомъ Царь нашъ, какъ была бы я счастлива!

— А чтожъ? спросилъ Государь.

— Я бы попросила у него милости!

— Куда какъ ты смѣла, сказалъ ей шутя Петръ, какую тебѣ милость и за что?

— Такую, чтобъ онъ пожаловалъ что нибудь отцу моему за то, что подъ городомъ Орѣшкомъ (Шлиссельбургъ) на приступѣ отецъ мой весь былъ изранен, и от-

ставленъ капитаномъ, а получастъ только поручицкое жалованье, имѣетъ всего двадцать душъ крестьянъ, и на силу себя и меня пропитать можетъ, да изъ этого удѣляетъ еще брату моему, который въ служдѣ констапелемъ.

— Правда, неблестящее положеніе! да что дѣлать? Знать Царь про то не вѣдаетъ.—Скажи мнѣ: училась ли ты чему нибудь?

— Отецъ мой выучилъ меня читать и писать, а покойная мать моя учила меня шить и хозяйничать, смѣло отвѣчала дѣвушка.

— Не худо, сказалъ Петръ;—прочитай-ка что нибудь и напиши.

Дѣвушка исполнила это, и показывала Монарху свое шитье и холстъ, который соткала сама.

— Хорошо, сказалъ ей Государь, ты достойная дѣвушка: жаль только, что я не тотъ Петръ Михайловъ, который можетъ дѣлать милости; однако молись Богу, можетъ быть при случаѣ Царю донесу; онъ меня довольно знаетъ и жалуетъ!

Дѣвушка поклонилась, побѣжала, принесла Царю квасу, хлѣба, масла, яицъ, ветчины и безъ всякаго смущенія отъ всего сердца подчивала Петра; потомъ отвела ему особую горницу и приготовила постель. Государь, отдохнувъ, всталъ рано и началъ собираться въ дорогу. При чемъ, на прощаньи, подарилъ дочери дворянина пять рублей, сказавъ:

— Поклонъ отцу, и скажи, что заѣзжалъ къ нему офицеръ корабельный Петръ Михайловъ: прощай, желаю, чтобъ подаренные пять рублей принесли тебѣ за

доброе поведеніе и за стараніе объ отцѣ твоемъ пятьсотъ рублей.

Послѣ чего Петръ Великій уѣхалъ въ Воронежъ. Здѣсь онъ занимался съ 22-го февраля по 19-е апрѣля кораблестроеніемъ и успѣлъ спустить на воду 80-типушечный корабль «Старый дубъ». На возвратномъ пути изъ Воронежа, Петръ отправилъ деньщика своего къ дѣвушкѣ того дворянина, у котораго почевалъ проѣзжая въ Воронежъ, съ такимъ приказаніемъ: «Бывшій недавно у тебя въ гостяхъ офицеръ, есть тотъ самый Петръ Михайловъ, котораго видѣть и просить желала. Хотя по пословицѣ: до Бога высоко, а до Царя далеко, однако у перваго молитва, а у другаго служба не пропадаетъ. За службу отца твоего указалъ Его Величество выдавать ему капитанское жалованье, а тебѣ, яко достойной дочери его, посылаетъ въ приданое пятьсотъ рублей съ тѣмъ, что женпха сыщетъ самъ». Государь вскорѣ исполнилъ свое обѣщаніе, выдавъ ее за зажиточнаго дворянина и флотскаго офицера въ Воронежѣ.

По прибытіи въ столицу, Петръ получилъ извѣстіе, что Шведскій король Карлъ XII-й одерживаетъ верхъ надъ союзникомъ Россіи Польскимъ королемъ Августомъ, — даже провозгласилъ на мѣсто его другаго короля, Станислава, и имѣетъ намѣреніе двинуться въ предѣлы Россіи. Петръ хотѣлъ лично отправиться въ Полоцкъ, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ въ справедливости сообщенныхъ ему свѣдѣній, и, если нужно, то оказать помощь своими средствами королю Августу и принять всѣ необходимыя мѣры, но Государь вне-

запно заболѣлъ лихорадкою, вслѣдствіе чего и пробылъ весь май мѣсяцъ въ Москвѣ.

Едва отправился Царь отъ болѣзни, какъ немедленно поѣхалъ изъ Москвы на мѣсто военныхъ дѣйствій, и 12-го іюня 1705 г. прибылъ въ Полоцкъ, гдѣ находилась тогда главная квартира Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ Шереметева.

Съ этого времени начались почти безпрерывныя войны Петра съ Карломъ XII, и продолжались съ перемѣннымъ успѣхомъ до 1709 года, до Полтавскаго боя. Во все это время, съ 1705 по 1709 годъ, Петръ почти не отлучался съ мѣста военныхъ дѣйствій, постоянно слѣдилъ за ходомъ войны и лишь на нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ столицѣ, что бы лично распорядиться постройкой Петербургской крѣпости и самаго Петербурга.

Въ числѣ битвъ съ Шведами, происходившихъ съ 1705 по 1709 годъ наиболѣе замѣчательны: Калишская битва 18 октября 1706 г., въ которой Шведы потеряли около 7000 челов., въ томъ числѣ 4000 челов. убитыми; сраженіе при Головчинѣ, 3 іюля 1708 г., побѣда надъ Шведами подъ Добрымъ 29 августа 1708 г. и пораженіе ихъ подъ Лѣснымъ 28 сентября 1708 г., гдѣ убито до 8000 шведовъ, взято въ плѣнъ до 900, и до 2000 погибло и захвачено въ бѣгствѣ.

Всѣ эти битвы довели Шведское войско до того, что Карлъ XII, по неимѣнію запасовъ и по причинѣ изнуренія своего войска вынужденъ былъ просить у Петра перемирія; при чемъ онъ просилъ Царя прислать ему и лекарствъ, въ которыхъ Шведы терпѣли недостатокъ.

Царь велѣлъ отпустить лекарствъ въ изобиліи; въ перемиріи же отказалъ рѣшительно, и отвѣчалъ, что готовъ заключить прочный миръ, если Король согласится уступить ему Ингрію съ Петербургомъ и Нарвою. Карлъ XII-й не могъ согласиться на такія условія, а потому война продолжалась съ прежнимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ.

X.

Полтавская побѣда.

Движеніе Шведской арміи къ Полтавѣ. — Измѣна Мазепы. — Осада Карломъ XII-мъ гор. Полтавы и мужественная защита жителей. —Прибытіе Петра съ войскомъ къ Полтавѣ. — Слова Петра къ войску. — Полтавскій бой и пораженіе Шведовъ.

Король Шведскій Карлъ XII-й, претерпѣвая постоянныя пораженія въ теченіи 4-хъ лѣтъ и доведенный хотя и до крайности, онъ все таки не хотѣлъ оставить войны. Онъ ожидалъ подкрѣпленій отъ Поляковъ, надѣялся, что Малороссійскій гетманъ Мазепа присоединится къ нему съ своими запорожцами и что, наконецъ, Турція, съ которою Карлъ велъ дѣятельные переговоры, расторгнетъ миръ съ Россіею и двинетъ на нее свои татарскія силы. Но только одна изъ этихъ надеждъ Карла XII-го, осуществилась на самомъ дѣлѣ.

Престарѣлый гетманъ Мазепа, осыпанный милостями великаго Русскаго Царя, надѣленный несмѣтными богатствами, достигшій всѣхъ возможныхъ почестей и отличій, пользовавшійся неограниченною довѣренностью

своего Государя,—онъ изъ корыстныхъ видовъ рѣшился дѣйствовать вмѣстѣ съ Карломъ XII противъ Россіи, возстать противъ своего Царя благодѣтеля. Когда Мазепа узналъ, что Карлъ XII-й приближается къ Деснѣ, то онъ съ своими полками двинулся въ походъ, какъ бы для битвы съ Шведами, и не прежде, какъ только въ виду Шведскаго лагеря, открылъ измѣническое свое намѣреніе, и сказалъ казакамъ, что имъ необходимо помочь Карлу XII-му, иначе всѣмъ малороссіянамъ будетъ отъ него худо.

Слова измѣнника возбудили въ казакахъ всеобщій ужасъ. Кто только могъ, спасался бѣгствомъ, и не болѣе тысячи казаковъ послѣдовали за Мазепою въ Шведскій лагерь.

Извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы огорчило Царя, онъ съ прискорбіемъ писалъ Апраксину о вѣроломствѣ новаго Іуды, «который былъ вѣрнымъ двадцать одинъ годъ и, въ столь преклонныхъ лѣтахъ, сдѣлался измѣнникомъ и предателемъ Отечества!» Въ тоже время, Царь обнародовалъ манифестъ, въ которомъ объяснилъ всю гнусность измѣны Мазепы, и призывалъ всѣхъ малороссіянъ къ избранію новаго гетмана. — Въ скоромъ времени, по его желанію, возведенъ былъ въ гетманское достоинство Стародубскій полковникъ, Скоропадскій. Надъ измѣнникомъ Мазепой Царь повелѣлъ совершить заочную казнь. Чучело, изображавшее измѣнника, выставлено было на площади въ Глуховѣ. Въ соборномъ храмѣ Мазепа всенародно преданъ былъ отлученію отъ церкви. Палачъ сорвалъ съ чучелы его ордена, изорвалъ граматы, билъ ее, волочилъ по улицамъ при народныхъ проклятіяхъ и повѣсилъ за го-

родомъ. Отлученіе Мазепы отъ Церкви повторено было въ Москвѣ и во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ. Всѣмъ, послѣдовавшимъ за Мазепою, всѣмъ соумышленникамъ его, Царь обѣщалъ прощеніе, если они явятся къ нему съ раскаяніемъ. Манифестъ Царя такъ сильно подѣйствовалъ, что вся Малороссія торжественно отреклась и отъ измѣнника и отъ Шведовъ. Ненависть малороссіянъ къ Шведамъ усилилась еще болѣе, когда Карлъ XII-й началъ производить насильственные поборы, отнимать имѣнія и, даже дерзнулъ наложить святотатственную руку на храмы Божіи. Всѣ съ омерзѣніемъ бѣжали отъ непріятеля и истребляли его, кто и чѣмъ только могли. Голодъ, нужда, страданія Шведовъ увеличились до того, что Карлъ XII-й не могъ уже удерживать въ войскахъ строгую подчиненность. Въ то же время и Польша, изнуренная осьмилѣтними бѣдствіями войны, страдавшая отъ жестокаго голода и мора, не могла подать помощи Карлу XII, а приверженецъ Карла, незаконный Король Станиславъ и самъ едва держался въ Польшѣ. Надежда Карла XII, на разрывъ Турціи съ Россіею также не осуществилась, такъ какъ Царь, узнавъ, что Турки собираютъ войска, немедленно двинулся изъ Воронежа въ Азовское море и, совершивъ нѣсколько маневровъ въ виду Крымскихъ береговъ, до того перепугалъ тѣмъ Порту, что Султанъ немедленно подтвердилъ всѣ прежніе договоры съ Россіею и прервалъ всѣ сношенія съ ея непріятелями.

Въ такомъ-то положеніи находился Карлъ XII, когда, бродя съ своимъ изнуреннымъ войскомъ по опустошенной Малороссіи, онъ достигъ въ апрѣлѣ 1709 г. рѣки

Ворсклы и расположился лагеремъ въ окрестностяхъ г. Полтавы.

Полтава, лежащая на правомъ берегу р. Ворсклы, была въ то время незначительнымъ городомъ съ 4,000 жителей. По причинѣ близости къ предѣламъ Черноморскихъ степей, она защищена была укрѣпленіями; гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 4-хъ тысячь войска подъ начальствомъ, извѣстнаго своею храбростію, полковника Келлина.

Карлъ XII-й, считая овладѣніе Полтавою дѣломъ мимоходнымъ, рѣшился взять ее; но осажденные оказали ему упорное сопротивленіе. Раздраженный упорствомъ, Король началъ осадныя работы, но Келлинъ храбро выходилъ на вылазки, вооруживъ еще до 3,000 жителей. Въ то же время, Меншиковъ, стоявшій противъ Полтавы, на лѣвомъ берегу Ворсклы, безпрестанно тревожилъ непріятеля отрядами легкой конницы, и поддерживалъ мужество гарнизона. Отвлекая вниманіе Шведовъ отъ Полтавы, онъ успѣлъ даже ввести въ крѣпость новыя подкрѣпленія.

— Видите ли, что мы научили Москвитянъ воевать? сказалъ горько улыбнувшись, Карлъ XII-й, когда узналъ о случившемся.

Царь, находившійся въ Тагапрогѣ, спѣшилъ прибыть въ армію, чтобы окончательною битвой покончить распрю съ Королемъ Шведскимъ. Но еще до прибытія Царя въ армію, Карлъ XII, окруживъ Полтаву со всѣхъ сторонъ и прервавъ сообщенія ея съ Русскимъ лагеремъ, рѣшился овладѣть ею, во что бы то ни стало.

Іюня 1-го, Шведы бросили 32 бомбы и, пользуясь происшедшимъ въ городѣ пожаромъ, устремились на

приступъ; но храбрый Келлинъ, поручивъ утушеніе пожара женщинамъ и старикамъ, самъ, съ гарнизономъ своимъ, бросился на отпоръ и, послѣ двухъ часовъ упорнаго боя, опрокинулъ осаждавшихъ, и въ ту же ночь, въ вылазку, захватилъ у непріятеля шесть пушекъ. Мужество защитниковъ Полтавы не ослабѣвало въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, хотя ряды ихъ замѣтно ужъ рѣдѣли, а на полученіе новыхъ подкрѣпленій не было никакой надежды. Мысль о необходимости скоро положить оружіе поселяла уныніе въ сердцахъ храбрыхъ защитниковъ Полтавы. Вдругъ, одинокая бомба, пущенная изъ Русскаго лагеря черезъ шведскіе шанцы, принесла имъ извѣстіе о прибытіи въ армію Царя!... Ободренные надеждою, Полтавцы поспѣшили въ соборную городскую церковь, поклялись защищаться до послѣдней капли крови, и опредѣлили казнить, какъ измѣнника, каждаго, кто осмѣлится предложить о сдачѣ города. Тогда же, пущенною обратно бомбою, они увѣдомили Царя о своемъ крайнемъ положеніи. Черезъ десять дней осажденные снова писали Царю, что у нихъ уже истощились всѣ припасы артиллерійскіе, и городъ, черезъ нѣсколько времени, долженъ будетъ сдаться.

Тогда Царь рѣшился дать битву, и 20-го числа сталъ переводить свою армію на правый берегъ Ворсклы. Карлъ XII-й понялъ намѣреніе Царя, но неожиданное и несчастное событіе лишило его возможности самому распорядиться дѣйствіями своей арміи. Ночью осматривая положеніе мѣста, Король неожиданно наткнулся на казацкій пикетъ и, при завязавшейся перестрѣлкѣ, получилъ жестокую рану въ ногу. Ослабѣвъ отъ сильнаго истеченія крови и отъ сдѣланной ему операціи,

онъ два дня не выходилъ изъ палатки своей, и послѣ того не могъ уже сѣсть на лошадь. Русскіе въ это время, переправясь черезъ Ворсклу, успѣли оградить себя сильными окопами. Карлъ XII-й хотя и видѣлъ превосходство положенія Русскихъ, но увѣренность въ мужествѣ своего войска увлекла его, и онъ, по прежнему не сомнѣвался еще въ побѣдѣ. Приготовляясь къ битвѣ рѣшительной, онъ положилъ однако же прежде овладѣть Полтавой, дабы не оставлять въ тылу себя не взятую крѣпость.

Іюня 21-го, вечеромъ, Шведы начали приступъ. Завязалась битва кровопролитная; но осажденные устояли и Шведы были отбиты. На другой день, т. е. 22-го іюня на разсвѣтѣ, полагая, что утомленные защитники не въ силахъ болѣе противиться, непріятель снова бросился на приступъ. Въ этотъ разъ Шведамъ удалось овладѣть валомъ, и они водрузили даже на стѣнахъ знамя побѣды; но отчаяніе еще разъ одушевило осажденныхъ! Женщины, дѣти, отроки, всѣ пошли въ бой, дрались, бросались въ огонь, тушили пожары, спасали раненыхъ, уносили убитыхъ, и — непріятель не могъ удержаться и долженъ былъ вновь отступить. Келлинъ видѣлъ, что выдержать еще штурмъ онъ не въ силахъ, такъ какъ онъ истощилъ послѣднія средства защиты; но ничто не сокрушало мужественныхъ Полтавцевъ!... Они собрались опять въ соборномъ храмѣ Полтавскомъ и всѣ вновь подтвердили клятву—*умереть*, но не сдаваться. Получивъ благословеніе священника на подвигъ, они радостно пошли на валъ, и стали ожидать новаго приступа.... Но мужественныхъ защитниковъ Полтавы пощадило Провидѣніе.

Король Шведскій, готовясь къ роковой битвѣ въ полѣ, вынужденъ былъ оставить осаду Полтавы, и приказалъ только держать въ страхѣ осажденныхъ.

Въ то время, когда съ обѣихъ сторонъ готовились вступить въ рѣшительный бой, Царь неожиданно двинулъ свое войско, въ ночи на 25 с іюня, ближе къ берегамъ Ворсклы, и сталъ на разстояніи одной версты отъ непріятеля. Здѣсь, примыкаясь тыломъ къ Ворсклѣ, Русскіе укрѣпились сильными окопами, имѣя передъ собой обширную долину, почти на три версты въ ширину, кончавшуюся густымъ лѣсомъ, а съ лѣвой стороны — другой лѣсъ, который простирался до самой Полтавы и шведскаго лагеря. Остававшійся между двумя этими лѣсами проходъ, черезъ который шведская армія, идя отъ Полтавы, только и могла вступить на равнину, была загражденa, по приказанію Царя, шестью сильными редутами, за которыми стали 17 полковъ регулярной конницы. Вся же пѣхота расположилась въ укрѣпленномъ лагерѣ. Принявъ такія мѣры предосторожности, Царь предполагалъ дать битву въ день именинъ своихъ, 29-го іюня, готовя ее, какъ будто пиръ торжественный; но Карлъ XII-й предупредилъ его. Крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и полученное извѣстіе, что 40-тысячное Калмыцкое войско спѣшитъ на соединеніе къ Русскимъ, не дозволили Карлу XII-му откладывать далѣе рѣшенія своей участи. Утромъ 26-го іюня къ Русскимъ перебѣжалъ Полякъ, и извѣстилъ о приготовленіяхъ Шведовъ къ наступленію.

— «На начинающаго Богъ!»—сказалъ Царь, и велѣлъ выходить полкамъ изъ укрѣпленій и строиться въ полѣ.

— «Товарищи!»—говорилъ Царь, объѣзжая полки: «завтра кончимъ мы войну битвою съ непріятелемъ, вполовину уже побѣжденнымъ. Съ нами Богъ и побѣда! Съ нами Богъ, крѣпкій въ бранѣхъ, и во имя Его укротится зѣвъ львиный, притупится оружіе, угаснетъ сила огненная—вѣрующему все возможно»!

— Государь!—отвѣчалъ ему князь Голицынъ, старшій полковникъ гвардіи: мы тѣ же, которыхъ ты видѣлъ подъ Лѣснымъ—уповаемъ на Бога и не измѣнимъ тебѣ!

— «И я уповаю!» воскликнулъ Царь. «Порадѣйте, товарищи! Церковь и Отечество ждутъ нашего подвига!»

Радостными кликами отозвалось войско, воодушевленное своимъ великимъ Царемъ, восклицая: «Съ нами Богъ! Ура!» оживленные крики войска долго переходили изъ ряда въ рядъ, и наконецъ умолкли въ отдаленіи.

Шведская армія выступила изъ лагеря въ полночь на 27-е іюня. Не замедлилъ явиться и Карлъ XII-й, его раненаго везли въ качалкѣ. Видъ храбрыхъ воиновъ снова оживилъ его. Блѣдный и слабый, онъ казалсяоднако же веселымъ, шутилъ и ободрялъ своихъ солдатъ.

— Мы будемъ сегодня обѣдать у Царя Московскаго,—говорилъ Король, улыбаясь. Онъ много приготовилъ намъ кушанья.

Солдаты молчали. Видъ больнаго, раненаго Короля возбуждалъ въ нихъ только одну скорбь и уныніе; но терпя страшныя лишенія, они сами сознавали необходимость побѣдить или умереть. Хлѣба или смерти! — было ихъ единодушнымъ желаніемъ.

Въ два часа пополуночи, съ приближеніемъ Шведовъ, загремѣли Русскія пушки въ редутахъ; но ядра и картечь не остановили Шведовъ. Поражая штыками, они бросились на пушки, и два редута были уже въ ихъ рукахъ; въ тоже время Шведская конница успѣла ворваться въ промежутки редутовъ и сразилась съ Русскою конницею, которая отступила въ порядкѣ черезъ равнину къ правой сторонѣ лагеря. Радостно бросились Шведы за отступавшими, но неожиданно для нихъ, они были встрѣчены страшнымъ огнемъ всѣхъ батарей Русскаго лагеря. Гранаты, картечи, ядра—градомъ посыпались на Шведовъ, привели ихъ въ разстройство и заставили поспѣшно отойти на другой конецъ равнины, къ опушкѣ лѣса. Въ это время, отдѣльный отрядъ Шведовъ, подъ начальствомъ Рооса оставался еще за редутами. Меньшиковъ по приказанію Царя бросился на Рооса столь стремительно, что онъ потерялъ большую часть своего отряда и съ остатками бѣжалъ черезъ лѣсъ въ свой лагерь подъ Полтавою; но тамъ, настигнутый генераломъ Ренцелемъ, принужденъ былъ положить оружіе. Непріятельскій лагерь, со всѣмъ обозомъ и артиллеріею, достался Русскимъ, и участь шведской арміи была рѣшена еще до окончанія настоящей битвы.

Ободренный первыми успѣхами битвы, Царь немедленно отрядилъ войско, чтобы открыть сообщеніе съ Полтавою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распорядился о сохраненіи лагеря. Полки, оставленные въ укрѣпленіяхъ, просили Царя позволить имъ идти въ битву.

— Государь!—говорили они: чѣмъ провинились мы передъ тобою? Мы несли такіе же труды и опасности,

Полтавская Битва.

какъ и другіе полки, и ожидали съ нетерпѣніемъ этого дня: за что же мы не участвуемъ вмѣстѣ съ ними!

— «Дѣти! здѣсь также нужна защита»—отвѣчалъ имъ Царь; «молитесь Богу, а я не забуду васъ»!

Тѣмъ временемъ, полки, выведенные изъ лагеря, становились уже въ боевой порядокъ, впереди своихъ укрѣпленій. Священники кропили святою водою, при пѣніи: *Спаси, Господи, люди Твоя!* Самъ Царь, на своемъ любимомъ конѣ, окруженный генералами, быстро леталъ по рядамъ своихъ войскъ.

— «Воины!»—говорилъ онъ громогласно: «пришелъ часъ, который всего Отечества судьбу положилъ въ рукахъ вашихъ; и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за Отечество, за нашу Православную Вѣру и Церковь. Не должна смущать также васъ слава непріятеля, яко непобѣдимаго; вы сами, побѣдами своими надъ нимъ, неоднократно доказывали, что это ложно. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ; на Того единаго, яко Всесильнаго во бранѣхъ, уповайте; *а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь недорога—была бы только счастлива и славна Россія.*

Главная русская армія, поставленная въ боевой порядокъ, составляла непреоборимую стѣну изъ 42-хъ баталіоновъ пѣхоты и 17 полковъ конницы, съ 72-мя пушками.

Было уже восемь часовъ утра, когда Русскіе двинулись на непріятеля, и Царь, мечемъ осѣнивъ крестообразно свое воинство, благословилъ его на великій подвигъ!

И вотъ раздались пушечные выстрѣлы и слились въ страшную канонаду, — начался Полтавскій бой! Ужасенъ и смертоносенъ былъ этотъ великій бой, эта страшная борьба между противниками. Пушки смолкли, когда ряды сошлись, и пошла рукопашная битва на штыкахъ и саблях. Самъ Царь не щадилъ своей жизни: пуля пробила ему шляпу; другая ударила въ сѣдло его лошади; третья попала ему прямо въ грудь! Богъ хранилъ Петра! Святый крестъ, бывшій у него на груди, спасъ драгоцѣнную жизнь великаго Царя Россіи! Около получаса длилась нерѣшительная битва; она была кровава и убійственна! Шведы дрались упорно, но наконецъ дрогнули! Все пало передъ силою и мужествомъ Русскихъ! Настала минута ихъ гибели,—часъ расплаты за Нарву... Шведы, обойденные съ флангов, тѣснимые съ фронта, сбитые въ лѣсу, теряя артиллерію, не видя Короля своего, не предводимые никѣмъ, Шведы представляли нестройную толпу бѣгущихъ, побиваемыхъ Русскими. Пѣхота, конница, артиллерія, обозъ, — все смѣшалось, и бѣжало въ разсыпную по берегу Ворсклы, мимо Полтавы. Казаки и Калмыки пустились за непріятелемъ, и вскорѣ клики побѣжденныхъ и побѣдителей, преслѣдовавшихъ разбитое войско шведское, затихли въ отдаленіи.

Побѣда была совершенная. Шведская армія погибла. На мѣстѣ сраженія пало болѣе 9,000 убитыхъ непріятелей; взяты въ плѣнъ фельдмаршалъ Рейншильдъ, первый министръ графъ Пиперъ, многіе генералы, до 200 офицеровъ и около 3,000 солдатъ. Кромѣ того, множество оружія, знаменъ, штандартовъ, вся королевская канцелярія, военная казна — достались побѣдите-

лямъ. Царь самъ разъѣзжалъ повсюду, прекращая убійство и возстановляя порядокъ. Безъ шляпы объѣхалъ онъ ряды своихъ воиновъ, и привѣтствуя каждаго изъ нихъ, благодарилъ за храбрость и усердіе.

— «Здравствуйте дѣти!»—говорилъ онъ: «благодарю за побѣду! Богъ видѣлъ трудъ вашъ, и потомство не забудетъ васъ»!

— Государь! тебѣ одолжены мы побѣдою! — отвѣчалъ Меньшиковъ. Ты одушевилъ, ты укрѣпилъ сердца наши; ты явился спасителемъ, не щадя своей жизни, когда Шведы прорвали ряды наши.

Царь, желая излить вмѣстѣ съ войскомъ мольбы къ Господу за дарованную побѣду, приказалъ поставить на полѣ битвы походную церковь, и при громѣ орудій, отслужить благодарственное молебствіе. Послѣ того велѣлъ онъ угощать солдатъ, а къ своему столу приказалъ пригласить Пипера, Рейншильда и другихъ генераловъ, штабъ-офицеровъ и чиновниковъ шведскихъ. Встрѣтивъ ихъ привѣтливо, онъ возвратилъ имъ шпаги и говорилъ имъ дружески. Когда спросилъ онъ у Рейншильда о Королѣ, слезы потекли изъ глазъ шведскаго фельдмаршала.

— Не знаю, Ваше Величество, не знаю, гдѣ король отвѣчалъ Рейншильдъ.

Царь пожалъ ему руку и утѣшалъ его.

— «Пью здоровье нашихъ учителей!»—возгласилъ черезъ нѣсколько времени Царь, поднимая кубокъ.

— Кого называете вы такимъ лестнымъ именемъ?— спросилъ Рейншильдъ.

— «Васъ, господа, васъ Шведовъ; — вы научили насъ военному искуству»!

— Плохо же заплатили вы за науку учителямъ вашимъ!—замѣтилъ Рейншильдъ, улыбаясь.

Послѣ обѣда, съ честью отпустивъ плѣнныхъ и своихъ собесѣдниковъ, Царь не отдыхалъ! Онъ посѣтилъ лазареты, утѣшалъ раненыхъ, оказывалъ имъ пособіе. Возвратясь въ свою палатку, онъ принималъ донесенія и отправилъ преслѣдовать Шведовъ, сперва князя Голицына съ гвардіею и двумя полками, потомъ генерала Бурца съ десятью эскадронами конницы, и наконецъ Меньшикова съ 9,000 войска. Въ тотъ же вечеръ, собственноручными письмами, онъ увѣдомилъ многихъ о побѣдѣ.

«Объявляю вамъ о зѣло превеликой, нечаянной и малою кровію купленной викторіи», (побѣдѣ)—писалъ онъ Апраксину, и, изложивъ кратко ходъ сраженія, заключилъ: «Могу сказать, что вся непріятельская армія конецъ воспріяла. О королѣ не знаю, съ нами ли или съ отцами нашими обрѣтается. Поздравьте всѣхъ. Нынѣ положенъ, кажется, съ Божіею помощію, камень въ основаніе Петербурга.

На другой день Царь приказалъ рыть двѣ огромныя могилы для погребенія убитыхъ. Самъ онъ пѣлъ со священниками при отданіи послѣдняго долга усопшимъ воинамъ, и слезы прерывали его пѣніе.

— «Храбрые воины, за вѣру и Отечество животъ положившіе!»—сказалъ онъ громко по совершеніи обряда, стоя на краю могилы: «молите за насъ Бога, будьте и за гробомъ поборниками нашими предъ престоломъ Всевышняго».

Высокій холмъ насыпанъ былъ надъ могилою, и Царь своими руками водрузилъ на вершинѣ его крестъ,

съ надписью: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня въ 27-й день». До нынѣ сохраняется неприкосновеннымъ этотъ священный холмъ на Полтавскомъ полѣ, и народное преданіе называетъ его *шведскою могилою*. Въ тотъ же день, въ особую могилу собраны были тѣла Шведовъ, и священники, сопровождавшіе шведское войско, предали нѣдрамъ чуждой земли останки храбрыхъ воиновъ Карла XII-го, погибшихъ далеко отъ отчизны своей. Вечеромъ Царь посѣтилъ Полтаву. Торжественно встрѣтили его у городскихъ воротъ комендантъ и защитники Полтавы, повергаясь передъ нимъ на колѣни. Отъ избытка чувствъ, Келлинъ не зналъ, что сказать, и привѣтствовалъ Царя коротко, но краснорѣчиво.

— «Почтенная глава!» — отвѣчалъ Царь, цѣлуя Келлина въ голову: «надежда моя на тебя не обманула меня»!

На другой день Царь праздновалъ свои именины. Войско было угощаемо на полѣ битвы, и Царь ходилъ между рядами веселившихся воиновъ, и раздѣлялъ съ ними трапезу, говоря:

— «Хлѣбъ-соль, товарищи»!

Въ царской палаткѣ пировали генералы, штабъ-офицеры, чиновники, и знатнѣйшіе изъ плѣнныхъ Шведовъ.

Пока великій Царь Россіи торжествовалъ побѣду свою, Карлъ XII-й мчался, направляя путь свой въ Турцію.

Русскіе, преслѣдовавшіе бѣжавшія войска шведскія, настигли шведскихъ генераловъ Левенгаупта и Крейца, и безъ боя полонили ихъ вмѣстѣ съ ихъ войскомъ.

Между тѣмъ, 1-го іюля, Царь прибылъ къ Переволочнѣ. Вся дорога отъ Полтавы до Днѣпра, по которой онъ ѣхалъ, на разстояніи 70-ти верстъ, была покрыта убитыми, умирающими, ранеными, убитыми людьми и лошадьми, оружіемъ, телѣгами, фурами; а спасшіеся отъ смерти, Шведы: 5,000 пѣхоты и 9,000 конницы, были обезоружены и находились въ плѣну у Русскихъ.

За Карломъ XII-мъ, Мазепою и ушедшими съ ними Шведами, Царь послалъ погоню, строжайше подтвердилъ хранить жизнь королю и воздавать ему всѣ почести. Но случай сохранилъ Короля и Мазепу отъ плѣна. Русскіе потеряли дорогу въ степи, и когда прискакали къ Бугу, король и большая часть спутниковъ его были уже на турецкомъ берегу. Карлъ XII-й благополучно достигъ до Бендеръ, расположился тамъ небольшимъ лагеремъ, и долго послѣ того жилъ еще въ этомъ городѣ; Мазепа, спасшійся съ Карломъ XII-мъ, не пережилъ своего бѣдствія; онъ умеръ черезъ два мѣсяца по прибытіи въ Бендеры.

Изъ Переволочни Царь прибылъ опять въ Полтаву, гдѣ только высокая могила напоминала о совершившейся битвѣ. Тысячи народа стеклись отвсюду: наѣхали маркитанты и купцы; солдаты торговали съ ними, продавая имъ военную добычу, доставшуюся отъ Шведовъ. Веселье и шумъ оживляли Полтавскія окрестности и городъ, гдѣ еще такъ недавно гремѣла брань и свирѣпѣла смерть. День Полтавской побѣды Царь установилъ праздновать на вѣки — и наша церковь славитъ до нынѣ достопамятный день іюня 27-го.

XI.

Торжество Русскихъ.

Возвращеніе Русскихъ войскъ изъ—подъ Полтавы и торжественный входъ ихъ въ Москву. — Взятіе гор. Выборга и сдача Риги. — Петръ поселяется въ Петербургѣ на жительство съ своимъ царственнымъ семействомъ.—Мирныя занятія Петра въ 1710 году.—Построеніе Петергофа.—Празднество 1710 года.

Полтавская побѣда, одержанная надъ Шведами, возвеличила Россію и упрочила всѣ завоеванія Петра Великаго. Всѣ понимали это, всѣ въ Россіи радовались знаменитой Полтавской побѣдѣ. Петръ Великій, очистивъ южныя области Россіи отъ вторгнувшихся Шведовъ и усмиривъ измѣнниковъ,—приверженцевъ малороссійскаго гетмана Мазепы, возвратился въ Петербургъ, а 21 декабря того же года былъ назначенъ въ Москвѣ торжественный въѣздъ побѣдителя.

Въ назначенный день безчисленное множество народа наполнило улицы и площади первопрестольной Москвы, начиная отъ Серпуховскихъ воротъ, и вплоть до Кремля. Русское войско, предводимое своими начальниками, входило въ городъ чрезъ семь тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ въ Москвѣ. Петръ Великій, какъ полковникъ Преображенскаго полка, ѣхалъ предъ своимъ полкомъ.

— «Да здравствуетъ Государь, да здравствуетъ отецъ нашъ!» кричали толпы народа. Радость была всеобщая. Въ толпѣ было много сѣдоусыхъ, сѣдобородыхъ стариковъ, помнившихъ еще времена царя Алексѣя Михайловича; многіе изъ нихъ и сами участвовали въ битвахъ и походахъ того времени, и теперь, глядя на стройное. мужественное войско, преобразованное Пет-

ромъ Великимъ изъ прежнихъ нестройныхъ, малообученныхъ ратей, они невольно сознались въ пользѣ преобразованій Петра Великаго. Съ любовію слѣдилъ народъ за царемъ, который, бодрый, веселый, ѣхалъ на своемъ ворономъ конѣ. «Вотъ онъ, вотъ нашъ батюшка, нашъ кормилецъ!» восклицалъ народъ, снимая шапки.

— «Гдѣ же это царь-то, батюшка», спрашивала изъ толпы народа какая-то старушка, пристально всматриваясь въ воиновъ, и заслоняя отъ лучей солнца свои слабые глаза. «Что-то, ужъ должно быть я больно стара, и не распознаю никого, а говорятъ, что видятъ его....»

— «Да вотъ онъ, бабушка» отвѣчала ей ея внучка, молодая дѣвочка. «Вишь-ты, вонъ онъ ѣдетъ мимо насъ, на ворономъ конѣ!»

— «Ахъ, соколикъ ты нашъ! Дай тебѣ Боже здравіе да счастіе»! воскликнула старуха.

За торжественнымъ шествіемъ слѣдовали плѣнные Шведы.

— «Кто же это такіе, въ синихъ-то мундирахъ?... Это вѣдь не наши, кажется, не Русскіе?...» спрашивала внучка старушку.

— «Не знаю, касатка, не разгляжу ничего; да кабы и видѣла, такъ врядъ-ли бы съумѣла разсказать тебѣ, кто это такіе. Мы вѣдь тутъ живемъ въ Москвѣ, почитай что одни-одинешеньки, никого не видали; что мы можемъ знать?»

— «Это плѣнные шведы», замѣтилъ старухѣ какой-то купецъ, стоявшій въ толпѣ.

«Шведы!... Слышь ты, это Шведы; ихъ зна-

чить захватили наши въ полонъ. И по дѣломъ имъ, басурманамъ; не приходи опустошать Русскую землю!...» говорила старушка. То же самое повторяла и толпа народа, когда узнала, что за Русскими войсками идутъ плѣнные шведы. Крикамъ «ура!» не было конца, и вся Москва изъ устъ въ уста передавала свои мысли и чувствованія.

Но вотъ торжественное шествіе остановилось. Толпы народа еще ближе сдвинулись къ тріумфальнымъ воротамъ, и впередъ вышли нѣсколько человѣкъ; это были выборные отъ всѣхъ сословій, которые готовились встрѣтить побѣдителя рѣчью, и восхвалить въ ней подвиги Русскаго Царя. Петръ Великій внимательно выслушалъ эту рѣчь, и снявъ съ головы свою прострѣленную въ битвѣ шляпу, благодарилъ выборныхъ за ихъ привѣтствіе. . .

Предъ Успенскимъ соборомъ торжественное шествіе остановилось, и побѣдитель смиренно преклонилъ колѣни предъ вратами храма, благодаря Господа за ниспосланную побѣду.

Окончилось торжество; толпы народа возвратились домой, къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ; но долго еще разсказывали очевидцы о торжествѣ, которое происходило 21 декабря, и со вниманіемъ слушали ихъ тѣ, кому по болѣзни, или по какой другой причинѣ, не удалось видѣть это торжество. Много разсказывали и о царѣ Петрѣ, о его побѣдахъ и государственныхъ распоряженіяхъ. Всѣ съ любовью и уваженіемъ упоминали имя великаго государя; Москва искони извѣстна была своею горячею и искреннею приверженностію къ Русскимъ царямъ, и это чувство не пару-

шимо сохранилось между Москвичами и до настоящаго времени, точно также, какъ сохранилось оно, и навсегда сохранится, и во всѣхъ другихъ областяхъ Русской земли.

Въ то время, какъ въ Москвѣ происходило описанное торжество, въ Петербургѣ, въ новопостроенномъ городѣ, кипѣла спѣшная работа; на берегу рѣки Малой Невки строился новый храмъ, во имя св. Самсона-странноприимца, въ благодарность за Полтавскую побѣду, одержанную 27 іюня, т. е. въ день, когда празднуется память этого святаго *). Тогда же заложенъ былъ на верфи въ С.-Петербургѣ самимъ Петромъ Великимъ военный 60-ти пушечный корабль, который, въ память Полтавской битвы, названъ былъ: *Полтавою*.

Царь Петръ Алексѣевичъ, побѣдивъ Шведовъ и тѣмъ утвердивъ свою власть на берегахъ Невы, казалось могъ бы и отдохнуть отъ своихъ великихъ трудовъ. Но великій труженикъ не любилъ оставаться безъ дѣла. Мирно проведя въ Москвѣ праздникъ Рождества и Новаго года, Петръ, 21 февраля 1710 года, прибылъ въ Петербургъ и уже торопился приготовленіями къ походу на Выборгъ; который необходимо было взять, чтобы обезпечить себя со стороны Финляндіи, отъ вторженія Шведовъ.

Съ 21 марта по 12-е іюня, послѣ необходимыхъ приготовленій, началась бомбардировка города. 11-го іюня пробита была брешь въ крѣпостной стѣнѣ и Выборгъ доведенъ былъ бомбардировкою до невозможности защищаться долѣе, такъ что комендантъ началъ переговоры

*) Храмъ во имя св. Самсона существуетъ и по нынѣ въ С.-Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ.

о сдачѣ. На другой день по прибытіи государя послѣдовала сдача Выборга (12-го іюня). Петръ вмѣстѣ съ генераломъ Берхгольцемъ, самъ ввелъ въ крѣпость два баталіона солдатъ своихъ, а 14-го іюня торжественно, въ главѣ Преображенскаго полка, — какъ полковникъ его, вошелъ въ завоеванный городъ. На утро, Царь, катаясь въ шлюпкѣ по Выборгской бухтѣ, посѣтилъ галерную эскадру и совершилъ торжественное молебствіе по случаю взятія Выборга, при залпахъ артиллеріи и войска. Послѣ того Петръ оставилъ Выборгъ, побѣдоносное войско возвратилось также въ Петербургъ и было торжественно встрѣчено въ годовщину Полтавы. Память завоеванія Выборга, Петръ увѣковѣчилъ заложеніемъ Троицкаго собора въ Петербургѣ, и въ тоже время повелѣлъ переселить въ Петербургъ, на вѣчное житье 14,971 человѣкъ мастеровыхъ людей съ семействами, дома для которыхъ были построены отъ казны.

Вскорѣ по взятіи Выборга, русскія войска подъ начальствомъ Шереметева овладѣли 4-го іюля городомъ Ригой.

Для болѣе успѣшнаго хода сооруженія и различныхъ учрежденій въ Петербургѣ,—Петръ переѣхалъ въ свою вновь созидаемую столицу Петербургъ, со всѣмъ своимъ семействомъ. Петръ, поселясь въ своемъ новомъ городѣ, былъ доступенъ всѣгда, посѣщалъ слободы, устраивалъ праздники и бывалъ за просто въ домахъ людей, даже и не близкихъ ему, и обращался со своими соратниками и сотрудниками за просто, дружески. Въ бесѣдахъ царь бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходителенъ, безъ церемоній и любилъ около себя имѣть веселыхъ, но умныхъ людей; заносчивыхъ въ бесѣдѣ

не терпѣлъ; въ дружескихъ бесѣдахъ, на собраніяхъ, непримѣтно было въ немъ, что онъ былъ самодержавный государь. Такъ государь обходился съ людьми покорными его волѣ и полезными ему, какого-бы они званія не были, знатнаго или незнатнаго, лишь бы они исполняли мудрыя его предначертанія. За то съ людей непокорныхъ и провинившихся, государь строго взыскивалъ. Дельщикъ Петра, Нартовъ, сообщаетъ, что онъ часто видалъ, какъ государь подчивалъ *царскою дубинкою* людей знатныхъ чиновъ за вины ихъ; какъ они послѣ того съ веселымъ видомъ выходили въ другія комнаты и какъ государь, послѣ взысканія, удостоивалъ провинившихся приглашеніемъ въ тотъ же день къ столу. Но такое исправленіе чинилось не какъ отъ Императора подданному, а какъ отъ отца къ сыну. Государь въ одинъ и тотъже день наказывалъ и жаловалъ. Государь былъ великодушенъ; прощалъ неоднократно великія вины, если только раскаяніе провинившагося было чистосердечно. На сколько государь былъ вспыльчивъ, на столько же и снисходителенъ.

Однажды, разгнѣванный сильно на князя Меньшикова, Петръ напомнилъ ему, какого онъ происхожденія *), и сказалъ при этомъ:

— «Знаешь ли ты, что я разомъ обращу тебя въ прежнее твое состояніе, чѣмъ ты былъ. Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ, кричи: пироги падовые! какъ дѣлалъ прежде. Вонъ! ты не достоинъ милости моей!» и при этомъ вытолкнулъ его изъ комнаты.

*) Меньшиковъ происходилъ изъ простаго званія и до до поступленія на службу былъ разнощикомъ пироговъ.

Меньшиковъ пошелъ къ Императрицѣ, которая всегда заступалась за него и со слезами просилъ ее, чтобъ она умилостивила Государя и смягчила гнѣвъ его. Императрица пошла къ Государю и, найдя его разгнѣваннымъ, старалась всячески развеселить его. И вотъ миновался гнѣвъ, явилось милосердіе: Царь простилъ Меньшикова, который все-таки, чтобъ доказать свое повиновеніе волѣ Государя, взялъ на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, навѣсилъ на себя, и въ видѣ пирожника, явился предъ Императоромъ. Петръ, увидѣвъ это, развеселился и смѣясь говорилъ:

— «Слушай, Александръ! перестань бездѣльничать, или будешь хуже пирожника!» Послѣ чего объявилъ ему свое прощеніе и принялъ его по прежнему въ милость.

Быстро воздвигались укрѣпленія Кронштадта и Кронлота, предназначенныя оберегать столицу и вновь созидавшійся флотъ. Чтобы быть ближе къ морю, Петръ избралъ въ 1710 году на возвышенномъ берегу Финскаго залива мѣстность для постройки загороднаго дворца. Мѣстность эта тогда же названа имъ: «Петергофъ», и замѣчательна и теперь еще своими парками, садами, фонтанами и различными царскими строеніями. Изъ строеній Петровскаго времени, сохранившихся и по настоящее время, наиболѣе замѣчательно зданіе «Монъ-Плезиръ», окончательно отдѣланное только въ 1711 году. Петръ часто посѣщалъ Петергофъ и въ лѣтнее время онъ почти ежедневно ѣздилъ на шлюпкѣ или ботѣ изъ Петергофа въ Кронштадтъ, чтобъ лично наблюдать за постройкою укрѣ-

пленій или же съ берега любовался на свои вооруженные корабли.

Въ Петергофѣ Царь Петръ Алексѣевичъ принималъ иностранцевъ, при чемъ самъ подчивалъ ихъ и угощалъ, чѣмъ только могъ, желая тѣмъ заохотить иностранцевъ чаще посѣщать Петербургъ.

Однажды Государь, выйдя изъ любимаго домика «Монъ Плезиръ» и посмотрѣвъ въ зрительную трубку, увидѣлъ идущіе голландскіе корабли. Обратясь къ Государынѣ, Царь съ восторгомъ сказалъ:

— «Ахъ, Катинька, плывутъ къ намъ голландскіе гости. Пусть смотрятъ учители мастерства, ученика ихъ. Думаю не похулятъ; я зѣло имъ благодаренъ».

Потомъ тотчасъ же отправилъ нѣсколько нарочныхъ шлюпокъ, чтобъ прибывшихъ на кораблѣ шкиперовъ привести къ себѣ. Часу въ десятомъ вечера прибыли шкипера въ Петергофъ, прямо явились къ Государю и по пріятельски ему говорили:

— Здравствуй Императоръ Питеръ!

— «Добро пожаловать, шкипера!»

— Здорово ли ты живешь?

— «Да, благодарю Бога».

— Это намъ пріятно.

— Слушай, Императоръ Петръ! Вотъ мы привезли сыръ для тебя; а жены наши прислали полотно въ подарокъ супругѣ твоей.

— «Я благодаренъ вамъ».

Царь, обрадованный прибытіемъ иностранныхъ гостей, приказалъ накрыть столъ, посадилъ шкиперовъ и самъ ихъ подчивалъ. Они пили здоровье державной четы.

— Да здравствуетъ много лѣтъ Императоръ Петръ и Императрица супруга его. Слава Богу, мы теперь какъ дома. Есть что попить и поѣсть.

— Пріѣзжай къ намъ, Государь Петръ! продолжали развеселившіеся шкипера:—мы хорошо тебя поподчуемъ. Друзья и знакомцы твои желаютъ видѣть тебя, они тебя помнятъ.

— «Вѣрю, поклонитесь имъ, я можетъ быть еще ихъ и увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ».

При этомъ Царь спрашивалъ у шкиперовъ, сколько времени были они въ морѣ, не было ли противныхъ вѣтровъ, какіе товары привезли и что намѣрены взять обратно изъ Петербурга. Такъ Царь пробылъ съ ними часа два, послѣ чего велѣлъ опять проводить ихъ въ Кронштадтъ, сказавъ при прощаньи: завтра я вашъ гость».

Въ Петергофѣ Петръ давалъ также пиры и празднества для своихъ приближенныхъ и устраивалъ всегда все великолѣпно.

XII.

Прутскій походъ и важная заслуга, оказанная Императрицею Екатериною I государству Русскому.

Манифестъ Петра о войнѣ съ Турками.—Учрежденіе Сената.—Походъ Петра къ Турецкой границѣ.—Затруднительное положеніе Петра при р. Прутѣ и заслуга Императрицы Екатерины I.—Миръ съ Турками.

Конецъ 1710 года и начало 1711 года Петръ провелъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ съ Турками, такъ какъ турецкій султанъ по наущенію Карла XII объ-

явилъ Россіи войну. Царь вынужденъ былъ снова готовиться къ подвигамъ, и 25 февраля 1711 года издалъ въ Москвѣ манифестъ о войнѣ съ Турками, въ которомъ призывалъ наказаніе Божіе на миро-нарушителей. На новыхъ полковыхъ знаменахъ своихъ Петръ помѣстилъ слѣдующую надпись: «за имя Іисусъ-Христово и христіанство», а вокругъ креста, въ сіяніи: «Симъ знаменіемъ побѣдиши.»

Прежде выступленія въ походъ, Петръ Великій озаботился устроить прочный внутренній порядокъ въ государствѣ, для того, чтобы во время похода, заботы о дѣлахъ правленія, не отвлекали его отъ воинскихъ распоряженій. Съ этою цѣлью Петръ Великій учредилъ высшее присутственное мѣсто—Правительствующій Сенатъ, который долженъ былъ вѣдать всѣ дѣла въ отсутствіе Государя, имѣть верховный надзоръ за правосудіемъ, за сборомъ государственныхъ податей, за успѣхами торговли и проч. Сенатъ состоялъ изъ 8-ми сенаторовъ.

Наконецъ, окончивъ всѣ распоряженія, Петръ Великій 6 марта выѣхалъ изъ Москвы къ своему войску вмѣстѣ со своею супругою Екатериною Алексѣевною, которая въ самый день отъѣзда Царя, всенародно объявлена была царицею. Петръ сопровождаемый державною супругой своей, 17 іюня въ присутствіи своемъ переправилъ войска черезъ Днѣпръ при м. Сороки. Послѣ чего съ 20-го числа въ четыре дня войска совершили по безводной мѣстности трудный переходъ до Яссъ. 23 іюня на встрѣчу Петру выѣхалъ Молдавскій господарь Константинъ Дмитріевичъ Кантеміръ и изъявилъ готов-

ность и желаніе всѣми мѣрами содѣйствовать успѣху войны Петра.

Тѣмъ временемъ, Турецкая армія, перейдя на лѣвый берегъ Дуная, медленно подвигалась впередъ, тогда какъ наша армія слѣдовала быстро. Недостатокъ провіанта и подножнаго корма въ Молдавіи, вынудилъ Петра перейти р. Прутъ и слѣдовать далѣе по лѣсамъ къ р. Серету, гдѣ собрано было у непріятеля много всякаго рода запасовъ. Войска наши, подвигаясь безпрепятственно впередъ не знали о близкомъ сосѣдствѣ непріятеля, какъ 7 іюля, передъ вечеромъ, авангардъ, подъ начальствомъ генерала Реуса аттакованъ былъ Турками, и вынужденъ былъ оттойти къ главнымъ своимъ силамъ.

9-го іюля армія наша въ 38 тысячъ внезапно окружена была близъ р. Прутъ, со всѣхъ сторонъ Турками, и здѣсь-то непріятель аттаковалъ Русскихъ своею многочисленною арміею, простиравшеюся до 250,000 турокъ. Съ гикомъ и криками понеслись янычары на Русскихъ, которые, оградившись наскоро рогатками, готовились мужественно встрѣтить отчаянный натискъ враговъ. Первое нападеніе было отражено, при чемъ Турки потеряли до 7000 человѣкъ.

На другой день Петръ, обозрѣвая свои и непріятельскія силы и видя неравенство силъ противъ непріятеля, не унывалъ однакожъ духомъ, и объѣзжая ряды своихъ воиновъ, говорилъ: «Велика сила вражія, но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ. Мы пришли не грабить чужую землю, не разживаться чужимъ добромъ. Не надо намъ чужихъ сокровищъ. Пришли мы помочь нашимъ братьямъ, единовѣрнымъ христіанамъ, которыхъ угнетаютъ Турки-басурманы. Богъ видитъ, что наше дѣло—пра-

вое. Уповайте братцы на милость и помощь Божію! Стойте крѣпко противъ враговъ!»

Началась ожесточенная, кровопролитная битва. Турки густою колонной бросились на дивизію, находившуюся подъ начальствомъ генерала Алларта. Русскіе направили на аттакующихъ всѣ свои артиллерійскія орудія, зарядили пушки двойными зарядами... Сильно напирали враги, но русскіе полки стояли грудью, словно твердая, несокрушимая стѣна. Три раза возобновлялась битва, и три раза Турки были отражены.

Наступила ночь, душная, темная и безлунная. Утихла кровавая битва, замолкъ грозный гулъ орудій, весь день потрясавшій окрестность. Русскіе укрѣпили свой лагерь повозками, рогатками и окопами. Чтобы выше возвести насыпи, окружавшія лагерь, солдаты зарывали въ нихъ не только убитыхъ лошадей, но даже и тѣла своихъ падшихъ товарищей; на ихъ могилахъ хотѣли они встрѣтить натискъ враговъ, и пасть съ оружіемъ въ рукахъ, въ честномъ бою.

Въ турецкомъ лагерѣ зажгли костры и багровое зарево отъ зажженныхъ костровъ освѣтило всю окрестность и лагерь утомленныхъ Русскихъ войскъ. Турки радостно ликовали, вполнѣ увѣренные, что на слѣдующій день они разгромятъ Русскую армію. Въ Русскомъ лагерѣ всѣ приготовлялись къ неминуемой смерти. Царь Петръ Алексѣевичъ, одинъ, въ своемъ шатрѣ, тщетно придумывалъ средства къ избавленію войска отъ гибели въ неравной битвѣ съ врагами. Въ эту-то тяжелую минуту, наканунѣ послѣдней, рѣшительной битвы, написалъ онъ въ С. Петербургъ, къ сенаторамъ слѣдующее достопамятное письмо:

«Господа Сенатъ!

«Извѣщаю васъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ, безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ четырекраты сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я, безъ особливыя Божія помощи, ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкій плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы ничего не должны исполнять, что мною, хотя бы по собственному повелѣнію моему будетъ отъ васъ требуемо, пока я самъ не явлюсь между вами въ лицѣ моемъ. Но если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники.»

Когда Петръ Великій оканчивалъ это письмо, вошла въ шатеръ супруга Царя, Царица Екатерина Алексѣевна.

— «Все кончено», съ отчаяніемъ сказалъ ей Петръ Великій; «сегодняшняя ночь — послѣдняя въ нашей жизни. Завтра съ разсвѣтомъ Турки возобновятъ нападеніе и, вѣроятно, мы всѣ до единаго погибнемъ подъ ихъ саблями.»

— «Неужели войска не отразятъ нападенія? Войска наши уже не разъ доказали свою храбрость.»

— «Нѣтъ, сила возьметъ верхъ и надъ храбростью; но не то меня томитъ», продолжалъ Петръ Великій въ грустномъ раздумьѣ. «Что мнѣ жизнь? Сколько разъ подвергался я опасностямъ и въ битвахъ, и на морѣ! Жаль мнѣ моего войска! Погибнетъ оно безъ пользы для роднаго края, въ чужой землѣ. Можетъ быть погибнутъ и всѣ мои предначертанія, все то, что я сдѣлалъ

для возвеличенія могущества и благоденствія Россіи.»

— «Неужели нѣтъ болѣе никакого средства къ спасенію? Предложимъ Туркамъ миръ?»

— «И ты думаешь, что визирь согласится вступить въ переговоры и заключить миръ въ то время, когда онъ можетъ уничтожить всю Русскую армію?»

— «Отчего же не попытаться? Мы пошлемъ къ визирю богатые подарки; вѣдь ты знаешь, что всѣ Турки корыстолюбивы: можетъ быть эти подарки склонятъ визиря заключить миръ.»

— «Можно испытать это средство, хотя я и не ожидаю отъ него никакого успѣха», проговорилъ Петръ Великій послѣ небольшаго раздумья. «Спасибо тебѣ за добрый сотѣтъ», продолжалъ онъ, съ нѣжностію обнимая свою супругу.

Оставшись одинъ, Петръ рѣшилъ, въ случаѣ отказа визиря въ мирѣ, силою пробиваться сквозь непріятеля. Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ Императрицы, Петръ отправилъ къ визирю для переговоровъ подканцлера Шафирова, которому поручилъ дѣлать уступки, не только въ пользу Турокъ, но и въ пользу Шведовъ. Визирю и его свитѣ отправлены значительные подарки деньгами и вещами. Кромѣ того Царица тайно послала ему всѣ свои брилліанты и драгоцѣнности. На одно только требованіе Визиря запрещено было Шафирову соглашаться — это выдать Кантемира, который оказалъ Петру столько важныхъ услугъ. Петръ сказалъ, что онъ «скорѣе уступитъ свои земли до Курска, нежели измѣнитъ данному слову.» Таково было величіе души Петра.

Переговоры Шафирова имѣли неожиданный успѣхъ. Визирь согласился оставить за Россіею все, а себѣ воз-

вращалъ только Азовъ, включивъ въ условіе срыть Таганрогъ и Самарскій городокъ. Кромѣ того Царь обязывался не вступаться въ польскія дѣла; а Султанъ далъ слово выслать изъ Турціи Карла XII-го.

12-го іюля 1711 года подписанъ былъ въ лагерѣ этотъ мирный договоръ, и въ тотъ же день примчался въ турецкій лагерь изъ турецкой крѣпости Бендеры шведскій король Карлъ XII, который послѣ пораженія подъ Полтавою, жилъ нѣкоторое время въ Турціи. Карлъ XII быстро вошелъ въ палатку визиря.

— «Правда ли это, что заключенъ миръ съ Петромъ?» торопливо спросилъ онъ.

— «Правда», отвѣчалъ визирь; «мы заключили миръ, выгодный для Турціи, и я надѣюсь, что султанъ будетъ доволенъ моимъ распоряженіемъ!»

— «Будетъ доволенъ?» съ изумленіемъ спросилъ Карлъ XII; «да вѣдь это предательство! Ты подкупленъ русскимъ золотомъ!»

Визирь гордо посмотрѣлъ на шведскаго короля.

— «Нѣтъ, я не подкупленъ никѣмъ, а я щажу жизнь воиновъ, и не хочу по-пусту продолжать безполезное кровопролитіе. Когда мы только что выступали въ походъ, тогда я посылалъ спросить у Шведовъ: храбры ли русскія войска, и можно ли одолѣть ихъ въ битвѣ? Что тогда отвѣчали мнѣ Шведы? — Они говорили, будто Русскіе не умѣютъ сражаться, что они трусливы и въ самомъ началѣ сраженія обращаются въ бѣгство. Теперь вы, Шведы, испытали подъ Полтавою храбрость русскаго войска; мы тоже знаемъ, что Русскіе даромъ не отдадутъ свою жизнь,

и что если продолжать битву, то падетъ еще много Турокъ. Къ чему же губить два храбрыя воинства?»

— «Но если бы русское войско было уничтожено, тогда и самъ царь Петръ погибъ бы, или былъ взятъ въ плѣнъ!» продолжалъ Карлъ XII.

— «Богъ да сохранитъ его отъ этого»! отвѣчалъ визирь; «я вовсе не хочу его смерти или плѣна. Богъ раздѣлилъ землю между государями и пусть каждый изъ нихъ безпрепятственно владѣетъ своею частью.»

— «Нѣтъ, мира не будетъ! Я не хочу этого!» кричалъ вспыльчивый шведскій король.

— «Миръ уже заключенъ, и долженъ состояться; этого требуютъ выгоды нашего отечества — Турціи», твердо отвѣчалъ ему великій визирь.

Въ негодованіи на визиря, Карлъ XII оставилъ турецкій лагерь, и уѣхалъ опять въ Бендеры, къ своему небольшому отряду,—остатку многочисленной шведской арміи, вторгнувшейся въ Россію и разбитой подъ Полтавою. А между тѣмъ, пока Карлъ XII уговаривалъ визиря нарушить заключенный миръ, и уничтожить русское войско, русскіе полки, съ барабаннымъ боемъ, съ веселыми пѣснями, шли уже отъ береговъ рѣки Прута къ границамъ Россіи. На пути присоединился къ нимъ и отдѣльный отрядъ генерала Репне, дѣйствовавшій на Дунаѣ, и уже овладѣвшій было крѣпостью Брайловымъ. Генералъ Репне, получивъ извѣстіе о заключеніи мира, сдалъ снова крѣпость Туркамъ. «Такъ кончился этотъ смертный пиръ», писалъ Петръ Великій въ сенатъ, извѣщая о заключеніи мира.

XIII.

Кубанскій походъ.

Движеніе боярина Апраксина на Кубань.—Разореніе татарскихъ жилищъ и наказаніе воровскихъ казаковъ-некрасовцевъ.—Возобновленіе старинной крѣпости Терки.

Одновременно съ тѣмъ, какъ Царь Петръ Алексѣевичъ воевалъ съ Турками, участвуя въ Прутскомъ походѣ, онъ призналъ необходимымъ отправить войска свои на Кубань для покоренія татарскихъ племенъ, дѣлавшихъ набѣги на Поволжье. Для этого повелѣно было ближнему боярину и губернатору Казанскому и Астраханскому Петру Матвѣевичу Апраксину выступить изъ Казани съ регулярными и иррегулярными войсками, походомъ.

13 мая 1711 года боярин Апраксинъ отправился въ походъ. Всего войска, назначеннаго на Кубань, было 6,463, въ томъ числѣ 2,897 челов. пѣхоты. По прибытіи къ Царицыну, войско Апраксина увеличилось до 7,576 человѣкъ присоединеніемъ къ нему 1,113 чел. Солдатскаго полка Рыхдера. 27 іюля къ войскамъ Апраксина присоединились 20,000 калмыковъ подъ предводительствомъ сына хана Аюка, Чан-Держанъ и до 1,000 Яицкихъ казаковъ съ атаманомъ Аникіевымъ; при войскѣ была и артиллерія съ русскими и ипоземными пушкарями.

29 августа, Апраксинъ дошелъ до Кубани и приготовился къ бою; но появленіе Русскихъ навело такой страхъ на Кубанцевъ, что они предпочли, не вступая въ битву, разбѣжаться кто куда могъ, при чемъ взято въ плѣнъ, побито и потонуло въ рѣкѣ Кубани многія тысячи кубанцевъ.

Порученіе, возложенное на Казанскаго и Астраханскаго губернатора, было исполнено въ нѣсколько дней и затѣмъ Апраксинъ доносилъ Петру Великому 4 сентября *), что онъ плѣнилъ, разорилъ и сжогъ

*) Въ это время Петръ, по окончаніи Прутскаго похода, находился

Памятникъ Петру Великому
(въ Повѣнецкомъ лѣсу, олонецкой губ.).

въ Олонцѣ, на мѣстѣ предположеннаго имъ соединенія Олонецкихъ водъ съ Волгою и Балтійскаго моря съ Каспійскимъ и Бѣлымъ. Въ

всѣ кубанскія татарскія жилища, верстъ далѣе чѣмъ на сто, вдоль рѣки и забравши много богатствъ, отправился въ обратный путь.

Возвращаясь изъ кубанскаго похода, Апраксинъ узналъ, что въ пятидесяти верстахъ отъ рѣки Чаны, двадцать татарскихъ мурзъ, подъ предводительствомъ Чанъ-Арслана съ товарищами и 3,000 кубанскихъ татаръ идутъ съ большою добычею и значительнымъ числомъ русскихъ плѣнныхъ изъ Саратовскаго и Пензенскаго уѣздовъ, гдѣ грабили и раззоряли русскія села. Апраксинъ отрядилъ на встрѣчу хищникамъ калмыцкія войска, которыя побили татаръ и забрали многихъ въ плѣнъ; пораженіе было такъ велико, что изъ трехъ тысячъ осталось два татарина да одинъ мурза. Но главный успѣхъ нападенія заключался въ томъ, что у кубанскихъ разбойниковъ отнято было 2,000 русскихъ плѣнныхъ, которыхъ они, уводили къ себѣ въ рабство.

Не смотря на страшное пораженіе кубанскихъ татаръ, которыхъ въ походъ Апраксина погибло болѣе десяти тысячъ человѣкъ, они надѣялись отомстить намъ. И едва только Апраксину удалось справиться съ хищниками, какъ 5 сентября, во время роздыха войскъ нашихъ у рѣки Чаны, Нуреддинъ-Султанъ съ 7,000

Олонецъ Петръ пробылъ 10 дней, странствуя по Повѣнецкимъ лѣсамъ и болотамъ и отдыхая въ шалашахъ, сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей. Благое предположеніе Петра о водяныхъ сообщеніяхъ было выполнено лишь черезъ сто лѣтъ послѣ Петра Великаго, на средства пожертвованныя Императрицею Маріею Ѳедоровною. Каналъ названъ былъ Маріинскимъ и представляетъ значительныя удобства для провода ежегодно болѣе трехъ тысячъ судовъ съ громадными грузами. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ въ Повѣнецкомъ лѣсу шалашъ Петра изъ вѣтвей, на берегу Маріинскаго канала, воздвигнутъ монументъ въ память — устроителя судоходства.

человѣкъ кубанцевъ, черкесовъ и измѣнниковъ, некрасовскихъ казаковъ напалъ на нашъ обозъ. Но нападеніе это было съ успѣхомъ отражено нашими войсками. Апраксинъ, кубанскаго султана и татаръ побилъ многое множество, а остальные со страхомъ бѣжали. Калмыцкія войска преслѣдовали и убивали кубанцевъ; знаки султанскаго достоинства, щиты, оружіе, лошади достались въ наши руки. Калмыкамъ въ награду за ихъ вѣрную службу нашему Царю, предоставлены были отнятыя ими несмѣтныя стада всякаго скота, верблюдовъ, лошадей, быковъ и овецъ, всего болѣе четырехъ сотъ тысячъ штукъ.

Такъ кончился этотъ непродолжительный походъ, слѣдствіемъ котораго было чувствительное и заслуженное наказаніе хищныхъ кубанцевъ и воровскихъ казаковъ некрасовцевъ.

Послѣ кубанскаго похода Апраксина, Петръ призналъ необходимымъ возобновить старинную нашу крѣпость Терки или Тюмень, основанную почти за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ, въ царствованіе царя Іоанна Васильевича, на одномъ изъ рукавовъ рѣки Терека, при впаденіи его въ Каспійское море. Въ Тюменѣ по приказанію Петра Великаго поселены были потомки гребенскихъ казаковъ, бѣжавшихъ съ Дона въ смутное время Московскаго Царства. Здѣсь по Тереку основано было изъ потомковъ повинившихся казаковъ пять станицъ, извѣстныхъ въ настоящее время своимъ богатствомъ и многолюдствомъ, а именно: Кудрюковская Старогладковская, Новогладковская, Щедринская, и Червленная.

Такъ Петромъ Великимъ положено было основаніе нашему владычеству у самыхъ воротъ Кавказа, по со-

сѣдству съ горскими племенами, но на этомъ не остановилась дѣятельность Петра Великаго на Кавказѣ. То, что начато было въ 1711 году, было только на время прервано войнами съ Швеціею.

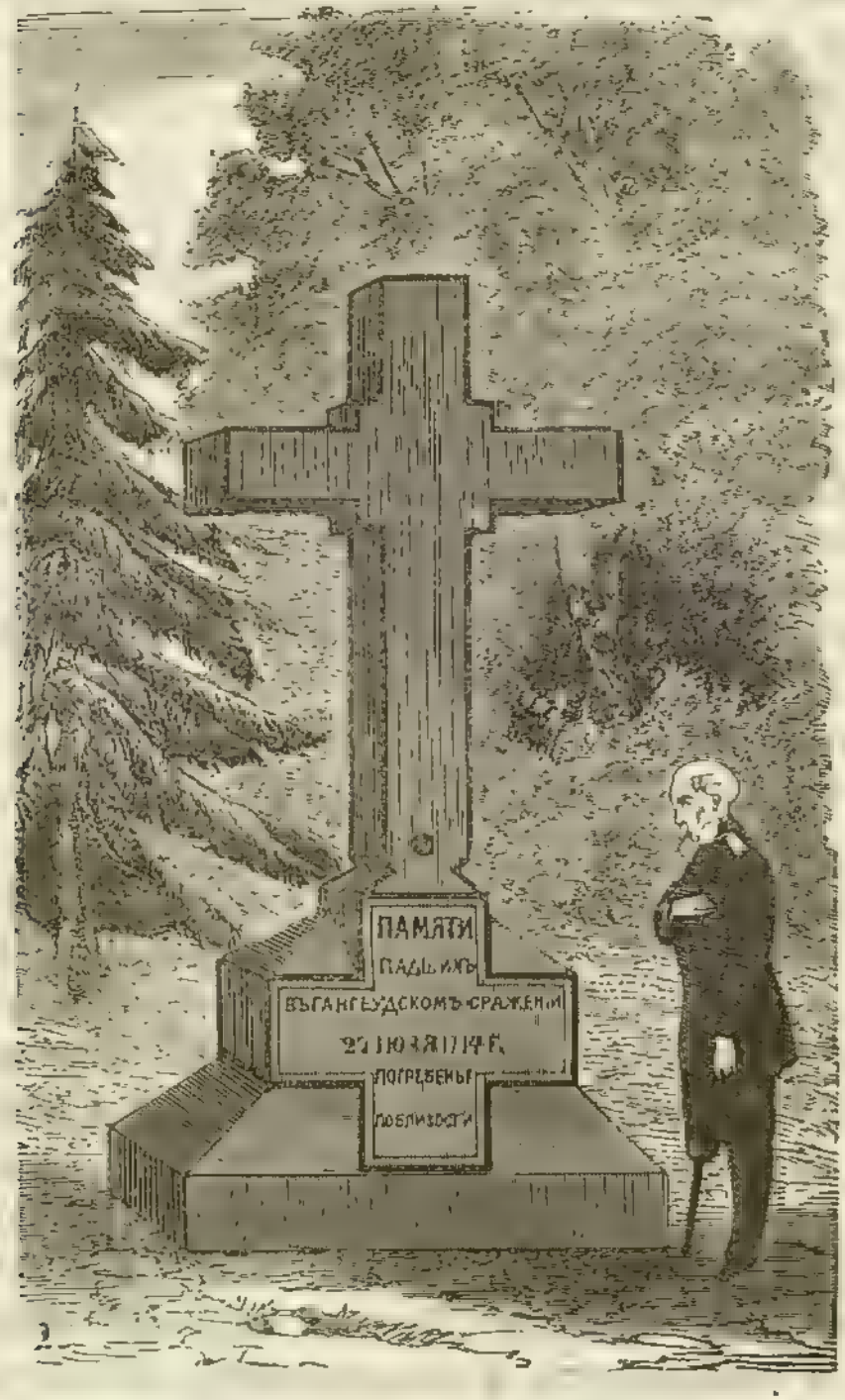
XIV.

Первая морская побѣда Петра надъ Шведами при Гангеудѣ и миръ съ Шведами.

Гангеудская битва.—Производство Петра въ вице-адмиралы.—Изгнаніе Карла XII-го изъ Турціи, смерть его и заключеніе мира въ Ништадтѣ. — Петръ принимаетъ титутъ Императора Всероссійскаго,—Отца Отечества.—Правосудіе Петра.

Шведы послѣ нанесеннаго имъ пораженія подъ Полтавою, не смотря на отсуствіе своего Короля, остававшагося еще въ Турціи, продолжали войну съ Россіею, такъ что Петръ, по возвращеніи съ береговъ р. Прута, вновь вынужденъ былъ вести войну. Въ 1712 году русскія войска вытѣснили Шведовъ изъ Померраніи, а въ 1713 году завоевана была у Шведовъ вся южная часть Финляндіи; Петръ Великій, въ чинѣ контръ-адмирала, находился при войскѣ, всѣмъ распоряжался. Города: Гельсингфорсъ, Борго, Тавастгустъ и Або были взяты Русскими; но чтобы твердо владѣть этими землями, необходимо было сокрушить силы Шведовъ, не только на сухомъ пути, но и на морѣ. Для того-то, подъ личнымъ надзоромъ Петра, строились поспѣшно малыя и большія суда и пріискивались опытные кормщики, знакомые съ бурнымъ Балтійскимъ моремъ. Въ Архангельскѣ всѣ лучшіе рыбаки, по повелѣнію царя, были забраны въ матросы для строющагося флота.

Желаніе Петра уничтожить морскія силы Шведовъ



Памятникъ павшимъ въ Гангеудскомъ сраженіи
27-го іюля 1714 года.

было имъ достигнуто Гангудскою битвой. Весною **1714**

года русскій флотъ, состоявшій изъ небольшихъ судовъ (галеръ), плавалъ по бурному Балтійскому морю. Въ іюнѣ мѣсяцѣ русскія галеры были внезапно окружены сильнымъ шведскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ 28 судовъ. Царь Петръ Алексѣевичъ не устрашился Шведовъ, онъ рѣшился пробиться съ своими галерами сквозь ряды непріятельскаго флота.

Это былъ смѣлый и отважный подвигъ; 27 іюня, 1714 года, предъ разсвѣтомъ, когда шведскія суда при совершенномъ безвѣтріи, оставались на мѣстѣ, русскія галеры на веслахъ быстро прошли мимо шведскихъ судовъ, и окружили часть шведскаго флота, стоявшаго отдѣльно у Гангеуда, подъ начальствомъ контръ-адмирала Эреншильда. Въ самомъ разгарѣ битвы, Петръ Великій былъ впереди, два часа продолжалась отчаянная схватка русскихъ галеръ съ шведскими кораблями, и наконецъ, — Русскіе побѣдили. Эреншильдъ, израненный былъ взятъ въ плѣнъ, и побѣдители, полонивъ нѣсколько шведскихъ судовъ, съ торжествомъ возвратились въ Петербургъ.

Полтораста слишкомъ лѣтъ прошло со времени замѣчательной побѣды Русскихъ при Гангеудѣ; въ воспоминаніе объ этомъ событіи, вычеканено нѣсколько медалей, а на мѣстѣ, гдѣ погребены павшіе въ этой битвѣ, вѣрные сыны отечества, поставленъ памятникъ. Памятникъ высѣченъ изъ сердобольскаго гранита. Съ двухъ сторонъ его врѣзаны медали.

На памятникѣ съ лицевой стороны надпись: «Памяти падшихъ въ Гангеудскомъ сраженіи 27-го іюля 1714 года, погребенныхъ по близости»; съ противоположной — та же надпись по шведски; съ боку над-

пись: «Съ приношеній Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Князей: Алексѣя Александровича и Константина Николаевича»; съ другаго бока: «Поставленъ трудами эскадры Морскаго училища 27 іюля 1870.

Славное Гангеудское сраженіе, кромѣ того, что доказало Шведамъ и другимъ европейскимъ державамъ силу Русскаго оружія на морѣ, но дало возможность осуществить главную цѣль Петра, овладѣть прибрежьями Финскаго залива. Такъ, въ 1721 году онъ овладѣлъ частью Финляндіи, что составляло тогда Выборгскій и Кексгольмскій округа.

Радостно встрѣтилъ ихъ народъ; всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на шведскіе корабли, повсюду толковали объ этой *первой* морской побѣдѣ Русскихъ надъ Шведами. Когда шведскія знамена, взятыя въ битвѣ, были съ торжествомъ внесены въ соборъ св. Петра и Павла, тогда царь Петръ Великій отправился въ Сенатъ и приказалъ доложить о своемъ прибытіи князю-кесарю Ромодановскому.

Князь Ромодановскій принялъ Петра Великаго, сидя на тронѣ, и окруженный сенаторами. Онъ спросилъ о здоровьѣ царя Петра, похвалилъ его за ревностную службу отечеству, и принялъ отъ него рапортъ о Гангеудской побѣдѣ. Послѣ того князь-кесарь, обратясь къ Петру Великому, громко провозгласилъ: «здравствуй вице-адмиралъ!» Этимъ князь-кесарь далъ знать царю Петру Великому, что онъ возводится въ чинъ вице-адмирала.

Въ то время какъ Петръ Великій торжествовалъ въ С.-Петербургѣ свои побѣды надъ Шведами, шведскій

король оставался все еще въ Турціи (въ небольшомъ селеніи Ворницы, близъ Бендеръ) и при немъ находился отрядъ изъ 1,000 шведскихъ воиновъ. Карлъ XII оставаясь въ Турціи пытался вооружить ее противъ Россіи, но его происки до того наскучили Туркамъ, что они желали освободиться отъ безпокойнаго гостя, тѣмъ болѣе что гордые Шведы, въ тоже время оскорбляли и Турокъ, и не разъ дѣло между ними доходило до кровопролитныхъ дракъ. Наконецъ турецкій султанъ обратился къ шведскому королю съ просьбою оставить его владѣнія, и когда Карлъ XII не согласился на это, то четырнадцати-тысячный отрядъ Турокъ и Татаръ получилъ приказаніе силою изгнать Шведовъ изъ Турціи.

— «Мы будемъ защищаться!» вскричалъ шведскій король, когда былъ окруженъ турецкимъ войскомъ. Тщетно Турки просили Карла XII не начинать безполезнаго кровопролитія, и покориться силѣ. Шведскій король съ насмѣшкой послалъ сказать имъ, что онъ «всѣмъ имъ отрубитъ бороды».

Раздраженные этой обидой, Турки бросились на Шведовъ, многихъ изъ нихъ убили, и почти всѣхъ остальныхъ забрали въ плѣнъ. Шведскій король и тутъ успѣлъ вырваться изъ толпы Турокъ, съ 20 Шведами онъ заперся въ своемъ домѣ и продолжалъ стрѣлять изъ оконъ по турецкимъ солдатамъ. Тогда Турки подожгли домъ короля, и Карлъ XII, съ саблею въ одной рукѣ и съ пистолетомъ въ другой, выскочилъ изъ пламени, врѣзался въ толпу янычаръ, рубилъ и кололъ на всѣ стороны, пока наконецъ, обезоруженный онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Его отвезли въ небольшой турецкій городокъ Демотяку; вскорѣ послѣ того Карлъ XII, переодѣтый, съ однимъ только

спутникомъ выѣхалъ изъ Турціи, и поздно ночью, никѣмъ не узнанный, прибылъ въ шведскій городъ Штральзундъ.

Такъ, послѣ шестнадцатилѣтняго отсутствія, возвратился въ свое отечество шведскій король Карлъ XII, но судьба недолго судила ему прожить въ своемъ отечествѣ. 30 ноября 1718 года Карлъ XII былъ убитъ ружейною пулею при осадѣ крѣпости Фридрихсгалла (въ Норвегіи). Пуля пробила на вылетъ голову храбраго короля.

Послѣ смерти Карла XII, упорная война Русскихъ со Шведами продолжалась и только въ 1721 году (30 августа) заключенъ былъ между воюющими сторонами миръ въ Ништадтѣ, по которому Россія пріобрѣла отъ Швеціи Лифляндію, Эстляндію, Ингрію (нынѣшнюю С.-Петербургскую губернію), часть Карелiи съ городомъ Кексгольмомъ, и часть Финляндіи съ городомъ Выборгомъ.

Вѣстникомъ заключеннаго, выгоднаго и славнаго для Россіи мира, посланъ былъ капралъ гвардіи Обрѣзковъ. 3 сентября 1721 года Петръ Великій, подъѣзжая къ своему загородному дому въ Дубкахъ (близъ Петергофа), встрѣтилъ Обрѣзкова, а на другой день, Царь, въ сопровожденіи только пажа, въѣхалъ въ Неву на небольшомъ суднѣ, возвѣщая своей столицѣ радостное извѣстіе звуками трубъ и пушечными выстрѣлами Народъ, не зная о заключеніи мира, толпами сбѣгался на берега Невы, чтобы узнать, что возвѣститъ государь. На пристани у церкви св. Троицы (на Петербургской сторонѣ) собралось духовенство и высшіе сановники. Государь объявилъ имъ о заключенномъ мирѣ,

и поспѣшилъ въ храмъ Божій, благодарить Господа за ниспосланныя Имъ милости и величіе Россіи.

По окончаніи благодарственнаго молебствія, царь Петръ Великій вмѣстѣ съ сподвижниками своими: Меньшиковымъ, княземъ Долгорукимъ, Шереметевымъ, Репнинымъ, Брюсомъ, Бауеромъ и другими, вышелъ на площадь. Толпы народа ожидали выхода государя; тутъ же приготовлены были огромныя бочки съ пивомъ и виномъ, и устроенъ былъ высокій помостъ. Петръ Великій, въ мундирѣ Преображенскаго полка, взошелъ на этотъ помостъ, снялъ шляпу, поклонился народу, и произнесъ: «здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый, славный миръ!»

Народъ отвѣтствовалъ государю общимъ, единодушнымъ крикомъ «ура!» Петръ Великій подошелъ къ бочкѣ съ виномъ, зачерпнулъ въ стаканъ вина, и первый выпилъ «за здравіе всего русскаго народа.»

— «Веселитесь, любезные», говорилъ царь Петръ, обходя съ чаркою въ рукѣ толпы народа, тѣснившіяся на площади; «да поможетъ намъ теперь Богъ въ мирѣ трудиться для прибытка нашего, и облегчить тягости, понесенныя вами въ этой войнѣ.»

Двѣнадцать драгуновъ, въ богатыхъ зеленыхъ мундирахъ, съ бѣлыми перевязями чрезъ плечо, и съ бѣлыми знаменами въ рукахъ, разъѣзжали по улицамъ Петербурга, до поздняго вечера, возвѣщая всему народу о славномъ мирѣ.

Почему же Петръ Великій такъ радовался заключе-

нію мира съ Швеціей? Потому, что по мирному договору Петръ пріобрѣлъ отъ Шведовъ то, что онъ считалъ необходимымъ для благоденствія Россіи, для чего онъ велъ долгія, упорныя войны съ Турціею и Швеціею. Россія пріобрѣла приморскія области: Ингрію, Лифляндію, Эстляндію и часть Финляндіи. Съ этого только времени народъ Русскій могъ безпрепятственно вступать въ дружественныя и торговыя сношенія съ иностранными государствами. Русскіе корабли могли плавать въ Балтійскомъ морѣ, а въ новоосно̀ванной столицѣ Петербургѣ иноземные торговые корабли могли найти удобную и безопасную гавань.

Вскорѣ послѣ заключенія мира со Швеціею, сенатъ и синодъ, чтобы выразить Петру Великому свою благодарность за его неусыпные труды, рѣшили: «имемъ всего народа всероссійскаго просить царя Петра Алексѣевича, чтобы онъ соизволилъ принять отъ нихъ титулъ: Отца отечества, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго.» Первоначально Сенатъ отправилъ къ царю съ этимъ предложеніемъ Меньшикова и двухъ архіепископовъ: Новгородскаго—Θеодосія, и Псковскаго—Θеофана. Долго государь не соглашался на предложеніе сената; наконецъ, убѣжденный настойчивыми просьбами, онъ согласился принять титулъ Императора.

22 октября 1721 года всѣ почетные сановники государства и высшее духовенство снова собрались въ соборѣ св. Троицы, и великій канцлеръ, графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, приблизясь къ государю, произнесъ отъ имени всего народа благодарственную рѣчь. Въ заключеніе графъ Головкинъ сказалъ:

— «Прими подносимый тебѣ нынѣ титулъ, какъ

знакъ признанія народа великихъ твоихъ благодѣяній. Твоя отъ твоихъ, и достойному достойное воздаемъ. Да здравствуетъ Петръ Великій, отецъ отечества, Императоръ Всероссійскій!»

Сенаторы, всѣ государственные сановники, и весь народъ, толпившійся въ церкви и на площади, отвѣчали на слова графа Головкина громкимъ: «ура!» Началось молебствіе въ храмѣ, а затѣмъ — снова повторились народные праздники, какъ и въ день объявленія Ништадскаго мира. Много милостей было объявлено народу, недоимки въ податяхъ были сложены, всѣ преступники кромѣ убійцъ и разбойниковъ были освобождены изъ тюремъ.

Петръ Великій, радуясь и пируя вмѣстѣ съ народомъ, и охотно прощая маловажные проступки, требовалъ, однако же, чтобы правосудіе соблюдалось неуклонно. Однажды, во время тяжкой болѣзни государя, судья уголовныхъ дѣлъ предложилъ: «не благоволитъ ли государь, по примѣру предковъ помиловать приговоренныхъ къ смерти разбойниковъ, чтобы они молили Бога о его выздоровленіи?»

— «Неужели ты думаешь,» отвѣчалъ Петръ Великій, «что Богъ услышитъ молитву злодѣевъ? Прикажи тотчасъ же исполнить надъ ними приговоръ. Я надѣюсь правосудіемъ скорѣе преклонить Бога на милость, чѣмъ нарушеніемъ закона. Невинно пролитая кровь вопіетъ объ отомщеніи, и кровопролитіе, оставленное безъ наказанія, тяготитъ землю.»

Только однажды Петръ Великій помиловалъ разбойника и душегубца, приговореннаго къ смерти. Это былъ крестьянинъ изъ одной деревушки, по близости Моск-

вы, по имени Агафонъ Сергѣевъ. Отецъ и мать его были люди добрые и благочестивые, но сынъ пошелъ не по ихъ пути и примѣру. Спознался онъ съ лихими людями, которые сначала познакомили его съ чаркой лиходѣйкой, а потомъ дурными примѣрами да бражничествомъ довели и до преступленія.

Пословица говоритъ: «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить.» То же случилось и съ Сергѣевымъ. Въ темную, осеннюю ночь, пьяный, самъ не помня что онъ дѣлаетъ, вышелъ Сергѣевъ со своими товарищами на разбой, къ проѣзжей дорогѣ. Что задумывали его пріятели, кого ограбили они, — Сергѣевъ не помнилъ. Онъ помнилъ только, что какой-то проѣзжій умолялъ разбойниковъ о пощадѣ, помнилъ, что алая кровь брызнула на сырую землю и въ ужасѣ убѣжалъ онъ съ мѣста преступленія...

Злодѣйство было вскорѣ открыто, и всѣ душегубцы, въ томъ числѣ и Сергѣевъ, взяты были въ Преображенскій приказъ, завѣдывавшій уголовными дѣлами. Долго производился розыскъ о совершенномъ убійствѣ. Сергѣевъ не запирался ни въ чемъ; онъ откровенно разсказалъ судьямъ все, что зналъ, выдалъ и своихъ товарищей, участниковъ въ преступленіи.

Между тѣмъ наступила весна, приблизилось 9 мая —праздникъ св. Николаю Чудотворцу. Вспомнилъ Сергѣевъ въ своемъ заключеніи, что этотъ день — храмовой праздникъ въ его родномъ селѣ; вспомнилъ онъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и заныла у него душа въ тяжкой тоскѣ по своемъ родномъ селѣ. Когда на слѣдующій день привели его подъ стражею въ Приказъ, для послѣдняго допроса, то Сергѣевъ, окончивъ

свои показанія, упалъ въ ноги къ начальнику Приказа, князю Ромодановскому, и сталъ просить отпустить его въ деревню, чтобы въ послѣдній разъ отпраздновать этотъ великій праздникъ и проститься съ своими родными.

— «Слыханное ли это дѣло!» отвѣчалъ князь; «тебя и здѣсь-то, въ тюрьмѣ сторожатъ часовые, и двери замкнуты тремя замками. А ты просишь отпустить тебя одного въ деревню!»

— «Батюшка князь, я вернусь въ тюрьму чрезъ пять дней.»

— «А кто поручится мнѣ, что ты исполнишь свое обѣщаніе? Развѣ я могу повѣрить тебѣ?»

— «Порукой за меня будетъ святой Николай Чудотворецъ; не обману я тебя, батюшка князь, а если бы я и вздумалъ обмануть тебя, то не допуститъ меня до этого святой Угодникъ Божій.

Призадумался набожный князь, и перекрестясь передъ образомъ, отпустилъ преступника на родину. Сергѣевъ еще разъ поклялся предъ иконою, что чрезъ пять дней онъ непремѣнно возвратится.

Изумился государь, узнавъ объ этомъ поступкѣ князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго. «Неужели ты думаешь,» говорилъ онъ князю, «что разбойникъ, загубившій человѣка, сдержитъ слово, данное передъ образомъ. Простоватъ ты князь; не чаялъ я этаго отъ тебя.»

— «Подожди, государь,» отвѣчалъ князь Ромодановскій; «пять дней не долгій срокъ; если преступникъ не явится къ сроку, тогда суди меня; я отвѣчу за него своей головою.»

Но опасенія государя не сбылись; на пятый день

Сергѣевъ явился къ князю Ромодановскому, и со слезами благодарилъ его за оказанную милость. Князь въ тотъ же день представилъ Сергѣева царю Петру Великому»

— «Какъ же ты рѣшился возвратиться?» съ изумленіемъ спросилъ государь у преступника, «развѣ ты не знаешь, что тебя неминуемо казнятъ смертью за душегубство?»

— «Знаю, надежда-государь,» отвѣчалъ Сергѣевъ; «но знаю я также, что если бы я обманулъ князя, и не воротился въ тюрьму, тогда Господь покаралъ бы меня, и я рано или поздно потерпѣлъ бы страшную муку. Къ тому же я заслужилъ эту казнь, и приготовился къ ней покаяніемъ передъ Богомъ.»

Государь еще долго говорилъ съ преступникомъ, и видя его полное раскаяніе, набожность и честныя искреннія чувства, ласково отпустилъ его; черезъ нѣсколько дней послѣдовало рѣшеніе Петра Великаго по уголовному дѣлу Сергѣева: государь отмѣнилъ смертную казнь, и приказалъ записать Сергѣева солдатомъ въ Сибирскій гарнизонъ.

XV.

Персидскій Походъ.

Приготовленія Петра къ походу.—Высадка Петра въ Терки. — Посѣщеніе имъ Шахмала. — Движеніе къ Дербенту. — Радушіе жителей и торжественный въѣздъ Петра въ Дербентъ.—Усмиреніе дагестанскихъ горцевъ и овладѣніе областями по Каспійскому морю. — Благодѣтельныя послѣдствія похода.

По заключеніи въ 1721 году мира со Шведами и утвердившись по Ништадтскому миру на берегахъ Бал-

тійскаго моря, Петръ Великій, признавая необходимость утвердиться также и на берегахъ Каспійскаго моря, началъ приготовляться къ походу въ Персію. Для персидскаго похода назначено было многочисленное войско, состоявшее изъ 22,000 пѣхоты, 9,000 драгунъ, нѣсколькихъ тысячъ малороссійскихъ казаковъ, астраханскихъ татаръ и кабардинцевъ. Пѣхотные полки, находившіеся въ Финляндіи, отправлены были съ этою цѣлью на зимнія квартиры близъ Волги, гдѣ съ весною 1722 года каждый полкъ приступилъ къ постройкѣ крѣпкихъ судовъ, по шведскому образцу. Къ открытію судоходства все было готово; полки посажены на суда, нагруженные провіантомъ, аммуниціею и артиллеріею; солдаты служили въ тоже время и матросами на судахъ. Самъ царь, въ сопровожденіи Императрицы, отплылъ въ половинѣ мая изъ Москвы на стругѣ «Москворѣцкомъ» по рѣкамъ: Москвѣ и Окѣ до Нижняго Новгорода, который былъ сборнымъ пунктомъ для отплытія всѣхъ войскъ внизъ по Волгѣ.

Черезъ мѣсяцъ Петръ Великій былъ уже въ Астрахани, гдѣ издалъ манифестъ на татарскомъ, турецкомъ и персидскомъ языкахъ, въ которомъ объявлялось, что царь идетъ съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ на бунтовщиковъ: а именно: на владѣльца Лезгинской земли Даудъ-Бега и владѣльца Кази-Кумыкской земли Сухрая, взбунтовавшихся противъ персидскаго шаха и завладѣвшихъ ширванскимъ городомъ Шемахою.

Пѣхота, артиллерія, аммуниція и значительный провіантъ отправлены были на трехстахъ различныхъ судахъ, изъ Астрахани моремъ 18 го іюля. Конница,

донскіе и малороссійскіе казаки отправились сухимъ путемъ, черезъ степь. При отплытіи изъ Астрахани, по приказанію Императора на гукерѣ «Принцесса Анна» командующимъ флотомъ, генералъ-адмираломъ графомъ Апраксинымъ, поднятъ былъ въ первый разъ генералъ-адмиральскій флагъ, причемъ отданъ былъ салютъ. Государь лично поздравилъ адмирала съ этою новою почестью и престарѣлый воинъ былъ до глубины души растроганъ царскою милостью.

23-го іюля Петръ Великій благополучно прибылъ къ устью рѣки Терека и тотчасъ же приступилъ къ приготовленіямъ для высадки войскъ. Государь осмотрѣлъ городъ Терки и самъ выбралъ мѣсто для высадки десанта; это были песчаные бугры близъ Аграханскаго залива. Вмѣсто маяка, временно водружена была въ песокъ мачта съ татарской лодки и, войскамъ, послѣ молебна велѣно было произвести бѣглый огонь и начать высадку въ Аграханскомъ ретраншаментѣ, такъ названномъ самимъ Императоромъ потому, что онъ предполагалъ устроить здѣсь укрѣпленный лагерь.

Въ ожиданіи прибытія конницы, Петръ Великій отправился на рекогносцировку окрестныхъ мѣстъ, а также для осмотра переправы черезъ рѣку Сулакъ. По прибытіи Государя къ Сулаку, горскіе владѣльцы и въ томъ числѣ шамхалъ Тарковскій прислали своихъ пословъ, съ изъявленіями покорности и съ подарками. Шамхалъ Тарковскій поднесъ Императору великолѣпный персидскій шатеръ, подбитый шолковыми тканями, который и былъ разбитъ на берегу.

Войска наши немедленно вступили во владѣнія Шам-

хала, принявшаго насъ столь дружелюбно, что даже самъ царь удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ.

Оставивши въ Аграханскомъ ретрашаментѣ маленькій гарнизонъ изъ двухъ сотъ казаковъ, Петръ Великій приказалъ флоту отплыть по направленію къ Дербенту; самъ же, во главѣ арміи, двинулся туда же сухимъ путемъ. Подойдя къ горамъ владѣнія Шамхала Тарковскаго, Петръ предъ ауломъ Тарки *), построилъ небольшое укрѣпленіе и вырылъ нѣсколько колодцевъ для отряда. 6-го августа наши войска стояли у рѣки Сулака и приготовлялись къ переправѣ, на плотахъ и паромахъ. Въ это время Аксайскій султанъ Махмудъ и посолъ Тарковскаго князя прибыли къ Государю и привезли ему подарки, въ томъ числѣ великолѣпныхъ персидскихъ лошадей, быковъ для перевозки тяжестей и продовольствія войскъ и богато украшенную сбрую.

Въ то-же время, отъ Наиба Дербентскаго, опасавшагося нападенія Даудъ-бека и Сурхая Кази Кумыкскаго, прибыли къ царю депутаты и изъявили свою радость, что Русскій царь идетъ къ нимъ на защиту. Самъ султанъ выѣхалъ на встрѣчу Государю и просилъ его покровительства, такъ какъ не могъ разсчитывать на защиту со стороны персіянъ. Петръ Великій послалъ въ Дербентъ полковника Наумова съ двѣнадцатью казаками обнадежить коменданта города и условиться на счетъ въѣзда Государя.

Во время приготовленій къ въѣзду Императора въ

*) Въ настоящее время воздвигнутъ въ этомъ мѣстѣ великолѣпный военный и торговый портъ, названный Петровскимъ, въ память первой высадки императора Петра Великаго.

Дербентъ, получено было донесеніе объ измѣнѣ двухъ мѣстныхъ владѣльцевъ: Султана Махмуда изъ Утемиша и Усмея изъ Хайтаковъ. Не продолжая дальше похода, Петръ Великій приказалъ, 19 августа, остановиться войскамъ на роздыхъ; а между тѣмъ послалъ

Памятникъ въ Петровской рищицѣ въ 6-ти верстахъ отъ Дербента. (къ стр. 158)

былъ въ Утемишъ къ вѣроломнымъ горцамъ есаулъ съ тремя казаками для доставленія султану письма, въ которомъ требовалась его покорность. Но, вмѣсто всякаго отвѣта, посланные были изрублены.

Убійство это было сигналомъ къ войнѣ. Противъ

нашихъ войскъ Султанъ Махмудъ выступилъ съ шестнадцатью тысячами горцевъ. Въ четыре часа пополудни войска наши завидѣли непріятеля и начался ожесточенный бой; но горцы не выдержали натиска нашихъ войскъ и въ безпорядкѣ бѣжали, преслѣдуемые русскими до самаго Утемиша, который, вмѣстѣ съ другими деревнями, былъ разграбленъ и сожженъ.

Землянка Петра Великаго въ Дербентѣ.

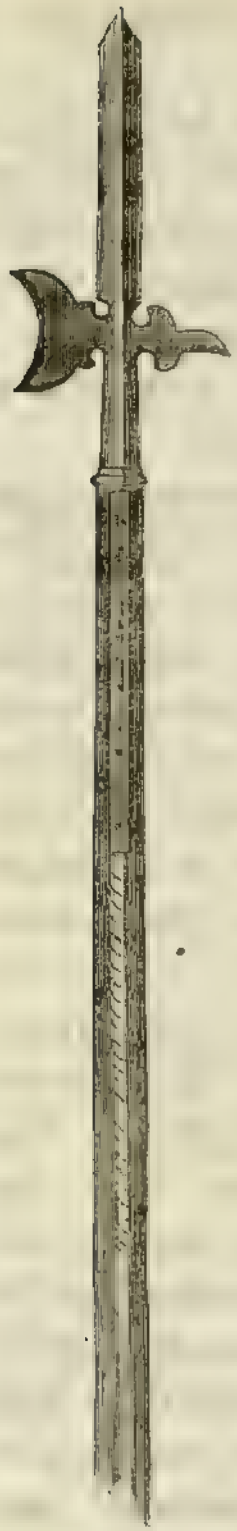
Послѣ этого, значительнаго, по вліянію на горцевъ, дѣла, Императоръ Петръ совершилъ 23 августа торжественный въѣздъ свой въ Дербентъ, гдѣ былъ встрѣченъ Ханомъ и всѣмъ народомъ. Наибъ дербентскій выѣхалъ со свитою именитыхъ гражданъ за городъ и на колѣнахъ поднесъ Императору городскіе ключи на серебряномъ блюдѣ. Въ рѣчи произнесенной при этомъ наибомъ, сказано

было: «Городъ нашъ получилъ основаніе отъ Александра Великаго; поэтому, пѣтъ ничего приличнѣе и справедливѣе, какъ городъ, основанный Великимъ, передать во власть не менѣе Великаго Монарха, который обѣ-

Видъ изъ окна Дербентской крѣпости, которое вырублено собственноручно Петромъ Великимъ въ 1722 году.

щалъ защищать его отъ всѣхъ грабительскихъ нападеній мятежниковъ».

Празднуя взятіе Дербента, Петръ Великій приказалъ устроить за городомъ обѣдъ, и тамъ, въ 6 верстахъ отъ Дербента, обѣдалъ, вмѣстѣ съ Дербентскими жи-



телями, въ рощицѣ, названной *Петровскою*. На этомъ мѣстѣ воздвигнутъ памятникъ и рощица тщательно охраняется.

Пребывая нѣкоторое время въ Дербентѣ, Императоръ Петръ предпочелъ жить въ землянкѣ, а потомъ помѣстился въ Дербентской крѣпости, гдѣ собственноручно вырубилъ окно. Живя въ крѣпости, Царь имѣлъ свою стражу, охранявшую его, а по отбытіи Петра Великаго изъ Дербента, въ крѣпости найдена была алебарда, вѣроятно оставленная кѣмъ либо изъ стражи, и сохраняемая, понынѣ какъ воспоминаніе о пребываніи Царя въ Дербентѣ.

При отбытіи своемъ изъ Дербента, Петръ Великій оставилъ въ немъ гарнизонъ, а самъ отправился въ обратный путь по вновь покореннымъ мѣстамъ и у рѣки Сулака заложилъ крѣпость Св. Креста. Здѣсь калмыцкій ханъ предложилъ Императору 40,000 своего войска, которые, вмѣстѣ съ тысячью донцами, подъ командою атамана Краснощокова, были отправлены въ Дагестанъ для усмиренія горцевъ, безпокоившихъ наши войска во время похода въ Дербентъ. Дѣйствія Краснощокова были весьма успѣшны, и въ слѣдующемъ году генералъ Матюшкинъ покорилъ весь Дагестанъ, Апшеронскій полуостровъ, Ширванское хан-

ство, городъ Баку и области Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ.

Осенью Петръ Великій возвратился въ Астрахань, а 13 декабря совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Москву. На тріумфальныхъ воротахъ, изображавшихъ городъ Дербентъ, и чрезъ которыя проѣзжалъ Императоръ, была латинская надпись: «Основанъ Героемъ, а взятъ Великимъ,» то есть, основанъ Александромъ Македонскимъ, а взятъ Петромъ Великимъ.

Какъ ни блистательны были оба, описанныхъ нами, похода въ царствованіе Петра Великаго:—Кубанскій и Персидскій походъ,—тѣмъ не менѣе этими походами въ то время не достигнуто было надлежащей полезной цѣли.

Со смертью Петра Великаго, распространеніе нашего владычества на Кавказѣ было какъ бы пріостановлено и возобновилось оно вновь лишь въ славное царствованіе императрицы Екатерины Великой. Въ царствованіе этой мудрой Государыни для довершенія дѣла, начатаго Петромъ Великимъ, всѣ наши силы перенесены были на югъ Россіи, предѣлы которой раздвинулись до Прута и Дуная, до Чернаго моря и до главнаго кавказскаго хребта. Поселенія наши обезпечены были отъ набѣговъ сѣверокавказскихъ горцевъ, въ особенности отъ Кабардинцевъ, Чеченцевъ, а также Абадзеховъ и другихъ племенъ, жившихъ на пространствѣ между притоками Кубани, Лабою и Чернымъ моремъ.

Въ тоже время, Кавказская линія перенесена была на рѣку Кубань, гдѣ отъ устьевъ ея, на полуостровѣ Тамани, до Усть-Лабинской крѣпости, поселены были остатки Запорожскихъ казаковъ, изъ которыхъ составилось Черноморское казачье войско.

Такимъ образомъ, утверждено было владычество наше на Сѣверѣ Кавказа, постепенно заселяемомъ русскими, вдоль главныхъ рѣкъ сѣвернаго Кавказа: Терека и Кубани. Отсюда могущество наше распространилось далѣе и зашло далеко за предѣлы плана, первоначально начертаннаго Петромъ Великимъ.

Когда въ царствованіе Императрицы Екатерины сдѣлалось извѣстнымъ, что богатыя Закавказкія страны томятся подъ игомъ персіянъ, безпощадно разоряющихъ и угнетающихъ единовѣрныя намъ владѣнія Грузіи, Мингреліи, Имеретіи и Гуріи, то Государыня изъявила желаніе заступиться за угнетенныхъ нашихъ единовѣрцовъ. Это ввело Русскихъ въ предѣлы Закавказья, и съ того времени началась новая благотворная дѣятельность Русскихъ на Кавказѣ.

XVI.

Послѣдніе годы царствованія Петра Великаго.

Труды правленія Петрова.—Изнуреніе силъ Царя и пользованіе Олонецкими минеральными водами. — Подвигъ спасенія утопающихъ матросовъ.—Тяжкая болѣзнь и смерть Петра Великаго.

Великъ и труденъ былъ подвигъ, предпринятый Петромъ Великимъ: преобразованіе Россіи изъ полу-азіатскаго Московскаго княжества въ сильную и богатую Россію,—первостепенное европейское государство. Безпрерывные труды и заботы разстраивали здоровье царя, но мудрый Преобразователь Россіи, озабоченный государственною дѣятельностью, онъ мало обращалъ вниманія на свое здоровье и продолжалъ неустанно рабо-

тать для блага своей родной земли. Дни царя были уже сочтены и приближалась минута, когда Россія должна была оплакать тяжкую утрату—кончину своего незабвеннаго монарха.

Петръ Великій съ 1723 года страдалъ припадками мучительной каменной болѣзни: но занятый постоянно дѣлами государственными, и надѣясь на свою крѣпость, онъ оставлялъ безъ вниманія свою болѣзнь. Правда, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ минеральныя воды въ Олонецкой губерніи, но и во время пользованія водами онъ не переставалъ заниматься дѣлами, осматривалъ новыя сооруженія, составлялъ предположенія и планы для будущихъ нововведеній. Слѣдующій случай еще болѣе усилилъ страданія Петра Великаго.

Въ одинъ ненастный, осенній день, 1 ноября 1724 года, Петръ Великій, больной, отправился осматривать оружейные казенные заводы въ небольшомъ городкѣ Систербекѣ (близъ Петербурга). Наступалъ уже вечеръ. Холодный вѣтеръ съ ревомъ нагонялъ волны на плоскій, низменный берегъ, по которому пролегала дорога. Поднялась буря, съ необыкновенною силою крутившая воду. Вѣтеръ становился съ минуты на минуту все крѣпче и еще сердитѣе бурлилъ воду.

Петръ Великій, окутанный въ широкій, теплый плащъ, ѣхалъ молча въ экипажѣ, берегомъ. Спутники его, въ числѣ которыхъ былъ князь Меньшиковъ и лейбъ-медикъ Государя Блюментростъ слѣдовали нѣсколько поодаль. Общее желаніе всѣхъ было поскорѣе добраться до деревни, гдѣ Государь хотѣлъ перепочевать и продолжать путь на утро. Меньшиковъ и Блю-

ментростъ, озабоченные нездоровьемъ Царя, торопили ямщиковъ, чтобъ возможно скорѣе доѣхать до мѣста.

Но вдругъ Петръ Великій, не смотря на холодъ и бурю приказываетъ остановиться и пристально всматривается въ туманную даль. Всѣ слѣдовавшіе съ Царемъ, стали также смотрѣть по тому же направленію и скоро замѣтили между пѣнящимися волнами ботъ, выброшенный бурею на мель у Лахты, и ботъ этотъ заливало уже водою. На ботѣ находилось нѣсколько матросовъ и солдатъ. Очевидно было, что они уже потеряли всякую надежду на спасеніе; всѣ усилія ихъ сдвинуться съ мели были тщетны, и они, съ отчаяніемъ, призывали помощь.

Съ боязнію смотрѣли спутники на больнаго Царя, предугадывая желаніе его подать помощь погибавшимъ.

— «Нужно спасти этихъ несчастныхъ», сказалъ Петръ Великій своимъ спутникамъ. «Живо отыщите лодку».

— Ваше Величество, вамъ нельзя оставаться долго здѣсь, на берегу, обратился къ нему медикъ Блюментростъ. Сырой вѣтеръ вреденъ для вашего здоровья.

— «Я говорю ищите лодку!» вскрикнулъ Царь. «Я до тѣхъ поръ не поѣду далѣе, пока эти несчастные не будутъ избавлены отъ погибели», добавилъ Петръ Великій.

Напрасно Меньшиковъ и Блюментросъ умоляли Государя поберечь свое здоровье и не подвергаться явной опасности. Петръ Великій былъ непреклоненъ. Досадуя на медленность своихъ приближенныхъ, спускавшихъ отысканную утлую лодку на море, онъ, нетер-

Петръ Великій близъ Лахты спасаетъ утопающихъ.

пѣливый, сбросивъ плащъ свой, самъ началъ помогать имъ. Скоро лодка была спущена на воду и отчалили отъ берега. Петръ, желая наивозможно скорѣе подать помощь, самъ всталъ у руля и отправился на опасный подвигъ: спасеніе погибающихъ. Небольшую лодку, въ которой ѣхалъ Царь, безпрестанно заливало волнами; мелкій дождь и холодный, осенній вѣтеръ еще болѣе усиливали страданія Государя. Но Петръ Великій, увлеченный своимъ подвигомъ и имѣя твердое намѣреніе, во что бы то ни стало, спасти погибающихъ, ни на что не обращалъ вниманія; онъ слѣдилъ за погибающими и мощною рукою направлялъ къ нимъ свою утлую лодку. Приблизившись къ погибавшимъ, Петръ послалъ къ нимъ помощь; но помощь эта оказалась малосильною. Петръ Великій, видя это, не утерпѣлъ: онъ самъ пошелъ въ воду и, стоя по поясъ въ водѣ, собственными, могучими руками спасъ 20 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Утопающіе были всѣ перевезены вмѣстѣ съ Царемъ на берегъ, причемъ Петръ простудился и сильно захворалъ. Едва оправился Петръ Великій отъ этой болѣзни, какъ 6 января 1725 года, присутствуя, вопреки совѣтамъ медиковъ и убѣдительнымъ просьбамъ царицы и приближенныхъ, при обрядѣ водоосвященія, онъ вновь тяжко простудился, слегъ въ постель; страданія его были ужасны, и Государь не переставалъ стонать и день и ночь. Чтобы укрѣпить себя молитвою, Петръ Великій приказалъ поставить около своей постели походный иконостасъ, и отслужить литургію, а 22 января 1725 года исповѣдался и пріобщился св. Таинъ.

Всѣ, бывшіе въ столицѣ врачи, созваны были на

совѣтъ, но страхъ и молчаніе ихъ показывали только, что помощь человѣческая была безсильна противъ болѣзни.

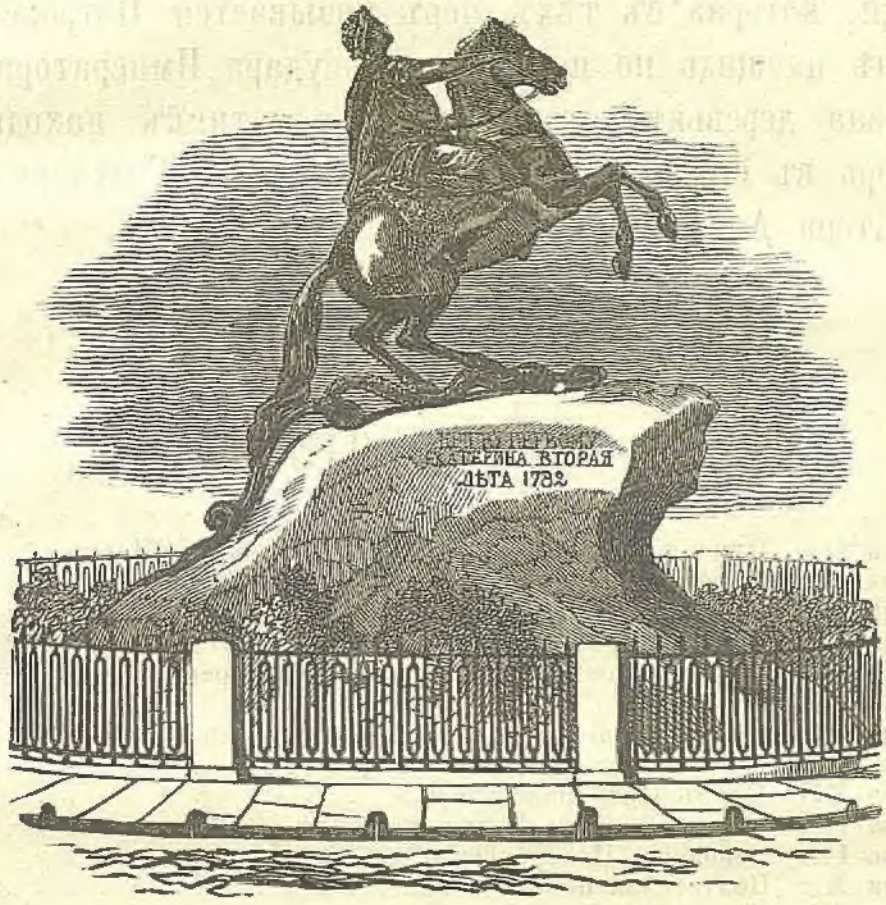
По просьбѣ царицы, Синодъ объявилъ милость и прощеніе всѣмъ преступникамъ, кромѣ убійцъ, для того, чтобы они молились о выздоровленіи государя. Но страданія Императора не ослабѣвали. Часъ смерти быстро приближался. 26 января, въ исходѣ втораго часа дня, Петръ Великій вдругъ поспѣшно спросилъ перо и бумагу, хотѣлъ что-то писать, но перо выпало изъ его ослабѣвшихъ рукъ. Онъ призвалъ царевну Анну Петровну, знаками приказалъ ей писать, — но не могъ уже выговорить ни слова!

Два архіерея приступили къ одру умирающаго и стали говорить ему о благодатномъ спасеніи нашемъ чрезъ Іисуса Христа. Тогда Петръ Великій вдругъ приподнялся на постелѣ и сказалъ внятно: «сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня!» Вслѣдъ затѣмъ онъ произнесъ: «вѣрую и уповаю»; потомъ, принявъ св. причастіе, Петръ Великій произнесъ: «вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи, помози моему невѣрію.»

Послѣ пріобщенія государь долго еще смотрѣлъ на всѣхъ спокойно и милостиво, отвѣчая на вопросы знаками, изъ чего всѣ заключали, что умирающій царь былъ еще въ полной памяти, поэтому всѣ, бывшіе во дворцѣ, приблизились къ одру умирающаго и съ плачемъ, стали прощаться. Собравъ остатокъ силъ, Петръ Великій тихо произнесъ: «послѣ!» Прощаніе приближенныхъ было для него тягостно, и всѣ тотчасъ же удалились.

Послѣ того Царь страдалъ еще болѣе полусутокъ.

Наконецъ прочитали отходную; царь лежалъ такъ тихо, что сомнѣвались, живъ ли онъ или уже скончался, прошло еще немного времени... Вдругъ царица, у которой царь лежалъ на рукахъ, съ воплемъ упала



Памятникъ Петру Великому.

лицемъ на бездыханное тѣло своего супруга: Петра Великаго не стало!

Это было 28-го января 1725 года, въ четверть шестаго часа утра. Застонали всѣ покои царскіе, и скорбный стонъ разнесся по всѣмъ улицамъ и жильямъ столицы.

Петръ Великій скончался на 53 году отъ рожденія, на 42 году своего царствованія и на 36 году своего единодержавія.

Въ память Великаго Преобразователя Россіи Императрица Екатерина II, въ 1782 году воздвигла монументъ въ Петербургѣ, передъ зданіемъ Сената, на площади, которая съ тѣхъ поръ называется Петровская. Нынѣ площадь по повелѣнію Государя Императора засажена деревьями, такъ что и памятникъ находится теперь въ скверѣ, названномъ по имени Государя Императора Александра II—*Александровскимъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава I.	Вѣнчаніе на царство царевичей Ивана и Петра. . .	1
Глава II.	Учрежденіе Потѣшныхъ.	14
Глава III.	Самодержавіе Петра	18
Глава IV.	Начало кораблестроительства	26
Глава V.	Азовскіе походы и взятіе Петромъ Турецкой крѣпости Азова	35
Глава VI.	Распоряженіе Петра къ болѣе успѣшному судостроенію и путешествіе его за границею	42
Глава VII.	Петръ Преобразователь.	56
Глава VIII.	Первые успѣхи Петра въ войнѣ съ Шведами . . .	68
Глава IX.	Основаніе Петербурга.	87
Глава X.	Полтавская побѣда	105
Глава XI.	Торжество Русскихъ	121
Глава XII.	Прутскій походъ и важная услуга, оказанная Императрицею Екатериною II государству Русскому . . .	129
Глава XIII.	Кубанскій походъ	137
Глава XIV.	Первая морская побѣда Петра надъ Шведами при Гангеудѣ и миръ съ Шведами.	141
Глава XV.	Персидскій походъ	152
Глава XVI.	Послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. . .	161

Съ 20-ю рисунками.

Цѣна 50 к. а съ пересылкою 60 к.

Редакціею народнаго журнала **„Мірской Вѣстникъ“**, по настоящее время издано 208 отдѣльныхъ книжекъ, разныхъ наименованій, для школъ. Книжки изданы тщательно, цѣною отъ 2 коп. до 1 р. сер., **полезны для начальнаго, научно-нравственнаго самообразованія.** Полный списокъ вышеупомянутымъ книжкамъ, по мѣрѣ ихъ выхода, помѣщается въ концѣ книжекъ журналовъ: **„Мірской Вѣстникъ“** и **„Чтеніе для Солдатъ“.**

Каталогъ книжкамъ высылается также желающимъ, по ихъ требованію, **безденежно.**

При изданіи брошюръ и руководствъ, Редакція постановила себѣ правиломъ, каждые послѣдующіе выпуски, по возможности, улучшать дополненіями и дѣлать въ каждомъ новомъ изданіи необходимыя измѣненія, для болѣе яснаго и популярнаго изложенія объясняемаго предмета.

Наибольшее число книжекъ для школъ, изданныхъ Редакціею народнаго журнала **„Мірской Вѣстникъ“**, одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для школъ.

Вышеупомянутыя книжки продаются въ главной конторѣ Редакціи журналовъ: **„Чтеніе для Солдатъ“** и **„Мірской Вѣстникъ“** въ С.-Петербургѣ, по Екатерининскому каналу, д. Франка № 89.

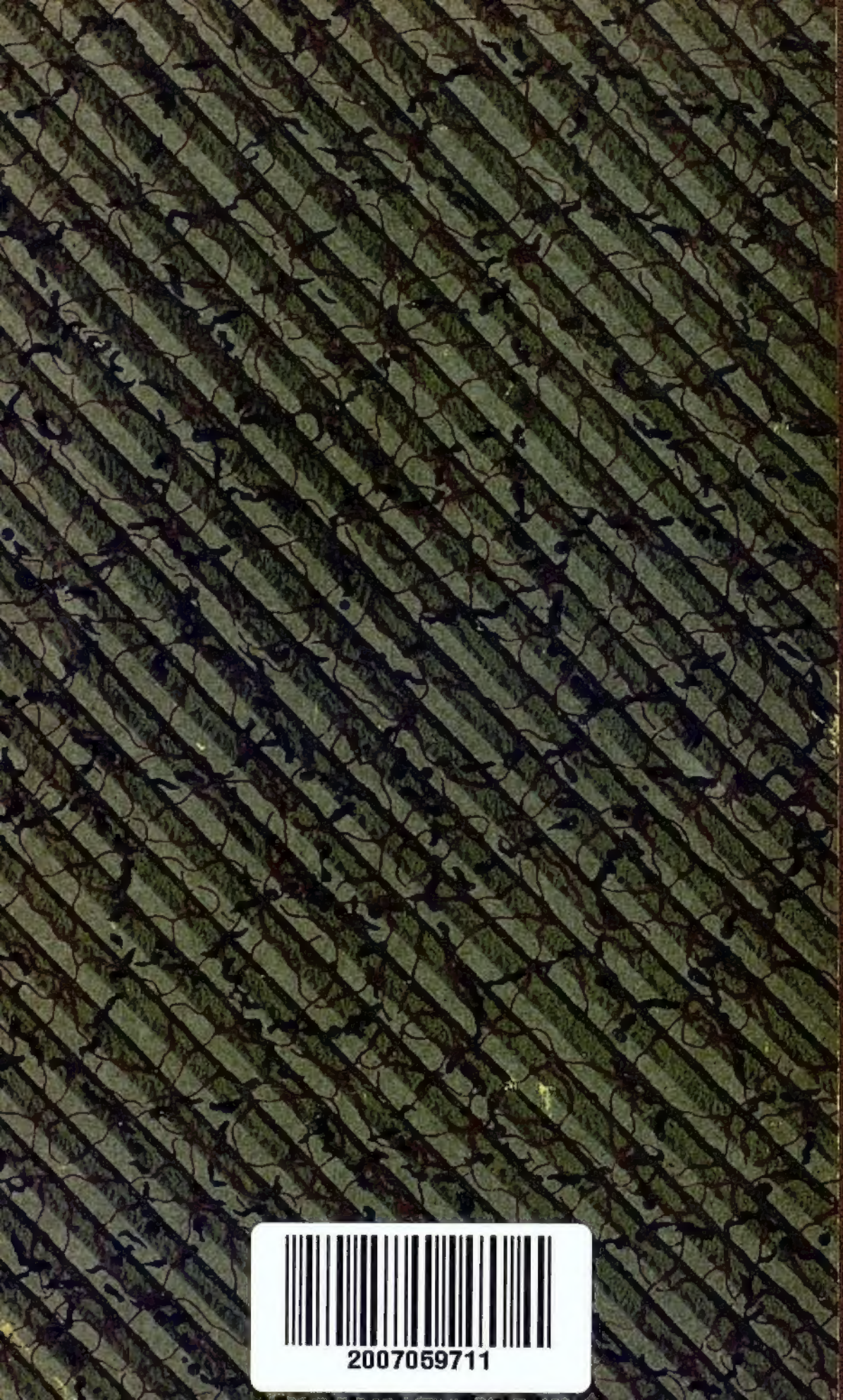
Желающіе получить народный журналъ **„Мірской Вѣстникъ“**,—(годовой экземпляръ въ 12-ти книжкахъ съ 30-ю до 40 рисунками и съ шестью изображеніями св. Иконъ),—высылаютъ за 1863, 1865, 1866 по 2 руб. а за 1867, 1869, 1870, 1871, 1872, 1873 и 1874 гг. по 3 руб. за каждый годовой экземпляръ. За доставку иногороднымъ подписчикамъ каждаго годоваго экземпляра, **прежнихъ годовъ,** слѣдуетъ прилагать особо вѣсовыхъ за **три** фунта.

Примѣчаніе: Контора Редакціи народнаго Журнала «Мірской Вѣстникъ» обязывается *въ точности* исполнять требованія, относящіяся *только до ея изданій*, о которыхъ заявлено, какъ въ отдѣльныхъ объявленіяхъ отъ Редакціи, такъ и въ объявленіяхъ, помѣщаемыхъ въ журналѣ **«Мірской Вѣстникъ»**.

Всякое же порученіе, *не относящееся прямо* до конторы Редакціи, *будетъ оставлено безъ исполненія, а деньги возвращены обратно.*

Таковая *вынужденная* мѣра принята Конторою Редакціи по чрезвычайно увеличившейся перепискѣ, отъ посторонникъ порученій, не относящихся до круга дѣятельности Редакціи.

Цѣна 50 коп., а съ пересылкою 60 коп.


2007059711